

ИГОРЬ МОЖЕЙКО

1185 ГОД.
ЗАПАД

ИГОРЬ
МОЖЕЙКО

1185 ГОД.
ЗАГІАД

ИГОРЬ МОЖЕЙКО

1185 ГОД.
ЗАПАД

Москва 1996

ББК 84Р7
Б90

МОЖЕЙКО
Игорь Всеволодович
(Кир Булычев)

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Историческая серия

1185 год. ЗАПАД

Можейко И. В.
Б90 Полное собрание сочинений. Историческая се-
рия. Т. 4. 1185 год. Запад.— М.: «Хронос»,
1996.— 368 с., 44 ил.

ISBN 5-85482-026-9

*В этой книге исторической серии рассказывается
об истории стран Запада XII века. Книга состоит из
небольших, изложенных в увлекательной форме очерков.*

ББК 84Р7

Художник *К. Сошинская*

ISBN 5-85482-026-9

© «Хронос», 1996
© Кир Булычев
© К Сошинская

ВСТУПЛЕНИЕ

Разделив книгу на две половины и дав каждой из них название, мы вынуждены были подумать о дополнительном вступлении, которое, с одной стороны, вводило бы в курс дела человека, которому попалась только вторая книга, но, с другой стороны, не показалось бы занудным разжевыванием темы, уже давно известной.

Итак, повторяю в двух фразах: вы открываете книгу, имеющую совершенно самостоятельное значение. В ней рассказано о Великом шелковом пути древности, соединявшем Китай и Японию с Западной Европой и включавшем неизбежно страны, через которые он проходил. Этот поистине великий путь древности и средневековья был нитью, если не объединявшей, то соединявшей две части мира — Восток и Запад.

В первом томе речь шла о странах и людях Востока. Во втором пойдет речь о их современниках на Западе.

Как нетрудно догадаться, уже судя по названию, мной была сделана попытка «сфотографировать» землю и показать, какой она была, какие люди на ней жили, какие события происходили восемьсот лет назад, в 1185 году и в соседних с ним годах. Обнаружилось, что в тот год сосуществовали и

даже были знакомы между собой многие персонажи истории и легенд, которых мы знаем с детства, но не подозревали, что они могли быть близки. Но на самом-то деле Фридрих Барбаросса был знаком с Владимиром Галицким, мама Ричарда Львиное Сердце Элеонора Аквитанская выкрала сына у германского императора, князь Игорь был отдаленным родственником царицы Тамары и так далее...

Многие из персонажей нашей повести понятия не имели ни о Великом шелковом пути, ни друг о друге. Но их объединял в первую очередь тот материал, в честь которого этот путь получил свое название.

Так что, продолжая рассказ о Великом шелковом пути, я предлагаю остановиться на границе между Востоком и Западом и поговорить о шелке. Как двигатель прогресса, он этого заслуживает. И послужит хорошей ступенькой для того, чтобы перейти к рассказу о Руси — первой остановке на пути к Западу.

Шелк в Европе всегда был дорог.

Во-первых, он был красив. Во-вторых, прочен и легок. В-третьих, — а это порой становилось главным, — шелк отпугивал вшей, клопов и прочих паразитов, которых было полным-полно в любом жилище средневековья — от хижины до дворца. Наши бойцы хохотали, рассматривая шелковые подштанники гитлеровских офицеров. На самом деле это не было признаком женственности или извращенности командного состава вермахта. Немецкое интендантство не жалело денег на то, чтобы спасти офицеров от мук и заразы.

Кроме того, шелк, поступавший из Китая через полсвета, был невероятно дорог, что еще более прибавляло к его популярности.

Далее я позволю себе обратиться за помощью к небольшой умной книге А. Петрова «Великий шелко-

ный путь», в которой проблема шелка рассмотрена со всех сторон.

Шелк был самым выгодным товаром, который двигался из Китая на Запад. Золотые и серебряные монеты шли навстречу, что вызывало негодование правителей и тогдашних экономистов Европы. Восток постоянно отсасывал монету. По той простой причине, что Европа начиная с времен заката Римской империи и до средневековья была, как теперь говорят с осуждением о возможной доле России, «сырьевым придатком цивилизованного мира». Цивилизованным миром был Китай. В низкосортных грубых товарах Запада он не нуждался — в серебре и золоте испытывал потребность.

Этой диспропорцией в мировой торговле в значительной степени объясняются важнейшие исторические события последующих эпох. Путешествия Васко да Гамы и Колумба — попытка отыскать прямые пути в Китай, завоевание Америки — попытка найти серебро для восточной торговли после того, как прямое вооруженное вмешательство португальцев в азиатскую жизнь провалилось. Но это отдельный разговор, а сейчас следует вернуться к шелку.

Поздний римский писатель Флавий из Сиракуз приводит возмущенные слова императора Аврелиана (270—275), брошенные в ответ на просьбу жены купить ей багряный шелковый плащ.

— Да не может быть, чтобы нитки ценились на вес золота! — закричал Аврелиан. И, очевидно, плаща жене не купил.

Через некоторое время цены на шелк возросли еще больше. Причиной тому было ослабление Римской империи и увеличение торгового риска. В эдикте императора Диоклетиана от 301 года цена на золото устанавливалась в Риме в 50 тысяч динариев, а цена на шелк — 150 тысяч.

Для сравнения: фунт мяса стоил 8 динариев.

Секрет шелка постепенно перестал быть секретом — существует немало легенд о том, как это произошло, но шелк иной выделки не мог сравниться с китайским.

В Византии секрет производства шелка был известен с VI века, когда, как рассказывают, один предприимчивый перс спрятал несколько коконов в пустотелый посох.

Другая легенда гласит, что утечка секрета произошла из-за женщины.

Для того чтобы покупать верность вождей окружающих племен, китайцы давно придумали такой фокус. Выбиралась девица, желательна из приличной семьи, и объявлялась принцессой и, может, даже дочкой императора. Затем послу дикого вождя сообщалось, что император любит его настолько, что готов с ним породниться. Хочет ли варвар породниться с властителем Поднебесной?

Обычно вождь таял от счастья. Тем более что такое предложение его ни к чему не обязывало.

Один из властителей Хотана (в Восточном Туркестане) поставил императору условие — посмотреть на невесту, голубая ли кровь в ней течет.

Император позволил.

Свидетельством тому встреча подложной принцессы и якобы дикого вождя, в ходе которой стороны понравились друг другу и даже достигли определенной степени искренности. По крайней мере известно, что вождь предложил принцессе сделку.

— Моя любезная, — сказал он, — могущественные государи с Запада жаждут раздобыть секрет китайского шелка. Нужны коконы. Взамен получаешь старшинство в моем гареме и всевозможные жизненные блага.

Все вожди, которым подсовывали «принцесс», знали, что настоящей принцессы им и в глаза не видать. Но обращались с будущей женой как с

принцессой — иначе засмеют соседи и потеряешь лицо.

Чем-то мужественный вождь принцессу пленил. Может быть, ей больше нравилась перспектива стать первой девой на деревне.

После свидания принцесса возвратилась домой, без труда набрала драгоценных коконов и отвезла их к снадьбе. Коконы продолжили свое путешествие на Запад в ее высокой прическе.

Известна такая историческая деталь: начальник пограничной крепости обязан был обыскивать с ног до головы любое, даже самое высокое лицо, покидающее империю. Но почему-то он не посмел обыскать лжепринцессу. Иначе не сносить бы ей головы.

Постепенно с китайскими шелками стали соперничать шелка согдийские, то есть среднеазиатские. Согдийские купцы торговали как своим шелком, так и китайским, ибо некоторые ответвления Великого шелкового пути заканчивались именно в Самарканде, Бухаре и прочих городах Согда. Однако дальше товары проходили с трудом, так как на пути караванов стояла обширная, могучая Персия, которая претендовала на монополию в посредничестве. С падением Персии эту роль взял на себя багдадский халифат, а с его ослаблением — сельджуки, образовавшие буферную империю.

Известно немало попыток обойти этот заслон. Они в определенной степени определяли политику Византии и ее конфликты с восточными странами. Существование же заслона вело к постоянной утечке с Запада золота и серебра, оседавшего в мешках посредников.

Начиная с середины первого тысячелетия византийская дипломатия искала обходные пути. Сначала с юга — через Йемен. Но Йемен вскоре перешел в руки к иранским Сасанидам. Были отправлены посольства еще южнее — в христианскую Эфиопию.

Но эфиопы оказались плохими торговцами и конкурировать на рынках Индии и Цейлона с персами не смогли.

Иран, как и положено монополисту, все более ужесточал правила торговли. Когда в VII веке к персидскому царю явилось согдийское посольство с просьбой разрешить провозить согдийский шелк через Иран и торговать им в Иране, царь без слов сам купил весь груз шелка, а затем приказал сжечь его перед глазами согдийских посланников, а последующие посольства в Иран либо отправлялись обратно, либо — на небо.

Тогда сами согдийцы стали искать пути в Византию. Известно об экспедиции Маниаха через низовья Итиля (Волги) и через Северный Кавказ.

Экспедиция благополучно достигла византийских владений, по этому пути последовали различные посольства, а затем и караваны. Хотя северный путь не смог составить реальной конкуренции персидскому, ибо был длиннее и на нем были свои сложности и опасности — те же кочевники русской степи, те же бесконечные войны между русами и печенегами и половцами, все же он стал проторенной дорогой и способствовал оживлению движения по самой Волге с перевалкой в Северную Европу и по Днепру к Крыму и в Южную Европу.

На рубеже нашего века множество фрагментов шелка было найдено в могильниках Северного Кавказа. На много лет эти находки улеглись в хранилищах Эрмитажа, пока в наши годы изучением их не занялась сотрудница музея А. Иерусалимская. К этому времени уже было известно, как отличать согдийские шелка от китайских. Подавляющее большинство фрагментов оказалось согдийским. Но среди них были китайские лоскутки, а также несколько фрагментов византийского производства, где тоже к средним векам наладили выращивание тутового шел-

копрядя, хотя достичь высот в производстве шелка не смогли.

На основе исследования в Эрмитаже удалось представить себе картину того, как функционировал Шелковый путь, как одевались степные вожди и их приближенные в промежутке между VII и XIII веками.

Такое многообразие и количество шелковых тканей — безусловное доказательство оживленной жизни на северном ответвлении Шелкового пути, доказательство того, что Византии и согдийцам удалось обойти Иран, да и сами жители степей ценили согдийские и даже китайские шелка.

Тогда возникает вопрос, имеющий прямое отношение к следующей главе этой книги: пользовались ли шелками русские в раннем средневековье или они предпочитали мужественную и грубую сермягу?

И тогда можно обратиться к величайшему памятнику русской средневековой литературы — к «Слову о полку Игореве». И заодно кинуть жребий в пользу его подлинности.

Если перевести соответствующий отрезок текста на современный русский язык, то в описании первой стычки с половцами есть такая фраза: «Спозаранок в пятницу потоптали они поганые полки половецкие, и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними юлото, и паволоки, и дорогие оксамиты». Первоначально эти слова обозначали дорогие ткани, в первую очередь шелк. Чего на Руси не изготавливали.

Допустим, что эти названия были вставлены в текст позже, чтобы доказать, якобы русские воины были знакомы с заморскими редкостями. А во времена князя Игоря их и в помине не было.

Но достаточно обратиться к описанию тех же событий в русских летописях. Оказывается, описание

набега князя Игоря на половецкие кочевья во всех имеется, а вот перечисления добычи — нет.

Ипатьевская летопись сообщает о том, что воины Игоря захватили «большой полон» и ночью вернулись к своим полкам.

Лаврентьевская летопись разъясняет, что «взяли русские полон — жен и детей, и стояли три дня в вежах половецких, веселясь...».

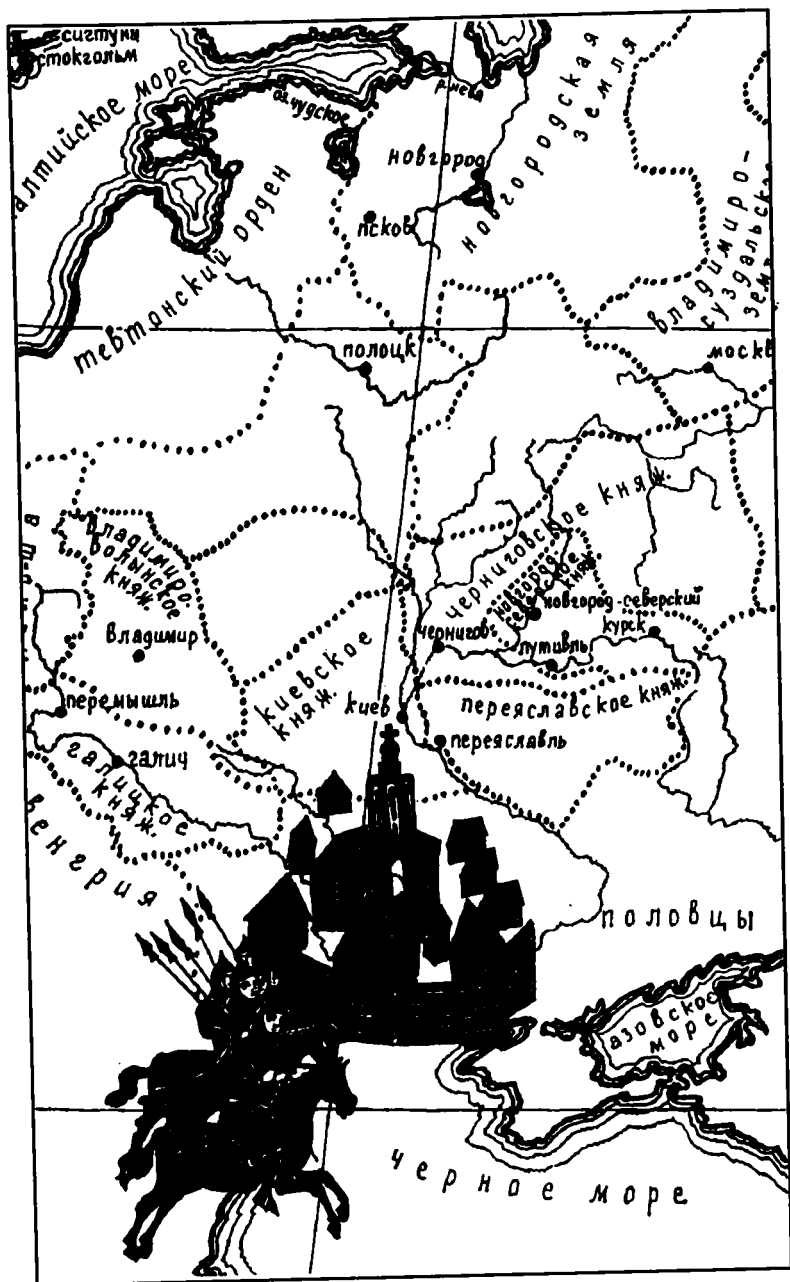
Получается, что составители летописей о трофеях Игоря знали не все и списать оттуда поздний компилятор ничего не мог. Следовательно, сообщение о шелке — еще одно доказательство подлинности «Слова о полку Игореве». Ведь сведения о шелках могли забыться за время, прошедшее между событиями и составлением летописей. Но для поэта — автора «Слова» оксамиты и паволоки не менее ценная добыча, чем девушки. Вспомним, что шелк в Европе по весу приравнивался к золоту и даже превосходил его.

Но для того чтобы лучше во всем разобраться, повернем от хребтов Кавказа на север и на полпути к лесу встретим неудачливое войско князя Игоря Северского.

Часть I

РУСЬ

БУРНАЯ МОЛОДОСТЬ КНЯЗЕЙ

Грузия, Армения, Византия были восточным рубежом христианского мира, противостоя миру ислама. Русь, разделенная на княжества, разобщенная и беспокойная, была щитом, оберегавшим Европу от Великой степи, и в то же время посредницей между народами Степи и Европой.

Торговые пути, проходившие по Руси, были ответвлениями Великого шелкового пути. Две основные ветви шли по долинам Волги и Днепра. На днепровской, более старой дороге выросли города Южной Руси, к ней тяготели западные княжества, и основным перевалочным пунктом там стал Великий Новгород — ворота в Балтику.

Путь по Волге был моложе днепровского и процветал в те века, когда усилились государства Средней Азии. На этом пути существовало Болгарское царство, по этому пути персидское серебро попадало в верховья Камы, а меха из тайги — ко двору багдадского халифа. Этот путь помог становлению городов Северной Руси — Владимира, Суздаля, а потом и Москвы. Он также в конце концов выходил к Балтийскому морю, укрепляя значение Новгорода.

Торговые пути по Днепру и Волге часто определяли политику государств, тяготевших к ним. Это

еще одна из причин сложных отношений Руси со Степью и связей с далекими от русских лесов государствами. Русские князья были небезучастны к событиям на Северном Кавказе, в Поволжье и у берегов Черного моря.

Этим объясняются и военные походы в те края, и династические союзы. Правда, к концу XII века внешняя активность Руси падает: междоусобицы князей и войны с половцами поглощают слишком много сил. И все же русский князь Юрий Андреевич женится на царице Тамаре, ее тетка выходит замуж за великого князя Киевского, осетинские княжны живут при русских дворах...

Половецкие кочевья в степях к югу от Руси мешали связям русских князей с Кавказом и Причерноморьем. Но память об этих связях осталась, как память о Тмутараканском княжестве, созданном отпрысками Рюриковичей у Черного моря.

И когда в великой русской поэме «Слово о полку Игореве» князь Игорь отправляется в поход на юг, то он стремится к Черному морю, помня о русских походах в те края и о том, как русские князья прибавляли свои щиты к воротам Константинополя.

«Слово о полку Игореве», во многом загадочная и до сих пор вызывающая бурные споры историков и писателей поэма, несет в себе не только рассказ о событиях 1185 года, но и память о том, что происходило на южной границе Руси за десятилетия до того.

Загадки «Слова о полку Игореве» возникли с того дня, когда поэма была найдена. И не разрешены сегодня.

В 1812 году, во время оккупации Москвы войсками Наполеона, среди многих домов сгорел и

дом старого екатерининского вельможи, известного ценителя и коллекционера древних рукописей, тайного советника графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. Сгорела библиотека. Сгорела и рукопись — большая, в лист, переплетенная в кожу, значившаяся в каталоге под № 323. Под одним переплетом в ней находилось восемь сочинений разного времени, в том числе написанное «старинными буквами» «Слово о полку Игореве».

Это сочинение было известно с конца XVIII века. Мусин-Пушкин откуда-то привез эту рукопись, много лет с помощью лучших знатоков древнерусского языка переводил, знакомил с ее содержанием Екатерину II и наконец в 1800 году опубликовал ее текст и перевод на современный ему язык. После этого рукопись оставалась еще двенадцать лет в собрании Мусина-Пушкина, сначала в Петербурге, а потом в его московском доме, и некоторые его коллеги могли ее видеть.

«Слово о полку Игореве» стало литературной сенсацией России. Современники понимали, что обнаружена первая русская поэма, ставшая в один ряд с такими шедеврами, как «Песнь о Нибелунгах» или «Песнь о Роланде».

Разумеется, держать у себя дома уникальную рукопись, созданную в конце XII века и сохранившуюся в копии XV века, было опасно и следовало бы передать ее в государственное хранилище. Но дело в том, что такие хранилища лишь создавались, и трудно было решить, где рукописи безопаснее находиться. Император Александр I рад был бы получить «Слово», но, когда открывалась петербургская Публичная библиотека, Мусин-Пушкин подарил ей другую рукопись, также бесценную, — Лаврентьевскую летопись.

О происхождении рукописи Мусин-Пушкин не распространялся, да и мало кто задавался тогда тем

вопросом. Источников могло быть несколько. Достаточно обратиться к биографии графа. В 1775 году он начал служить при дворе в должности церемониймейстера. Уже тогда он собирал монеты и различные древности. Должность расширила возможности графа. Очевидно, он получал древние рукописи от других придворных, в имениях которых те оседали. Например, граф Головкин, как вспоминал сам Мусин-Пушкин, «приметя его к отечественной истории склонность, подарил ему несколько летописей и древних монет». На этой почве коллекционер вошел в доверие к самой императрице, что понятно: с усердием примерной ученицы бывшая ангальт-цербстская принцесса занималась российской историей. Для нее это не было баловством, как порой изображается в исторических сочинениях, — вряд ли можно отыскать большую российскую патриотку, чем императрица. Уровень ее трудов был вполне на уровне современной ей исторической науки.

Екатерине коллекционер Мусин-Пушкин понравился. Она изучила его собрание, а затем в знак милости, как коллега, отдала ему несколько древнерусских рукописей. Граф обещал за это переводить то, что ей нужно, и снабжать ее материалами для царственных занятий.

Через несколько лет сотрудничество Екатерины с Мусиным-Пушкиным открыло для него еще одну полезную стезю. Он был назначен обер-прокурором святейшего синода, что дало ему среди прочего право ревизовать монастырские библиотеки и отыскивать хранящиеся там уники. Более того, чтобы облегчить графу труды, императрица издала указ, по которому монастыри и церкви обязаны были присылать в синод имеющиеся у них исторические сочинения для снятия копий. Шаг весьма мудрый.

Мусин-Пушкин следил за снятием копий, к тому же использовал свой пост и для того, чтобы приобретать рукописи для коллекции, и к рубежу XIX века его собрание стало крупнейшим в мире.

Когда ему в руки попала рукопись «Слова о полку Игореве», он сразу оценил ее значение для русской истории и литературы, показал ее другим знатокам и вместе с ними начал трудиться над переводом. Работа оказалась сложной. До 1800 года, когда граф и его помощники сочли возможным опубликовать ее, рукопись видели лишь немногие. Мусин-Пушкин сделал все от него зависящее, чтобы вернуть России ее великое произведение. И остался в русской истории как открыватель «Слова о полку Игореве».

Недавно в прессе приключилась очередная сенсация. Утверждали, что «Алису в стране чудес» написал не Льюис Кэрролл, а не кто иной, как королева Англии Виктория, ничем себя в литературе не проявившая. Неудивительно, что эта версия появилась, но удивительно, с какой готовностью многие в нее поверили, хотя оснований для этого нет. Достаточно прочесть хотя бы письма Кэрролла, чтобы понять: они принадлежат тому же остроумному, парадоксальному и талантливому человеку, который написал «Алису». Но всегда найдется любитель нарушить традицию ради сенсации. Особенно когда сенсация направлена на то, чтобы отнять славу у «недостойных» и прибавить ее «достойнейшим». Шекспиру регулярно отказывают в авторстве его пьес, потому что он был простым актером, зато его конкуренты — всегда люди знатные.

Нечто подобное должно было обязательно случиться со «Словом о полку Игореве».

Сразу же по его опубликовании появились скептики, которые утверждали, что на Руси XII века «Слово» возникнуть не могло. Аргументов было множество: отсутствие других произведений такого уровня, незначительность события на фоне других событий русской истории, молодость русского общества, еще не доросшего до великих поэм. Скептикам помогало и то, что сравнительно незадолго до опубликования «Слова» в Англии разгорелся скандал с песнями Оссиана, которые были изданы Макферсоном, а на поверку оказались написанными им самим.

Можно себе представить, насколько усилились позиции скептиков после того, как в 1812 году во время пожара Москвы рукопись сгорела! Почему, возникали вопросы, «Задонщина», написанная по той же схеме, что и «Слово», вплоть до прямых текстуальных совпадений, найдена в нескольких экземплярах, а рукопись «Слова» была одна — и исчезла?

Сторонники подлинности «Слова» доказывали, что существуют и другие тексты домонгольского и даже послемонгольского времени, известные лишь в одном экземпляре, а то и вовсе исчезнувшие. Они же старались доказать, что «Задонщина», посвященная Куликовскому сражению 1380 года, написана так, потому что ее автор был знаком со «Словом» и строил свое произведение, подражая «Слову».

Монгольское нашествие XIII века было губительным для русской культуры. Лишь в западных землях сохранились рукописи. Зато западные земли так же, как и Новгород с Псковом, сильно пострадали в войнах XIV — XV веков. Когда жизнь на Руси пришла наконец в какой-то порядок, снова возник интерес к прошлому и старые рукописи начали переписывать, далеко не все казалось интересным.

Монахи, копаясь в истлевших свитках, искали в первую очередь литературу божественную, мирянскую — литературу развлекательную и поучительную. Те и другие искали в прошлом то, что было актуальным. «Задонщина» была актуальна и через триста лет после ее написания. Это была героическая эпопея об освобождении Руси, о победе над угнетателями, о торжестве православия.

Но представим себе монаха, который наталкивается на рукопись «Слова о полку Игореве». Переписка — дело долгое и трудное, бумага дорога. Он смотрит, стоит ли ему тратить месяцы труда на копирование этой рукописи. Он читает ее с трудом: многие слова монаху непонятны. Даже смысл целых абзацев ускользает от него. В лучшем случае монах поймет, что речь идет о том, как половцы взяли в плен какого-то князя и как он бежал из плена. Скорее всего он отложит рукопись и возьмет другую, более интересную.

Ученые находят влияние «Слова» на литературу рубежа XII — XIII веков, находят следы этого влияния позже, вплоть до XIV века... Далее следы «Слова» пропадают. Никто не ссылается на него даже косвенно.

Можно считать чудом, что уцелела хоть одна копия, что нашелся все же переписчик, который не пожалел труда, чтобы спасти великую поэму.

Молодой ученый Константин Калайдович, сторонник подлинности «Слова», как только французы ушли из России и война перекинулась на поля Европы, написал письмо Мусину-Пушкину с настойчивой просьбой сообщить, когда, где и при каких обстоятельствах была найдена рукопись «Слова о полку Игореве». Его интересовал круг людей, видевших рукопись и переводивших ее.

В своем ответе Мусин-Пушкин был очень сдержан. Назвать сотрудников он отказался под

предлогом, что их согласия на то не имеет. Обстоятельства находки также не раскрыл. Калайдович не сдавался и штурмовал старика письмами. Эта переписка оставалась никому не известной. Лишь в 1817 году, после смерти Мусина-Пушкина, в статье Калайдовича, посвященной памяти графа, появилась такая фраза: «...у архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля купил он все русские книги, в том числе драгоценное “Слово о полку Игореве”».

Еще через несколько лет Калайдович сообщил и прочие сведения, полученные от Мусина-Пушкина. Оказывается, Спасо-Ярославский монастырь закрыли и его игумен, просвещенный архимандрит Иоиль, потерял должность. А так как монастырская библиотека осталась «бесхозной», он согласился продать «комиссионеру» Мусина-Пушкина некоторые рукописи, среди которых и оказалось «Слово».

Однако сообщению Калайдовича поверили далеко не все. Многие полагали, что Мусин-Пушкин лукавил по каким-то лишь ему понятным причинам. В 1833 году писатель и историк Николай Полевой сообщил, что, по его сведениям, рукопись поступила из псковского Пантелеймоновского монастыря. А в бумагах знатока русских рукописей епископа Евгения сохранилась запись: «Он купил ее в числе многих старых бумаг и книг у Ивана Глазунова, все за 500 р., а Глазунов у какого-то старичка за 200 р.». Эта запись до сих пор настораживает скептиков: связь рукописи с миром петербургских перекупщиков и торговцев стариной, людей предприимчивых и не без успеха изготавливавших подделки, сильно подрывала бы позиции защитников «Слова».

Вскоре стало известно, что Мусин-Пушкин широко пользовался своим положением обер-прокурора и не всегда возвращал рукописи, прислан-

Граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин.

ные для снятия копий. К тому же он путался в своих версиях, менял их, что также не способствовало доверию к нему. В своих автобиографических записках он сообщил, что купил у книгопродавца Сопикова бумаги комиссара Крекшина и в них случайно обнаружил знаменитую Лаврентьевскую летопись. Затем он написал Калайдовичу, что купил ее во Владимире. А еще через некоторое время обнаружилось, что обе версии ложные: Лаврентьевская летопись поступила в синод для снятия копии из Софийского собора в Новгороде, но обратно не вернулась. Об этом пошла жалоба в Петербург.

Откуда Мусин-Пушкин получил «Слово», осталось неизвестным. А раз так, никуда не денешься от сомнений в его подлинности.

В 1956 году в Ярославский архив поступила рукописная книга «Описание земноводного круга», автором которой был Василий Крашенников.

Это удивительное сочинение, характерное для своего времени.

Василий Крашенников, лицо в Ярославле известное, общественный деятель, владелец шляпной фабрики, происходил из небогатой торговой семьи. Родился он в 1712 году и, когда подрос, был отправлен учиться в Москву, в Славяно-греко-латинскую академию.

Несколько лет в середине XVIII века шляпный фабрикант Крашенников пишет книгу в семьсот страниц большого формата, в которой собраны сведения географические и исторические. Он прилагает к ней библиографию, указывая десятки книг и рукописей, которые использовал для «Земноводного круга».

Среди перечисленных в библиографии трудов

значится хронограф Спасо-Ярославского монастыря, состоящий именно из тех переплетенных вместе рукописей, которые перечислял Мусин-Пушкин в одном из писем к Калайдовичу. Значит, Крашенников, который при работе над своим «Земноводным кругом» использовал все материалы, которые мог отыскать в Ярославле, бывал в библиотеке монастыря и делал выписки из хронографа в те годы, когда мальчик Мусин-Пушкин и не подозревал, что станет собирателем древних рукописей. Правда, среди трудов, которые Крашенников использовал из хронографа, «Слово о полку Игореве» не значится, в чем нет ничего удивительного, потому что содержание «Слова» Крашенникова заинтересовать не могло.

Итак, фабрикант Крашенников держал в руках тот хронограф, который потом купил у Иоилия обер-прокурор синода Мусин-Пушкин. Следовательно, в 1750 году он лежал на месте. Розыски в Ярославском архиве были продолжены*. Выяснилось, что, сдавая и принимая в монастырях дела, игумены проверяли, не утерял ли чего из ценностей предшественник. Таких описей в архиве сохранилось несколько. По ним обнаруживается, что в 1776 году в Спасо-Ярославский монастырь прибыл новый игумен Иоиль Быковский. Он тщательно переписал все церковное имущество, переплел список в тетрадь и от безыскусной тяги к красоте вырезал из бумаги сердечко, наклеил его на переплет тетради и с нажимом написал на сердечке: «Копия описи Спасо-Ярославского монастыря церковным ризничным и монастырским вещам 1776 и 1778 годов». Это была тетрадка для

* Основные изыскания по поводу Спасо-Ярославского хронографа приведены ленинградским филологом Г. Моисеевой в книге «Спасо-Ярославский хронограф и "Слово о полку Игореве"» (Л., 1977).

себя — оригинал был отослан в консисторию. За списком дверей, подсвечников и риз следуют книги. Под № 67 написано «Хронограф в дествъ», то есть в лист. Значит, «Слово», если верить версии Мусина-Пушкина, еще лежит в монастыре.

Следующая опись была произведена через десять лет. Указом от 3 июля 1787 года монастырь был упразднен, а Иоилу от синода была оказана милость: «Бывшему во оном архимандриту Иоилу, по старости и болезни его увольняемому от управления тем монастырем, производить по смерти его нынешнее жалование». Жалованье было неплохим — пятьсот рублей в год. Так что Иоиль мог безбедно доживать дни в своих покоях. Он скончался в девяностых годах, оставив сравнительно большую библиотеку, все книги в которой были печатными. Ни одной рукописи.

Имущество монастыря по описи 1787 года Иоиль сдавал архиепископу Ростовскому и Ярославскому Арсению. В конце описи числятся рукописные книги. Причем за десять лет их число увеличилось: Иоиль к книгам относился бережно и доставал их для монастыря.

Итак, в 1787 году в монастырь приехал архиепископ, и Иоиль показал ему библиотеку и рукописи.

Известно, что Арсений был хорошим знакомым Мусина-Пушкина, который имел поместье в Ярославской губернии.

Визит архиепископа в монастырь навел исследователей на определенные рассуждения. Они были подкреплены пометками на описи. Если приглядеться, то можно увидеть, что против названий четырех рукописей на полях имеются тщательно стертые слова.

Опись передали в группу фотоанализа лаборатории консервации и реставрации документов Акаде-

мии наук СССР. В лаборатории опись внимательно изучили и убедились, что стертое слово на всех строчках одно и то же — «отдан».

Это означает, что в момент составления описи или даже раньше четыре рукописи были кем-то изъяты из библиотеки. Можно предположить, что архиепископ Арсений обратил на них внимание и сказал старцу, что берет их на время. Иоиль ничего не посмел возразить.

Арсений уехал, увезя рукописи с собой. Но тут случилась новая напасть. В том же, 1787 году Екатерина разослала по всем упраздненным монастырям указ сделать опись казенного имущества. Значит, надо снова все проверять. И отвечает за то Иоиль — больше никого в бывшем монастыре не осталось. Требуемая опись была отправлена в Петербург только через год. Может быть, Иоиля мучили болезни, но вернее — беспокоила судьба отданных рукописей, и он пытался их вернуть.

И вот тут, без сомнения, он получил весьма строгое указание от архиепископа: скрыть правду.

И на свет появляется новая опись, обнаруженная в архиве в 1960 году. Эта опись все разъясняет и позволяет понять драму, разыгравшуюся в упраздненном монастыре.

Тех четырех рукописей, перед названиями которых в описи 1787 года стояло слово «отдан», больше нет. В описи 1788 года после их названий следуют почти одинаковые фразы. Вот что написано возле слов «Хронограф в деств»: «Оный Хронограф за ветхостью и сгнитием уничтожен».

А что еще мог сделать старец, боявшийся потерять пенсию?

Над Иоилем долгое время висело подозрение в том, что он тайком торговал казенным имуществом. Начало этому подозрению положил Мусин-Пуш-

кин, правда, уже после смерти старца, так что тот не мог опровергнуть навет.

Если рукопись была похищена самим архиепископом и передана им графу, то, само собой разумеется, Мусин-Пушкин старался направить тех, кто задавал нетактичные вопросы, по ложному пути. Вот и возникали Крекшин, продавец Глазунов и Пантелеймоновский монастырь. Лишь в старости, зная, что все участники этой драмы уже умерли, Мусин-Пушкин сказал почти правду.

Почему сказал?

Думаю, что граф был несчастен. Он-то верил в подлинность «Слова», он-то хотел, чтобы где-то вновь всплыл его список и реабилитировал его в глазах потомства.

Выяснение правды о том, находился ли в Спасо-Ярославском монастыре хронограф, попавший к Мусину-Пушкину, не пустяк. Проблема подлинности «Слова» до сих пор не снята с повестки дня. И потому доказательство существования Спасо-Ярославского хронографа отметет предположение о том, что рукопись изготовили предприимчивые торговцы.

Эта история, имеющая лишь косвенное отношение к 1185 году, — один из мостиков между тем годом и современностью. В ней можно увидеть целую череду людей — от автора «Слова» до тех переписчиков, что копировали его, до страстного и не всегда скрупулезно честного Мусина-Пушкина, его друга архиепископа, старца Иоиля, доживавшего хотя и в благополучии, но в стыде свой век, до сотрудников лаборатории фотоанализа и сегодняшних архивистов. И все это движение рождено к жизни решением князя Игоря Святославича из

рода беспокойных и воинственных Ольговичей поживиться на вежах половецких.

Русские летописи, богатые фактическим материалом, часто разочаровывают, если захочешь проследить за судьбой князей или бояр, упоминаемых там. Охотнее всего они рассказывают о событиях экстраординарных. Если выписать из летописей упоминания только о погоде, то покажется, что весь XII век был полон стихийными бедствиями. Это, конечно, не так. Начало похолодания, которое тяжело ударило по сельскому хозяйству Европы, падает на рубеж XIII века. Век двенадцатый в целом еще благополучен. Но хроники так же мало интересуются хорошей погодой, как обыкновенной жизнью исторических персонажей. Зато таких возмутителей спокойствия, как князь Юрий Долгорукий, они держат в центре внимания. Ведь те — катализаторы конфликтов. Остальных вспоминают в случаях, когда они в эти конфликты втягиваются либо попадают в чрезвычайные обстоятельства.

Поход князя Игоря Святославича — событие чрезвычайное.

Но если попробовать восстановить биографию Игоря до похода на половцев, мы столкнемся с большими лакунами: на годы он исчезает из поля зрения летописцев. Еще меньше повезло другим героям нашей книги.

Но можно наверняка сказать, что князья, судьбы которых нас интересовали, были между собой знакомы — хотя бы потому, что были родственниками.

Все русские князья были родственниками. В конце XII века их было около пятидесяти. Все они происходили от Владимира Святого и делились на линии, каждая из которых имеет название по

имени родоначальника, например, Ольговичи или Мстиславичи. Только князь, ведущий происхождение от Владимира, был вправе претендовать на власть. Вряд ли можно найти в Европе другое государство, где вся феодальная знать принадлежала бы к одному роду. Русский феодализм был молод, становление феодальных отношений произошло очень быстро. Еще при Ярославе Мудром, за сто лет до описываемых событий, Русь была единой.

Раздробление Руси на десятки независимых княжеств, враждующих между собой, нельзя рассматривать односторонне — как трагедию для страны. Разумеется, трагедия была, потому что Русь не могла объединиться даже перед лицом серьезной опасности и рухнула перед опасностью смертельной — вторжением монголов, хотя объективно была сильнее монголов. В то же время процесс сложения независимых княжеств отражал бурное экономическое и социальное развитие страны. В считанные десятилетия она стала «страной городов» — именно под таким именем ее знали скандинавы. Экономические интересы города и области, над которой город господствовал, были более важны для правящих слоев, чем интересы Руси в целом.

Осознание Руси как общности было уделом мыслителей, поэтов, духовных пастырей, видевших трагедию междоусобицы и раздоров, но это осознание шло от обратного — от противопоставления Руси и Степи.

Была Русь, состоявшая из больших и малых княжеств с традиционным центром — Киевом — и признанием старшинства князя, который занимал киевский престол. Хотя к середине XII века это не гарантировало его от нападений со стороны других князей.

И была Степь.

Степь начиналась у порога: княжества Рязанское, Черниговское и Киевское были пограничными. Степь была враждебна, что исходило от различий в образе жизни, от извечного конфликта земледельца и кочевника.

Это противостояние длилось веками, а войны не могут длиться веками. Создался некий враждебный симбиоз, при котором ни одна сторона не могла одержать решительной победы. Бывали случаи, как в походе Кончака в 1184 году, когда половецкое войско везло с собой построенные иноземцами громадные осадные машины, чтобы захватить Киев. Но, даже взяв какой-нибудь русский город, половцы в нем не задерживались. Их целью был грабеж, захват добычи и пленных, а не завоевание.

На границе между русским лесом и половецкой степью царило неустойчивое равновесие. Там жили «буферные» народы — торки, черные клобуки, берендеи — степняки, союзные Руси, без помощи которой они бы не выстояли против половцев. Стоило одной из враждующих сил вторгнуться на территорию другой, как с каждым днем пути словно сжималась пружина сопротивления.

Враждебная обстановка — лес для одних, сухая степь для других — служила своим обитателям. Чем дальше углублялся русский князь в степь, тем дальше он уходил от своих баз, тем опаснее и ненадежнее становилось его положение. Половцы редко заходили дальше Киева или реки Оки. Собраться походом на Смоленск или Новгород означало погубить половецкое войско.

Не следует полагать, что одни лишь половцы были грабителями и насильниками. Грабительскими были все пограничные войны. За добычей ходили в степь русские князья. Во время походов они стремились находиться в авангарде — не от

особой храбрости, а потому, что авангардный отряд первым грабил становища половцев.

С не меньшим энтузиазмом русские князья грабили вотчины своих родственников. Порой альтернатива — воевать ли половцев или воспользоваться отсутствием соседа и разграбить русский город — решалась в пользу последнего. А на помощь звали тех же половцев.

Страдающей стороной в этих конфликтах были русские горожане, русские крестьяне, половецкие пастухи, но никак не князья и ханы. Князья и ханы сознавали свое единство. Многие из них были породнены, и в тяжелую минуту князья звали половецких ханов на выручку.

Игорь Святославич, князь Северский, а потом и Черниговский, был наполовину половцем. Когда великий князь Владимир Мономах заключал мир с половцами, он скрепил его сразу несколькими браками, и, как сообщает летопись, «Володимер... створиша мир и поя Володимер за Юргя Аепину дочь, Осеневу внуку, а Олег поя за сына Аепину дочь, Гиргенеу внуку».

Сын Олега — это Святослав, отец Игоря. Значит, «Аепина дочь, Гиргенева внука» — мать Игоря Святославича. Юрг — Юрий Владимирович, по прозванию Долгорукий, основатель Москвы, дед Юрия Андреевича, первого мужа грузинской царицы Тамары.

Любопытно отметить, что русские князья охотно женили на половчанках своих сыновей, но не выдавали дочерей за половецких ханов. Княжны выходили замуж за польских королевичей, за шведов, французов, византийцев — всегда за христиан и никогда за «поганных». Объясняется это очевидной в то время причиной: если ты женился на половчанке, то она переходила после свадьбы в православную веру. И вера от этого не страдала.

Если же девушка княжеского рода уходила в Степь, то она была потеряна для христианской веры, чего допустить было нельзя. Это правило не действовало на более низком социальном уровне: половцы брали в жены или наложницы русских пленниц. Так что процесс смешения соседних народов был обоюдным.

Можно предположить, что русский язык был в ходу у половцев, как и половецкий был широко знаком русским, даже в княжеских семьях. Вряд ли мать князя Игоря, да и половецкие служанки, привезенные ею, изъяснялись только по-русски. Уже от тех времен в русском языке появляются тюркские слова, их немало и в «Слове о полку Игореве»*. Вражда враждой, но при дворах князей нередко бывали половецкие гости, да и русские князья порой навещали своих половецких дедушек, теток и тестей.

В первой половине двадцатых годов XII столетия, по окончании войн Мономаха с половцами, «Аепина дщерь» приехала к своему жениху Святославу. Лет ей было немного: в династических браках возраст невест и женихов бывал не только весьма различным, но и крайне юным. Жених был ненамного старше. Их первый сын Олег родился в тридцатых годах. Вторым был Игорь, он увидел свет 3 апреля 1151 года. Вскоре появился еще один сын — Всеволод.

Годы детства князя Игоря были для его отца временем сложным, порой отчаянным. Это были годы бесконечных походов, заговоров, годы многочисленных перемен союзов, клятвопреступлений, засад и сражений. И хотя Святослав был из Ольговичей, которые остались в истории как род

* Это явление исследует Олжас Сулейменов в книге «Аз и Я» (А.-А., 1975).

зловный и коварный, была у Игорева отца черта, которая вызывает к нему симпатию. Дело в том, что старший брат Святослава Игорь, в память о котором и был окрещен наш герой, занимал великий престол в Киеве, но, когда к Киеву подступило мощное войско его соперников и он мог добровольно уступить престол и уйти в свои черниговские владения, он предпочел сражаться. Силы его уступали вражеским во много раз. Победенный, он бежал в болота и скрывался там, раненный, четыре дня, но потом его все же выследили, схватили и бросили в яму — подземную тюрьму. Так вот Святослав Ольгович в течение нескольких лет отчаянно бился за освобождение старшего брата. Такая преданность брату была не в обычае в те времена.

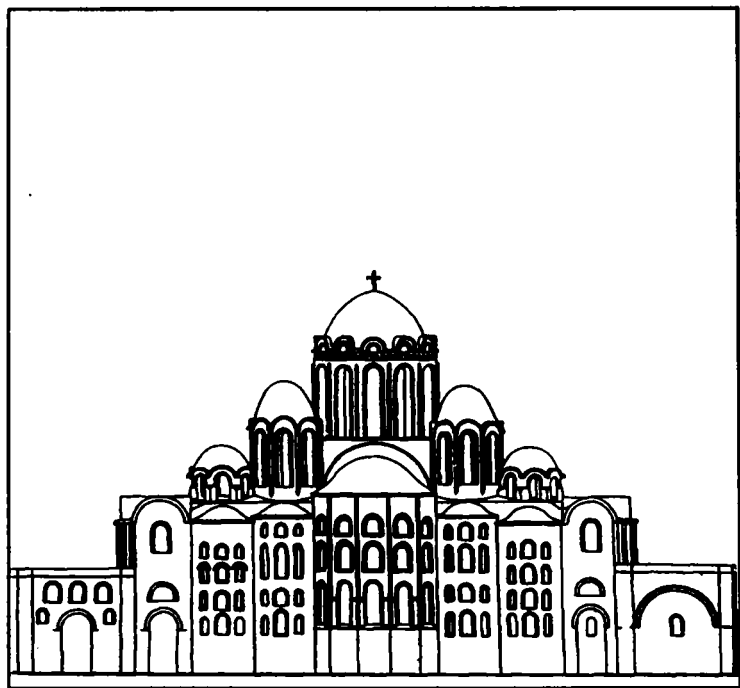
Спасти брата не удалось. Когда Игорь понял, что умирает в сырой яме, он попросил разрешения постричься в монахи. Он его получил, но тут Святослав начал брать верх, и возникла опасность, что он все же освободит брата. Возбужденная толпа выгнала монаха из церкви, где он укрылся, и растерзала.

Шли годы, сыновья Святослава подрастали и были такими же неутомными и деятельными, как отец, который с 1157 года укрепился на черниговском престоле.

Детство Игоря ничем не отличалось от детства других княжичей.

В три года, как положено, его посадили на коня, в семь начали обучать грамоте и воинскому делу — рубке на мечах, бросанию копья и аркана, стрельбе из лука.

Настоящую войну Игорь узнал рано. Ему еще не было десяти лет, когда половцы, приведенные одним из русских князей, осадили Чернигов. С крепостной стены Игорь видел далеко за Десну, где

*Храм Св. Софии в Киеве.
X—XII века. Реконструкция.*

стаей саранчи, севшей на поле, шевелилось половцкое войско; к берегу подскакивали группы всадников, размахивая саблями. У берега и дальше к горизонту, где лежали черниговские деревни, поднимались столбы дыма: враги разграбили все левобережье Десны.

Отец половцев отогнал, но вскоре после этого заболел. Войско было распущено по домам, а князь Святослав, которому было душно в тереме, велел построить шатер на берегу реки и со всей семьей перебрался туда. Дети купались в Десне, отец медленно выздоравливал, был мир, покой, и лишь черные трубы сгоревших домов за рекой напоминали о недавнем страхе.

И тут примчался гонец с недоброй вестью: враги, прознав о болезни князя, снова идут на Чернигов, они уже сожгли епископское село.

Быстро свернули шатры, слуги подвели коней: княжеская семья поскакала в детинец. К счастью, неподалеку кочевали союзники — берендеи. Они неожиданно налетели на половцев, многих порубили и утопили в реке.

В 1164 году Святослав умер, и тринадцатилетний Игорь, по тем временам уже почти взрослый, остался сиротой. Главенство в роде должно было перейти к его старшему брату Олегу.

Однако на черниговский трон претендовали другие князья, а сам Олег был в отлучке. Чтобы сохранить престол для сына, мать Игоря собрала бояр и призвала епископа Антония. Она сказала им, что намерена скрывать смерть мужа до тех пор, пока Олег не вернется. Бояре сомневались — враги были сильны, и Олегу вряд ли удастся удержать черниговское княжение.

Игорь сидел рядом с матерью. Он нервничал и старался казаться настоящим князем, суровым и могучим. Но на него никто не обращал внимания:

бояре мысленно прикидывали, на чью сторону податься. Княгиня заставила всех присягнуть, что они сохранят тайну.

Когда очередь дошла до епископа, тысяцкий Георгий, верный слуга княгини, произнес:

— Неловко приводить к присяге нашего пастыря.

— Ничего, — ответил Антоний, — я согласен.

Антоний, хотя и давно жил в Чернигове, по-русски говорил плохо: он был греком из Византии.

После этого Антоний обратился к боярам с речью. Он грозил, что если кто-нибудь из них проговорится, то тем уподобится Иуде.

Княгиня успокоилась.

Она не знала, что еще до начала этого собрания Антоний послал грамоту другому претенденту на черниговский престол, Святославу Всеволодовичу, в которой донес, что Святослав умер, дружина распущена по городам, княгиня одна с детьми, без защиты.

Святослав Всеволодович бросился к Чернигову и въехал туда одновременно с Олегом. Начался торг, по которому Святославиичи потеряли Чернигов, но Олегу был выделен Новгород-Северский, центр большого, хотя и подчиненного Чернигову Северского княжества. Игорю и его младшему брату Всеволоду придется ждть уделов из рук нового черниговского князя.

Галицкое княжество граничило с Венгрией, Польшей и Болгарией. Галицкие князья роднились со своими соседями и участвовали в европейской политике. Перекресток торговых путей Южной Европы привлекал и завоевателей, и торговцев. Там выросли большие города, а в них были сильны

бояре и купцы, которые порой соперничали с князьями. И хотя князья Галича считались самыми могучими на Руси, в критические моменты бояре, как в Новгороде, выступали на первый план и диктовали свою волю.

Население Галицкой земли было смешанным. Значительный процент там составляли греки, венгры, южные славяне, там были влиятельные армянские и еврейская колонии, а в низовьях Днестра и Дуная обитала никому не подвластная вольница — многонациональный сброд, грабители, пираты, порой наемные солдаты, источник постоянного беспокойства для галицких князей, да и для их соседей.

Была у этой вольницы столица — город Берладь, откуда и пошло их название — берладники. У них был свой вождь и кумир — Иван Берладник, племянник галицкого князя Владимира, изгой, не имевший своей вотчины и потому нанимавшийся к другим князьям либо пускавшийся в собственные авантюры.

Впервые Иван Берладник оставил след в галицкой истории в 1144 году, будучи совсем молодым человеком. Как-то раз его дядя Владимир отправился на охоту, и недовольные Владимиром галичане объявили Берладника своим князем и ввели его в столицу. Когда Владимир в отличнейшем настроении вернулся с охоты, обнаружилось, что ворота его славной столицы закрыты. Владимир бросился к другим городам собирать войско, затем долго штурмовал Галич. Горожане крепко держались за Берладника, и город пал только после долгой осады. Разгневанный Владимир перебил множество своих подданных и залил город кровью, безумствуя в мстительных казнях. Берладнику тогда удалось уйти от мести дяди, и вскоре он оказывается со своей дружиной у отца Игоря, Святослава,

и помогает ему воевать с врагами. Так что при черниговском дворе беспокойный князь был своим человеком.

В 1153 году, со смертью сурового князя Владимира Галицкого, престол перешел к его сыну Ярославу Осмомыслу. Ярослав уже три года был женат на Ольге, дочери князя Суздальского и великого князя Киевского Юрия Долгорукого, и в 1151 году у них родился сын, которого называли Владимиром в честь деда. Он был ровесником князя Игоря Святославича.

Ярославу нелегко было удержаться на галицком престоле: бояре ему не доверяли, унижали его, даже как-то не позволили участвовать в битве, заявив, что и без молокососа обойдутся. Правда, боярские воеводы потерпели тогда поражение.

Ярослав, понимая, что без поддержки тестя престол трудно сохранить, был в первые годы верным другом Юрию Долгорукому. Он выполнял его поручения, ходил в поход на Луцк, посылал ему на помощь полки. Тесть, желая сделать подарок зятю, схватил Берладника, заковал в цепи и послал в Галич.

Ярослав возрадовался и, узнав, что пленника уже привезли из Суздаля в Киев, отправил навстречу ему целое войско, чтобы надежнее довести врага до места казни.

Но для остальных князей Берладник, отчаянной смелости витязь, оставался князем, которого нельзя казнить, как простого разбойника. Даже киевский митрополит напустился на Юрия Долгорукого. «Грех тебе, — утверждал он, — держать его в темнице и выдать его на смерть».

Юрий Долгорукий переменял свое решение и отправил закованного Берладника обратно в Суздаль.

Когда отряд, который вез Берладника в Суздаль,

проезжал мимо Чернигова, на него напали черниговские воины, отбили пленника, а потом отвезли в Чернигов и выделили ему терем, чтобы он мог залечивать раны и набираться сил.

В 1157 году Юрий Долгорукий умер, и Ярослав подарка так и не получил.

Прошло два года. Иван Берладник жил в Киеве, командовал дружиной и поддерживал связи с оппозицией в Галицком княжестве.

Пока он был на свободе, Ярослав не мог спать спокойно. Поэтому он направил в Киев невиданное по тем временам посольство, состоявшее из поляков, венгров, смолян, волынцев и многих других, с требованием выдать Берладника.

Трудно понять, что заставило столько государей согласиться на участие их подданных в этом посольстве. Возможно, хитрый Осмомысл посулил участникам богатые дары.

Великий князь Киевский Изяслав Давыдович указал послам на дверь, отказавшись предать Берладника. Но когда послы отбыли восвояси, а князья стали готовить дружины, чтобы силой решить эту проблему, Изяслав дал понять Берладнику, что тому будет безопаснее уйти. Берладник ускакал на Дунай, там снова собрал вольницу, в основном из беглых русских смердов, — около шести тысяч человек. С ними он облагал данью рыбацкие поселки, буквально парализовал торговлю на Дунае, даже взял несколько городов, причем никому не разрешал обижать мирных жителей. Когда Берладник осадил один из галицких городов, Ущицу, с сильным гарнизоном, то, как рассказывает летописец, «смерды вылезали через стену к Ивану, и перебежало их к нему триста человек».

Между тем киевский Изяслав и галицкий Ярослав со своими союзниками в 1158 году начали междоусобную войну. Ярослав пошел на Киев.

Изяслав вернул к себе на службу Берладника, позвал на помощь степняков-берендеев и половцев хана Вашкорда.

Война оборачивалась для Изяслава удачно. Он осадил Ярослава и его союзников в Белгородской крепости, под Киевом. Но ночью берендеи, решившие извлечь пользу из этой войны, послали человека к осажденным с предложением: если им хорошо заплатят, они согласны изменить Изяславу Давыдовичу.

Сделка состоялась.

В полночь берендеи скрытно сели на коней и черной массой понеслись к крепости. Изяслав проснулся, поскакал к лагерю берендеев и увидел, что над ним поднимается дым: лагерь был пуст и подожен. Война была проиграна. Вскоре Изяслав Давыдович погиб.

Берладник бежал в Византию. Но там до него добралась мстительная рука Ярослава. В 1161 году он был отравлен и умер в Фессалониках.

Главный враг Ярослава Осмомысла был убит, но Галич оставался ему враждебен, хотя никто не смел перечить сильному и хитрому князю. Да и в семье у князя было неладно. Ярослав не любил свою жену, отдалил ее от себя, и тому была простая причина: он влюбился в Настасью, женщину незнатного происхождения. И когда у них родился сын Олег, Ярослав стал пренебрегать не только женой, но и сыном Владимиром. Юношеские годы Владимира Галицкого прошли в атмосфере небрежения, ненависти, обид и унижений, боярских интриг, материнских слез, страха перед будущим. Городом правила Настасья, сын ее был соперником и смертельной угрозой первой жене и Владимиру: хотя и незаконный, но все же княжеский сын, значит, князь.

Коварный епископ Антоний сохранил свой пост в Чернигове, а княгине с детьми пришлось перебраться в Новгород-Северский, к старшему сыну.

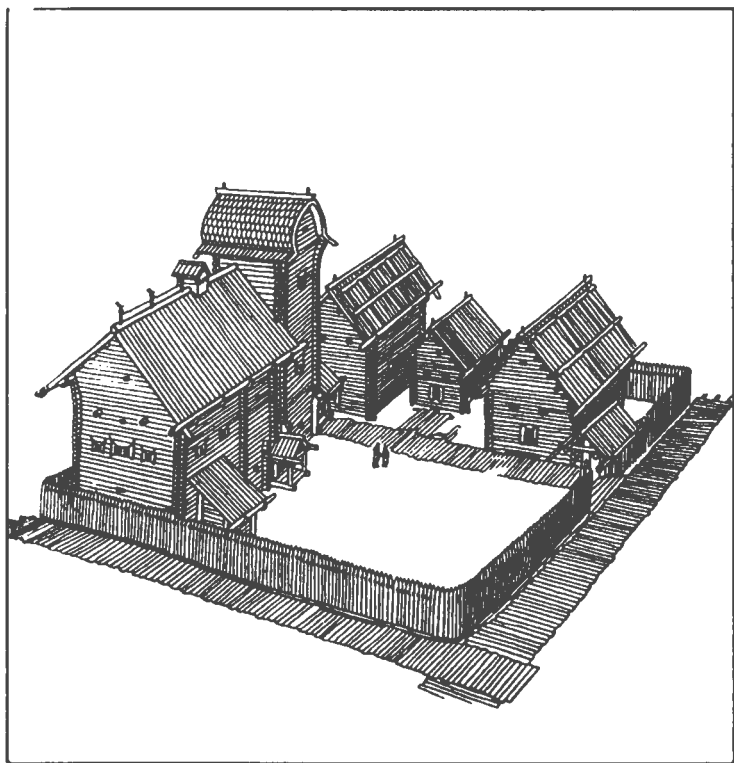
После столичного Чернигова Новгород, где Игорь не был с раннего детства, показался ему тихим и маленьким. Княжеский детинец, обнесенный тыном из серебряных от старости бревен, стоял на высоченном обрыве над рекой. Дальний берег был совсем плоским — ни холмика. Зелеными пятнами по нему были разбросаны рощи, черными горстками домов — деревни. В дымке у далекого горизонта начиналась степь, оттуда выскакивали порой стаи половецких всадников, и тогда загорались деревни, а их жители спешили в Новгород, чтобы укрыться от врагов.

По узким, крутым, промытым в обрывах дорогам наверх тянулись окруженные людьми подводы с добром, брели коровы и овцы, а навстречу потоку беженцев уже спускались вереницей, цепляясь концами копий за свисающие ветви яблонь, дружинники старшего брата.

Завидев красные щиты дружинников, половцы смеялись, кричали с того берега. Свистели стрелы, ударяясь на излете о кольчуги. Потом половцы стегали нагайками коней и спешили прочь, чтобы увезти добычу и пленных, пока дружинники перебираются через неширокую Десну на плотах и лодках.

К концу лета, когда на кривых, сбегаящих с холмов улочках Новгорода желтели упавшие с деревьев яблоки, а на рынке у монастыря торговали с телег зерном, прискакал гонец. Его давно ждали. Едет посольство из Великого Галича, везут невесту для княжича Игоря.

Этот брак подготовил еще покойный отец. Он хотел скрепить союз Чернигова и Галича. Теперь Чернигов потерял, но Ярослав Осмомысл понимал,

*Русская городская усадьба. XII век.
Реконструкция по раскопкам в Новгороде.*

что сыновья Святослава — не последние из русских князей, они еще свое возьмут. И потому не стал отказываться от уговора. Ефросинья как раз исполнилось четырнадцать лет — пора замуж.

Ефросинья уезжала из Галича без сожаления. В Галиче было страшно. Мать все время плакала, запиралась со своими боярами, они шептались, грозили мстостью Настасье и отцу. А отца она и не видела: не заходил он в терем законной жены. Ефросинья думала, что если все равно положено выходить замуж, то лучше дома, на Руси. Княжич Игорь молод, а могли бы просватать за старика.

Путешествие было долгим, ехали три месяца, останавливались в Киеве, потом в Чернигове. От Чернигова пошли светлые лиственные леса, деревень было меньше и казались они беднее. Порой встречались пепелища — посольство въезжало в пограничные со степью места. Из Новгорода-Северского прислали дружину, чтобы охранять невесту. Старший брат Ефросиньи Владимир, которого отец отпустил на север, ехал с новгородскими дружинниками и мечтал о том, чтобы напали половцы. Тогда он покажет им, какие в Галиче есть витязи. Но половцы не напали.

Княжича Игоря Ефросинья увидела, когда приехала в тихий, деревянный Новгород-Северский, взлетевший над Десной, словно плывущий по небу. Игорь оказался высоким худым подростком. Светлые прямые волосы до плеч, глаза серые, короткий нос и крутой отцовский подбородок.

Толстая суетливая свекровь расстраивалась, что девочка мало ест, подкладывала ей пироги. Крепкий чернявый Владимир быстро подружился с Игорем, они убежали к реке, к рыбакам.

Ночью Ефросинья долго сидела у окошка. Деревянный терем поскрипывал, вздыхал от чьих-то шагов. За окошком была бесконечная равнина,

освещенная луной, далеко мерцали огоньки. Красным пятнышком горел костер у реки: в ночном пасли коней. До Галича было так далеко — не досхать...

Откуда ей было знать, что ее любовь, ее боль станут темой великой русской поэмы, что через много столетий русский школьник будет повторять горькие слова ее плача, что сотни художников будут рисовать тонкую фигурку, стоящую на крепостной стене. Что образ ее станет воплощением женской любви, верности и терпения. Идут века, а Ярославна все плачет на городской стене...

Ефросинья Ярославна, невеста княжича Игоря, потеряла кулачками глаза, потянулась, задула свечу и пошла спать...

Братья Святославичи подросли, наступило им время поучиться ратному мастерству. И если в грандиозном походе великого князя Киевского Мстислава в 1168 году, когда войско русских князей разгромило половцев и привезло в Киев сказочную добычу, Игорь не участвовал, то в событиях, следовавших за этим походом, мы уже видим Игоря.

События в Киеве в 1169 году были вызваны не только очередной вспышкой вражды князей, но и появлением фигуры, которая знаменовала собой новый этап русской истории. Речь идет об Андрее Боголюбском, энергичном и властолюбивом князе Владимиро-Суздальском. Владимиро-Суздальской Руси суждено будет стать центром российского государства — именно сюда постепенно переходят основные торговые пути, здесь наиболее активно растут города, среди них — Москва. Сюда не доходят половцы, да и разорительные междоусобные войны бушуют южнее. Князья сражаются за Киев, Чернигов, Галич, и, вмешиваясь в эти

войны, владими́ро-сузда́льские князья́ редко опасались ответных действий соперников.

Владими́ро-сузда́льские князья́ стараются укрепиться в Новгороде и Пскове, борются с самовластием собственных бояр и к середине XII века уже притязают на главенство в стране.

Юрий Долгорукий ходил на Киев и сам претендовал на киевский престол, тогда как его сын Андрей вмешивался в общерусские дела, не покидая своей резиденции во Владимире, а если и ходил в походы, то на Новгород или на Волгу — на болгар. Он не считал нужным утвердиться в столь соблазнительном для родственников Киеве, но хотел, чтобы там сидел его человек. К неудовольствию родичей, Андрей старался манипулировать ими в своей игре.

Зато братьев и сыновей Андрей посылал в походы. Послал он их и на великого князя Киевского Мстислава в 1169 году.

В большом войске, сколоченном дипломатией Андрея Боголюбского, были и молодой князь Игорь Святославич с братом, были там сын и младший брат Андрея. Сам Андрей ждал вестей дома. Подступив к славному Киеву, князья начали осаду. Кияне твердо стояли за своего князя. Но в конце концов город пал, и Мстиславу еле удалось бежать. И тогда случилось дотоле небывалое на Руси, что говорит о явной моральной деградации русских князей: впервые Киев был взят как вражеский город и отдан на разграбление войску, наполовину состоявшему из степняков. Были сожжены церкви, даже знаменитый Киево-Печерский монастырь. Большинство населения было либо перебито, либо уведено в плен, и, как говорит летописец, «были в Киеве на всех людях стон и тоска, печаль неутешная и слезы непрестанные».

В последующие годы Киев возродился, но удар ему был нанесен непоправимый. Киев лишился роли главного города страны. Теперь он просто город, просто добыча, на него можно ходить походами и грабить, как любой другой. Степнякам с благословения христианских князей дозволено убивать, насиловать и грабить. С этого момента половцы смелее вмешиваются в русскую политику — за услуги им платят не только добром, но и кровью.

...По горящим улицам Киева проезжал на половецком коне девятнадцатилетний князь Игорь. Он был одним из победителей, он познал опасность и битву, он вкусил безнаказанность сильного. Ведь и он с братом увозил из Киева обозы с добычей, награбленной в домах и церквях, его воины вели рабов: детей, женщин, мастеров — сдиновверцев и соотечественников. Нет никаких оснований полагать, что Игорь был лучше или совестливее других князей. Никто из победителей не выразил раскаяния, не услышал плача своих жертв. Это были последние уроки в школе, которую проходил Игорь. Они во многом определяют его жизнь.

Ближайшим последствием разгрома Киева было нарушение баланса сил в борьбе со Степью. В следующем году половцы снова пришли в окрестности Киева, и никто не смог их остановить. Затем Киев переменял властителя, и этот князь дозволил его ограбить хану Кончаку, своему родственнику и союзнику. Обобрав город, Кончак ушел в степь.

Один только князь Василько, которому принадлежал городок Михайлов, решил отомстить половцам. С небольшой дружиной он неожиданно напал на них на дневке, когда те отпустили своих коней пастись по береговым лугам. Отважный поступок

этот был безрассуден. Силы Кончака были несоизмеримы с васьковской дружиной. Кончак разбил Василька, и тому с остатками дружины пришлось бежать в Михайлов. Половцы разграбили окрестности Михайлова, осадили сам городок, но взять его не смогли. И тогда киевский князь со всем своим войском пришел на подмогу к половцам. Михайлов был захвачен и сожжен.

Но предателю не удалось воспользоваться плодами своей политики. Князь, приведший половцев грабить русские святыни, был ненавистен жителям Киева. Неудивительно, что они свергли и убили его.

В Киеве воцарился другой князь — из враждебной Андрею Боголюбскому ветви. К тому же Андрей только что потерпел сокрушительное поражение от новгородцев. Остатки его войска еле добрались до владимирских земель.

Звезда Андрея Боголюбского катилась к закату. Еще вчера он был вершителем русских судеб. Сегодня этот властолюбивый, суровый государь уже не столь страшен.

Но Андрей Боголюбский не желал мириться с поражениями. Он потребовал, чтобы ему выдали убийц киевского князя и чтобы кияне передали престол его младшему брату Михаилу. Когда же враги не послушались и Киева не отдали, Андрей приказал поднять дружины северных князей. В пятидесятитысячной армии Андрея были дружины ростовские, суздальские, владимирские, переяславцы, муромцы, белозерцы, рязанцы и многие другие.

Войско вели молодые князья — новое поколение, жаждущее власти, земель, добычи, ему не было дела до законов чести и старых преданий. Командование армией Андрей поручил своему сыну Юрию (будущему грузинскому царю), при-

ставив к нему опытного воеводу Бориса Жидиславича. Среди вождей похода мы видим и северских князей — молодых Олега и Игоря.

К исходу лета войско Северо-Восточной Руси подошло к Киеву.

Но штурм не последовало. Князья, собравшиеся в Киеве, благоразумно ушли из города, заняв близкие к нему крепости. Эти-то крепости и осадила армия Андрея.

Игорь со своей дружиной обложил Вышгород, с ним были дружины других младших князей. Осажденные устроили вылазку и потеснили центр противника. Но их немногочисленная дружина оказалась в кольце врагов.

Настало страшное смятение, говорит летописец, слышались стоны, крики, раздавался треск ломающихся копий, звон мечей, в густой пыли нельзя было различить ни конного, ни пешего. А когда войска, утомившись, разошлись, то оказалось, что раненых тьма, но погибли в этой свалке немногие.

Осада продолжалась до глубокой осени. Уже выпал снег, стало труднее кормить войско, потому что Киев был снова разграблен, окрестные села сожжены, а припасы с севера поступали плохо. Люди, направленные волей далекого Андрея Боголюбского, были разочарованы тяжелой войной. Внезапно появился полоцкий князь со свежим войском. Шел он на помощь рати Андрея и должен был нанести последний удар, но, подойдя к Вышгороду, одумался и, вместо того чтобы бросить свою дружину в бой, вступил в переговоры с князьями Северскими, предложив им Чернигов, если они помогут ему отвоевать киевский престол.

Ситуация была весьма драматичной. Ведь престол добывали для ставленника Андрея Боголюбского. Новый поворот дел лишил войну всякого

смысла. Игорь с Олегом на сделку не решились. Тогда полоцкий князь связался с защитниками Вышгорода, и те, долго не раздумывая, согласились отдать ему Киев.

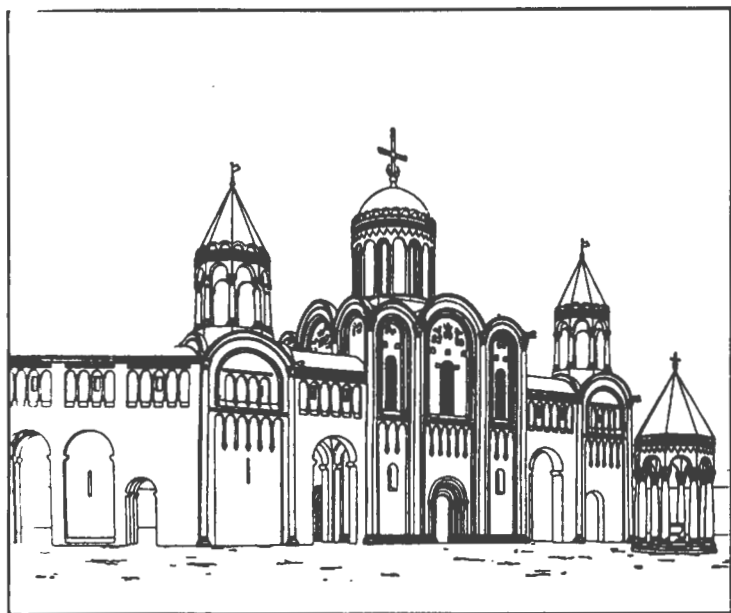
Как только весть об этом докатилась до многочисленных Андреевых союзников и до Киева, в войске началась паника. Разнесся слух, что с юга надвигаются галичане, что идет несметная армия черных клобуков. Победители мечтали лишь об одном — поскорее вернуться домой.

На следующее утро, выйдя на стены Вышгорода, осажденные увидели, что громадное войско бежало к Днепру. Ломая прибрежный ледок, воины бросались в воду, дрались за место в лодках. Хрипели и тонули кони, в суете народа погибло больше, чем при штурмах Вышгорода.

Увидев это, осажденные вышли из крепости и принялись рубить у берега тех, кто еще не успел прыгнуть в воду. Многих убили и еще больше взяли в плен.

Без добычи и чести тянулись от Днепра на север остатки могучей рати, разбредаясь по своим городам.

Разгром под Киевом ознаменовал конец могущества Андрея Боголюбского. И прежде непрерывные войны нарушали жизнь государства и больно ударяли по его зажиточным слоям, в первую очередь по боярству. Центром боярской оппозиции были старые города княжества — Суздаль и Ростов, которые ревниво относились к новой столице — Владимиру. Там Андрей Боголюбский, собрав русских мастеров и призвав зодчих из Византии, камнерезов из галицкой армянской колонии и от германского императора Фридриха Барбароссы, с которым состоял в переписке, возвел белокаменные

*Княжеский ансамбль в Боголюбове под Владимиром.
XII век. Здесь жил и был убит князь Андрей Боголюбский.*

соборы, в Боголюбове, под Владимиром, построили царский дворец, а неподалеку — прекраснейший русский храм — церковь Покрова на Нерли.

К концу жизни Андрей, никогда никому не доверявший, стал еще более мнительным. Впрочем, он не без оснований подозревал бояр в заговорах. Начались казни. В числе прочих был казнен боярин Кучка, отец которого был первым владельцем Москвы. Бояре отвечали враждой. Когда Андрей после провалов под Новгородом и Киевом замыслил поход на болгар, он две недели прождал в условленном месте бояр с отрядами, а те так и не пришли — чувствовали, что конец князя близок.

К середине 1174 года напряжение в княжестве достигло предела. Андрей был в Боголюбове один. Братья воевали на юге, а наследник престола Юрий отбыл в Новгород, который решил замириться с Андреем и призвать его. При Андрее оставался лишь один верный человек — его фаворит Прокопий, ненавидимый боярами.

Составили заговор. Во главе его стоял брат казненного Кучки Яким, остальные были приближенными Андрея из тех новых людей, которыми он, не доверяя старой знати, окружил себя в последние годы.

Заговорщики в душе трепетали перед князем. Напившись для храбрости, они ночью толпой вошли в княжеский дворец. Но когда они поднялись наверх и оказались перед опочивальней Андрея, их охватил ужас перед князем, и все двадцать убийц бросились в подвал. Там перевели дух и выпили еще. Приближалось утро, надо было кончать злое дело. Подбодряя друг друга, они снова двинулись наверх.

— Господин! — позвал Яким, подойдя к двери, чтобы удостовериться, там ли князь.

Чутко спавший старик проснулся и спросил:

— Кто там?

— Это я, Прокопий, — быстро ответил Яким, прижав ко рту ладонь, чтобы ответ прозвучал неслышно.

Андрей толкнул спавшего у его постели слугу:

— Мальчик, ведь это не Прокопий?

Но убийцы, наваливаясь друг на друга, уже выламывали дверь.

Андрей бросился к стене, где всегда висел меч. Меча не оказалось. Один из заговорщиков выкрал его еще вечером.

Убийцы ворвались в опочивальню и кинулись на старика. Он свалил первого из них, и остальные заговорщики, решив, что упал князь, начали колотить ножами своего же товарища. Сообразив по его крикам, что убивают не того, они скопом кинулись на князя.

Отбиваясь из последних сил, Андрей кричал:

— Нечестивцы! Какое зло я вам сделал?

Наконец он упал под ударами и затих. Даже неподвижный, в слабой рассветной синеве, проникавшей сквозь маленькие окна опочивальни, он был страшен. Убийцы, теснясь в дверях, спешили уйти.

Когда они уже готовы были идти со двора, чтобы торжествовать победу, они услышали шум, потом стон.

Кто-то побежал обратно.

И увидел, как, оставляя кровавый след, князь ползет вниз по лестнице...

И они снова накинлись на него. И добили.

Когда во Владимир пришло известие о смерти князя, начались волнения. Убивали тиунов, княжых слуг, грабили лавки.

Никто в Боголюбове не пожалел князя. Рассказывают, что его старый слуга Кузьма Киевлянин спрашивал всех, где тело князя. Ему отвечали: «Вон лежит, выволочен в огород, да ты не смей брать его, хотят выбросить собакам...» Кузьма нашел тело и стал над ним плакать. Тело было обезображено и покрыто засохшей кровью. Ключник Анбал, пьяный, веселый, гнал Кузьму, угрожая смертью. Старый слуга не испугался и начал просить:

— Дай хоть ковер или что-нибудь подостлать и прикрыть господина нашего.

— Ступай прочь, — засмеялся Анбал, — мы его собакам отдадим.

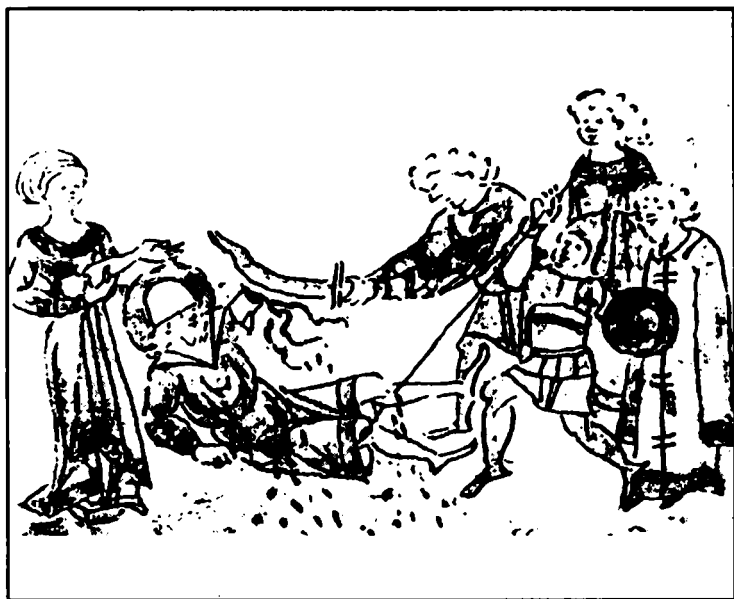
— Ах ты еретик! — возмутился Кузьма. — Собакам выбросить? Да помнишь ли ты, в каком платье пришел сюда? Теперь ты стоишь в бархате, а князь нагой лежит, но прошу тебя честью, дай что-нибудь.

Анбал усовестился, сбросил из окна ковер. Кузьма завернул тело князя. Пришел мальчик-слуга, на глазах у которого произошло убийство. Он все еще дрожал. Вместе с Кузьмой они отнесли тело к церкви. У церкви встретились другие заговорщики и несколько княжеских слуг. Все были пьяны. Кузьма стал просить, чтобы его пустили в среднюю часть храма, а ему со смехом отвечали:

— Брось в притворе. Вот носится, нечего ему делать.

Летописец писал это по свежим следам событий. Он был удручен человеческой жестокостью.

Никого из священников не было — все разбегались, попрятались. И Кузьме пришлось положить тело, покрытое ковром, в притворе. Пьяные победители глумились над телом, плевали на него, пинали... Двое суток тело князя пролежало в

*Убийство Андрея Боголюбского в 1174 году.
Миниатюра из Радзивилловской летописи. Отрубленную
руку князя почему-то держит его жена.
О ней в летописи ни слова не сказано.*

притворе, пока не пришел игумен дальнего монастыря Арсений.

— Долго ли нам смотреть на старших игуменов? — сказал он. — Отоприте церковь, отпою над ним и положим его в гроб. Когда злоба эта утихнет, придут из Владимира и перенесут его туда.

Видно, монах был не одинок. Ему помогли отнести князя в церковь, пришли клирошане, местные, боголюбские, пришли другие люди. Наступало отрезвление.

Дня через три утасли волнения во Владимире. Расправившись с обидчиками, горожане начали осуждать убийц князя. В городе уже многие понимали, что сюда спешат братья покойного, известные своей крутостью, а из Новгорода скачет сын Юрий. Они будут искать виноватых.

На шестой день владимирцы выгнали из домов оробевших игуменов и протопопа и заставили их отправиться в Боголюбово и нести оттуда гроб во Владимир. Весь город вышел на улицы, многие плакали и жалели князя. Не было только убийц. Они опасались, и не без оснований, что их могут растерзать. Но они прожили еще несколько недель, пока в город не вошли дружинники братьев Андрея. Тогда убийц казнили.

Юрий Андреевич опоздал во Владимир. Схватка за престол началась до него. После ряда сражений Андрею наследовал его брат Всеволод, по прозвищу Большое Гнездо.

Он и в самом деле был «большим гнездом». Восемь сыновей да дочка Верхуслава дожили до зрелых лет. Всех надо было обеспечить уделами. Для Юрия Андреевича удела не оказалось.

Юрий подчинился воле дяди и покинул Русь. Отъезд был, видимо, добровольным. В ином случае он мог примкнуть к многочисленным врагам своего

рода. Князь, уехавший из своей страны, — явление исключительное.

К началу восьмидесятых годов Юрий оказался на Северном Кавказе. Объяснение этого можно искать в родственных связях. При дворе Андрея Боголюбского были осетины. Даже глава заговора, ключник Анбал, принадлежал к ним. Осетинкой была и тетка Юрия, жена Всеволода Большое Гнездо.

Проиграв схватку за трон, Юрий Андреевич исчезает из истории Руси, чтобы возникнуть в истории Грузии мужем и соперником царицы Тамары.

Почти весь XII век киевский престол был яблоком раздора для русских князей. Подсчитано, что только за тридцать лет, с 1146 года, на нем сменилось двадцать восемь человек. И очень мало кому из них удавалось удержаться в Киеве хотя бы несколько лет. Бывали князья, что правили один день, а то и меньше. Стремясь оградить город от разорения и грабежей, киевские бояре, настоящие его хозяева, старались подыскать князя, который мог бы защитить город, но при том не разорить его.

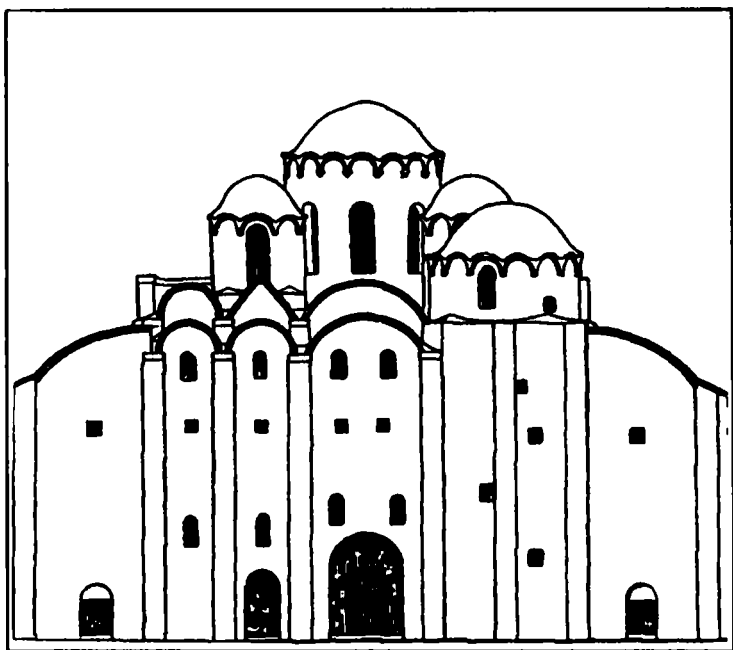
Лишь в 1176 году для киян наступило некоторое облегчение. Престол на восемнадцать лет занял князь Святослав Черниговский, и Киев начал залечивать раны, нанесенные предыдущими войнами.

Особенности развития русского феодализма определялись молодостью русской государственности, противостоянием со Степью и своеобразием феодального слоя — все князья были родственниками, что обуславливало сложнейшую внутривластную обстановку.

Скандинавы называли Русь страной городов. Города были многочисленны, укреплены, но, как правило, не обособлены от князей. Если в Западной Европе феодал, как правило, обитает в родовом замке, а город, центр торговли и ремесла, старается не допускать его в свои дела, то в России феодальных замков было немного и каждый город старался заполучить себе на жительство князя. Города еще не сознавали своей силы — исключение составляли те, что вышли на арену международной торговли, в первую очередь Новгород. Князь — это дружина, это защитник. Ведь в безумии междоусобных войн любой город был желанной добычей. Чтобы продолжать борьбу за власть, князья были вынуждены любой ценой добывать деньги. А для этого был привычный путь — грабеж. Грабили волости соседей, грабили города. Значит, лучше платить подати своему князю, чем отдавать добро грабителю из соседнего княжества.

В течение всего XII века города, несмотря на войны и грабежи, крепили, богатели, и потому процесс обособления их от княжеской власти шел активно. Призывая князя, город заключал с ним договор, и князь принимал определенные обязательства перед ним. Другое дело, что мир был настолько зыбок и ненадежен, что князья чувствовали себя «халифами на час» и грабили собственные владения. Тогда горожане звали другого князя. В Новгороде этот процесс завершился победой горожан. В Галиче фактическими хозяевами стали бояре.

Процесс основания новых городов шел очень быстро. Причиной этого было не только экономическое развитие государства, но и опасность, исходившая от степняков. Вся южная граница Руси застраивалась городками, которые были первона-

*Храм Св. Софии в Новгороде. XI—XII века.
Реконструкция.*

чально лишь убежищами для сельского населения, спасавшегося от половцев. Но год от года такие городки крепили, через них проходили торговые пути, там селились ремесленники. По мере того как половцы отступали дальше в степь, вслед за ними двигались и новые города. Южнее Курска вырос Донецк — он успешно, даже порой без помощи князей, отбивался от степняков.

Междоусобные войны тоже способствовали бурному росту городов. Феодалы занимались грабежом привычно и деловито. Поэтому села стремились группироваться вместе, а возведенная стена или вал уже гарантировали некоторую безопасность: проходящая дружина не задерживалась для штурма города. Князья вообще не очень любили осады и штурмы. Каждое новое разорение гнало в город беженцев. При войне же окрестные жители обязательно бежали прятаться под защиту стен. Города были необходимостью и благом.

Для того чтобы мои слова не показались пустыми лозунгами, панегириком родной стране, я позволю себе обратиться к любопытному труду историка А. Кузы «Малые города Древней Руси». Труд этот обращен к специалистам, автор ищет критерии, по которым можно отличить город от деревни, городок от города и так далее. Очень любопытны его краткие, в полстраницы, а то и менее, описания этих малых городов России.

Разрешите мне открыть наугад книгу А. Кузы и привести здесь с некоторыми сокращениями описание одного из русских городков, усеявших долины и берега рек. Вот, например, Ярополч Залеский.

«Упомянут в “Списке русских городов дальних и ближних” конца XIV века. Поселение занимает мыс между двумя оврагами к востоку от неболь-

шого городища железного века. Детинец города площадью 2,8 гектара обнесен дугообразным валом высотой в 5 метров со рвом. На севере вал упирается в крутой склон реки Клязьма... За валами располагается неукрепленное селище-посад площадью в 5 га...

Ярополчская волость принадлежала Нижегородско-Суздальскому княжеству. В конце XIV века она переходит в руки московских князей. К середине XV века Ярополч становится сельским поселением, управляемым княжеским волостелем.

...В северной части поселения прослежено шесть дворов-усадеб, разделенных канавками для частоколов. Две усадьбы исследованы полностью. Их площадь равнялась 100 и 700 квадратным метрам. По характеру застройки и находкам (вислая свинцовая печать, серебряные украшения, осколки сосудов и оконного стекла, фрагменты амфор) можно утверждать, что усадьбы принадлежали каким-то феодалам.

...Янтарные украшения, шиферные пряслица, испанские ткани, болгарская керамика свидетельствуют о дальних торговых связях. Среди находок также многочисленные предметы вооружения, снаряжения коня, 11 железных писал, каменный крестик с процарапанной надписью...

По археологическим данным, город был основан в первой половине XII века на незаселенной территории. Вскоре за его валами разрослось неукрепленное селище-посад. Раскопки показали, что Ярополч был сожжен, а его защитники погибли в середине XIII века. Вероятно, это произошло в 1239 году, когда войска Батыя воевали по "Клязьме". После этого город постепенно утратил свое значение».

В этих кратких строках не только картина небольшого типичного городка, но и его трагичес-

кая судьба. Русь была страной городов до монгольского нашествия. После него она стала страной деревень.

В стороне от основных торговых путей, на небольшой реке, Ярополч тем не менее участвует в мировой торговле — шелка там не обнаружено, но фрагмент испанской ткани — не менее ценная для нас неожиданность. Мне же дороже всего находка в городке одиннадцати железных писал. Сколько их сохранилось от тех, что были в употреблении за десятилетия перед монгольским нашествием? Один процент? Два процента? Но они дают полное основание утверждать, что город был грамотным. Как и Новгород или Псков. Грамотность была обычна и повседневна.

Уже давно историки пытались подсчитать, сколько же городов было на Руси? До последнего времени наиболее авторитетными считались цифры, раздобытые в ходе изучения всех летописей академиком М. Тихомировым. Он подсчитал, что до Батыева нашествия в летописях упомянут 271 город, из них в IX—X веках — 25 городов, в XI веке — 64 новых города, в XII веке — 135 новых городов(!), в XIII веке (в первой его половине, до прихода монголов) — 47 городов.

А. Куза ушел от летописей как основного источника. Летописи любят большие города и большие события. Им некогда, да и места нет сообщать читателю, что в Клевеске случился страшный град, а в Дымокурах, Воробейке и Погуляеве стояла страшная сушь.

Совершенно разумно А. Куза решил, что в летописях упоминается от силы десять процентов городов и даже не всегда самых больших. Он принялся вести подсчет городищ, упомянутых краеведами, но не раскопанных, городков раскопанных,

по безымянных, разведанных, но потом забытых археологами и известных лишь краеоведам.

Кропотливый труд принес удивительные плоды — на картах, составленных дотошным историком, учтено 1395 городов и городков, то есть поселений, обнесенных стеной и, как правило, оставивших после себя холм культурных отложений. Все это не свойственно деревне, которая возникает в поле, равна полю и уходит со временем в землю, не оставляя следов — ни холма, ни омывшего крепостного вала.

А ведь каждый город из почти полутора тысяч — какая еще страна в Европе могла похвастаться таким числом городов? — объединял по крайней мере несколько деревень, жители которых тянулись к нему, кормили его, получали из города нужный товар и искали защиты за его стенами в минуту опасности.

КНЯЗЬ ИГОРЬ ПРОТИВ ХАНА КОНЧАКА

Игорь с братьями смело бросались в авантюры, и, судя по летописям, жизнь в седле для Игоря была обычна. Не было года, чтобы северские Ольговичи не ввязывались в очередную княжескую свару. В середине семидесятых годов они напали на Стародуб, ограбили его окрестности, взяли богатую добычу. Но тут же Святослав Киевский отомстил им, напав на Новгород-Северский, и вся их дружина оказалась в плену. В 1179 году старший из братьев, Олег, умер; Святослав созвал в Любече оставшихся в живых Ольговичей, и они договорились жить в мире.

Святослав утвердил Игоря князем Северским вместо Олега, Чернигов уступил своему брату, а сам остался в Киеве.

Наконец-то у тридцатилетнего Игоря есть свое княжество, и он становится одним из наиболее влиятельных русских князей. Небольшое по площади, Северское княжество играло важную роль, так как граничило со степью. Основными городами были Новгород-Северский, Путивль и Курск.

В последующие годы Игорь участвовал в новой большой войне, которую Святослав вел с коалицией князей во главе с Всеволодом Большое Гнездо. На стороне Святослава выступил половец-

кий хан Кончак. Перипетии этой кровавой и рязорительной войны сложны и запутанны...

Но в конце концов летом 1181 года половецкие рати под общим командованием Игоря и Кончака расположились вдоль Долобской старицы Днепра. На них наступали степное войско черных клобуков и дорогобужский князь Мстислав Владимирович*.

Черные клобуки, шедшие в авангарде, напали на половецкий обоз и занялись грабежом. Половцы и дружинники Игоря пришли на помощь обозу. Спасаясь, клобуки ворвались в стан Мстислава и подняли там панику, крича, что вся армия разбита. Тогда побежал за ними и Мстислав.

Но бегство князя не решило исхода битвы. Как рассказывает летописец, «лучшие из мужей остались: Лазарь воевал с полком рюриковым, и Борис Захарыч с полком своего княжича Владимира, и Здислав Жирославич с мстиславским полком».

В стране, где войны ведутся постоянно, должны выковываться кадры профессиональных военных. И чем дальше, тем меньше среди них князей и тем большую роль играют незнатные командиры. Зачастую князь, участвуя в походе, оставляет военные вопросы воеводам. Роль воевод была еще важнее, чем о том рассказывают летописи. Ведь летопись — это княжеское придворное писание. Так что, даже если князь во время боя пил брагу в

* Среди русских князей было много тезок. Детей называли в честь именитых родственников, а так как знаменитые родственники тоже бывали тезками, то практически в употреблении был всего десяток имен. Поэтому одновременно жили и действовали как минимум полдюжины Святославов и Всеволодов, чуть поменьше Владимиров и Мстиславов, Изяславов, Глебов, Игорей, Ярославов и Юриев. Среди них часто встречались полные тезки: Ярославы Святославичи или Мстиславы Изяславичи. Так что летописцам приходилось указывать, из какого княжества пришел тот или иной Мстислав. Когда не ставишь целью написать историю этого периода, а пытаешься проследить жизнь некоторых князей, вновь и вновь возникающие одинаковые имена приводят в тупик. В этом повествовании число имен, насколько это возможно, ограничено, однако совсем без тезок обойтись не удалось.

своем шатре или ловил рыбу в ближайшей реке, победные лавры доставались ему. Князья были ревнивы к воинской славе, так что настоящие полководцы редко появляются на страницах летописей.

Главнокомандующий бежал, но ничего страшного не произошло. Воеводы выстроили свои полки, и, когда дружина Игоря и половцы бросились на них, тяжелая конница и лучники держались стойко. Враги разбились об их стену. Разгром половцев был страшный, почти вся армия их была изрублена. Погибли два хана, в том числе брат Кончака, а два его сына попали в плен. Игорь с Кончаком прыгнули в лодки и спаслись.

Итак, в 1181 году князь Игорь и Кончак — союзники. Они вместе бегут в Чернигов и, возможно, даже беседуют по-половецки, ведь Игорь по матери половец.

Из Чернигова Игорь с Кончаком отправились в Новгород-Северский, который лежал на пути половецкого хана к его кочевьям, там совещались, что делать дальше, может быть, договаривались, что семьям пора породниться. У Игоря подрастали сыновья, у Кончака была на выданье дочка. Но вскоре после того, как они расстались, логика событий начала отталкивать их друг от друга.

Кончак был умелый политик и опытный воин. Мир Степи был так же суров и сложен, как и мир Руси. Половцам самим приходилось все время оборонять свои кочевья с востока, откуда наступали другие степные народы, им надо было охранять свои вежи от русских.

После разгрома под Киевом Кончак мстил за брата и сыновей, но конными набегами мало чего добьешься. И хан решил перестроить свою армию. Он понимал, что цепь русских пограничных городов становится крепким заслоном на пути половец-

ких набегов. Сами пограничные города были небогаты — основная добыча таилась в глубине Русской земли, а пробиваться туда становилось все труднее. Половцы могли получать долю добычи, лишь согласившись на сомнительную роль наемников, как это было под Киевом.

Кончак избрал иной путь. Он сам возьмет Киев.

Хан начал готовиться к войне. Он выписал иноземных мастеров, чтобы они изготовили стенобитные орудия и катапульты — тяжелую артиллерию средневековья, без которой большой город не взять.

Это были годы затишья на рубеже Степи.

Подготовка половцев к походу на Русь не была секретом для великого князя Киевского Святослава. Связи между половецкими станами и русскими княжескими дворами никогда не прерывались, передатчиками информации были торки, что занимали пограничье. Половцы блокировали днепровский торговый путь, отлично понимая, что это вызов, который русские князья вынуждены будут принять. Знали на Руси и о том, что Кончак борется с самовластием других половецких ханов, стараясь собрать в кулак все силы Степи.

Великий князь Святослав созвал русских князей в поход на половцев весной 1184 года. В нем участвовали многие князья, в том числе и Игорь с младшим братом Всеволодом.

Как только русская армия углубилась в степь и начала приближаться к половецким кочевьям, произошла ссора между Игорем и переяславским князем Владимиром. Владимир потребовал, чтобы ему позволили идти в авангарде: авангарду достается основная добыча. Игорь, который замещал в походе великого князя, категорически отказался

пустить Владимира вперед. И тогда тот в самый разгар кампании покинул армию.

Войско продолжало путь и вскоре натолкнулось на половецкие кибитки. Было побито много половцев и взят полон, но тут поход прервался.

Примчавшийся гонец сообщил, что обиженный Владимир Переяславский пошел не к себе домой, а на Северскую землю. Он сжигал села, уводил пленных, разрушал городки, в то время как остальные князья храбро воевали в степи.

Игорь повернул свою дружину обратно. Но пошел не домой, а на переяславский город Глебов — город был взят и уничтожен.

В результате похода на половцев пострадала только русская земля. Какие бы пламенные речи о необходимости борьбы с половецкой опасностью ни говорили летописцы, как горячо бы ни выступал за единство великий князь Киевский, доверия между князьями не было и ненавидели они друг друга порой больше, чем половцев.

Летом того же года сам великий князь Святослав с сыновьями и многими князьями Русской земли собрал невиданную по масштабам армию для похода на половцев, но северские князья к нему не присоединились. Осуждая Игоря за непатриотический шаг, позднейшие исследователи забывают о простой причине: во втором большом походе снова участвовал Владимир Переяславский, никем не осужденный и не наказанный. Больше того, он получил разрешение великого князя идти в авангарде.

Святослав не заступился за Игоря. Он понимал, как сложно собрать князей на общее дело, и предпочитал закрывать глаза на обиды, наносимые его сородичам.

Перейдя Днепр у Переволочны, армия пошла степью. В авангарде шли дружина Владимира и

легкая берендейская конница. Вскоре авангард столкнулся с передовыми отрядами хана Кобяка. Половцы увидели, что русский отряд невелик, и кинулись на него. Владимир приказал своей дружине стоять твердо, а сам послал гонца к Святославу, чтобы тот поторопился, — его отделял от авангарда целый день пути.

Отразив половцев, Владимир не стал их преследовать, понимая, что впереди находятся главные силы хана Кончака. Кобяк же, соединившись с Кончаком, уверил того, что русских немного: он не знал о движении основной армии. Кончак поспешил вперед, чтобы разбить Владимира. На его несчастье, подоспели главные силы русской армии и в жестоком бою разгромили половецкое войско. По сведениям летописцев, в плен попало семь тысяч степняков, в том числе хан Кобяк с двумя сыновьями и другие ханы.

Цель похода — освобождение днепровского торгового пути — была достигнута.

Однако Кончак не был разгромлен. Пленение ханов освободило его от конкурентов в борьбе за власть и способствовало объединению Степи. Вернувшись в свои кочевья, Кончак продолжал готовить большой поход на Русь.

Что касается князя Игоря, то он все же ходил и то лето в степь, правда, недалеко, хотел пограбить половецкие кочевья, пока армия половцев сражается с русскими. Кочевий он не нашел, но истретил половецкий отряд из четырехсот всадников и побил его.

В феврале войско Кончака снова двинулось на Русь. Конечной целью похода был Киев, где томились в тюрьме пленные ханы. В обозе везли огнемётные орудия, которые ему сделал один

басурманин. Летописец сообщает и о «луках, которые могли натянуть лишь пятьдесят человек».

Далее последовали дипломатические маневры. Кончак отлично знал, что черниговские и северские князья не ладят с Киевом. Поэтому он отправил к ним послов, предлагая мир и обещая их земель не трогать. Черниговский князь согласился на мир и послал к Кончаку для переговоров своего боярина Ольстина. Узнав об этом от своих лазутчиков, Святослав Киевский послал в Чернигов письмо, укоряя князя за измену. Тот ответил, что не может нарушить слово. Затем Святослав обратился к князю Игорю, повелев ему выступить против половцев.

Получив приказ, Игорь созвал боярскую думу и, как утверждает летопись, патетически воскликнул:

— Не дай Бог нам отказаться от похода на поганых! Поганные всем нам общий враг!

Затем Игорь принялся обсуждать с боярами, как лучше соединиться с войском Святослава, идущим навстречу половцам. Тут воеводы начали якобы отговаривать Игоря, утверждая, что посланец из Киева прибыл слишком поздно. Но Игорь все же настоял на походе, вышел в поле, но попал в туман на реке Суле. Туман был такой густой, что пришлось вернуться. И, сокрушенный неудачей, Игорь остался дома.

В своем исследовании о «Слове» академик Б.А. Рыбаков доказывает, что Игорь отлично успевал к месту встречи и что все его сетования были только отговоркой. И какой может быть туман в феврале, чтобы войско в нем заблудилось, идя по знакомым дорогам?

Святославу повезло. Ему встретились купцы, которые видели, где остановилось на отдых войско Кончака. Нападение русской армии было внезапным, и Кончак бежал, оставив на поле боя

катапульти и огневые машины. Берендейская конница гнала половцев до Хорола.

Большой поход Кончака сорвался, но и очередная победа Святослава опять ничего не решила. Силы Кончака сохранились. Угроза для Руси не ослабла. Поэтому Святослав решил нанести половцам окончательный удар. Всю весну он провел в разъездах и переговорах с князьями. Поход планировался в центр половецких кочевий.

Пока великий князь готовил поход, шли приготовления и в Новгороде-Северском.

Уже много лет идут споры о том, что побудило Игоря опять отколоться от основных русских сил. Апологеты Игоря-рыцаря утверждают, что он отправился в степь ради славы, ради чести русского народа. И это отличает его от прочих князей.

Факты говорят, к сожалению, о другом. Поссорившись с прочими князьями, Игорь готовил свой сепаратный поход именно потому, что полагал: он будет нетрудным и добычливым. Он знал, что Кончак с войском еще в марте был на левобережье Днепра, и полагал, что половцы останутся там, готовясь к новому походу на Русь. Следовательно, если он со своими полками пойдет на восток, то сможет захватить практически беззащитные становища половцев. К тому же половцы не ждали нападения князя Игоря, с которым у них был мир.

Таясь от половцев и от собственного великого князя, Игорь проводил сбор войск не в Новгороде-Северском, а в небольшом Путивле и в пограничном Курске. 23 апреля Игорь выступил на юг. Участвовали в походе лишь вассалы и близкие родственники Игоря: его брат Всеволод, племянник, князь Рьльский, и сын Владимир, которому не было еще и шестнадцати.

Была поздняя весна, дубравы покрылись молодой листвой.

1 мая, вечером, случилось неожиданное и злое-
вещее событие, отмеченное летописцами и ярко
описанное автором «Слова о полку Игореве». Солнце,
опускавшееся к горизонту, к низким
увалам, стало уменьшаться, превращаясь в узкий
месяц. «В рогах его яко уголь горячий были звезды
видимо и в очах зелено».

Войско остановилось. Тревожно храпели кони,
перекликались во внезапно наступившем полумраке
воины.

Воеводы подскакали к князю.

— Не на добро это затмение, — промолвил
кто-то.

Полки примолкли, ожидая, что скажет Игорь.
Ведь в те времена никто не сомневался, что такие
события, как солнечное затмение, могут быть не
чем иным, как знаменiem неблагоприятным. Во-
обще-то благоприятных знамений почти не было:
для средневекового человека Бог был силой
карающей.

Игорь не растерялся. Он обратился к войскам:

— Братья мои и дружина! Тайны Божии неис-
поведимы, и никто не может знать его определе-
ния. Что хочет, то творит — добро иль зло. Если
захочет, он накажет и без знамения. И кто
ведает — для нас это знамение или для кого еще,
ведь видно затмение во всех землях и народах.

Можно только преклоняться перед здравым
смыслом Игоря. Но сила предсказаний и знамений
в том, что их запоминают лишь тогда, когда они
сбываются. Половцы, тоже видевшие затмение, о
нем, разумеется, благополучно забыли.

Игорь помнил о разведке и посылал вперед
разьезды. Взяли пленного. От него выведали, что
половцы знают о приближении Игоревой дружины.
Воеводы ратовали за возвращение — уж очень

далеко ушли они от дома, вокруг была лишь пустая степь.

Игорь возвращаться отказался.

— Если теперь мы, не бившись, вернемся, — сказал он, — то стыд нам будет хуже смерти. Посдем на милость Божию.

10 мая Игорь увидел с холмов за степной речкой половецкие кибитки. Когда русские всадники поскакали вперед, половцы помчались прочь, оставив кибитки врагу. Младшие князья бросились в погоню и только вечером, заморив коней, пернулись к главным силам.

Игорь был встревожен. Может быть, его тяготили предчувствия, а вернее, сказывался опыт. Поведение половцев ему не нравилось, место, где стояла лагерем его дружина, не удовлетворяло. Он приказал той же ночью отступить. Но из этого ничего не вышло: кони отряда, что гонялся за половцами, устали, им надо было отдохнуть. Молодежь — князья и простые воины — была возбуждена, весела: первый бой прошел удачно, почему не быть удачным и завтрашнему бою?

Ночью лагерь спал. Непокойно было только Игорю и опытным воеводам, которые не раз уже ходили в степь. Внутренним зрением они видели, как скачут к степной речке половецкие ханы.

На рассвете лагерь пробудился от топота тысячных отрядов. Земля гудела.

Даже в самом дурном сне Игорь не мог предположить, что ему так не повезет: основные силы Кончака и другого могучего половецкого хана, Гзы, оказались неподалеку. Узнав о походе русских, они в считанные дни настигли Игоря.

По приказу Игоря русские полки начали пробиваться на север, но путь им преградили половецкие отряды. Началась жестокая сеча. День выдался жаркий, кони быстро устали и изнемогали без

воды. Но к воде половцы не пропускали. Лишь к вечеру измученные воины пробились к речке.

Битва шла и ночью. Не такая отчаянная, как днем, но поспать русским не удалось. Половцы изматывали их, непрестанно бросая в бой новые силы.

Перелом наступил утром следующего дня, после суток почти непрерывного сражения. Легкая конница союзных степняков бросилась бежать с поля боя, разрушив строй.

Игорь поскакал за беглецами. Он был ранен в левую руку и потому бросил щит. Но степняки не остановились. Пришлось вернуться ни с чем. Сражение продолжалось до полудня, княжеские полки бились, стоя спиной к озеру, но постепенно половцам удалось разъединить их и окружить. Всеволод и остатки войска сложили оружие. В плен попали князь Игорь, его сын и пять тысяч дружинников. Мало кому удалось вырваться. За беглецами бросились стаи легкой половецкой конницы.

Кончак, узнав, что в плен попали русские князья, торжествовал. По двум причинам. Во-первых, у него было много пленников, а это выкуп. За Игоря половцы установили выкуп в две тысячи гривен, за прочих князей — по тысяче, за воевод — по двести. Это были громадные деньги. Такой запас пленных после ряда поражений позволял рассчитывать на обмен с русскими. Но еще важнее было другое: с гибелью войска Игоря в русской обороне открылась брешь.

После победы над Игорем возникли разногласия между Кончаком и его союзником — ханом Гзой. Гза хотел воспользоваться моментом и разгромить беззащитное Северское княжество. Кончак рассчи-

Княжеский шлем, найденный на Липецком поле, где гремели битвы в 1176 и 1216 годах.

тывал на большее, чем грабеж Северской земли. Святослав еще только собирает войска союзных князей, армия его не готова. Можно нанести удар по Киеву!

Ссора между половецкими ханами спасла Русь от грозной беды. Гза и Кончак, так и не сговорившись, повели свои полки в разные стороны.

Святослав, возмущенный поступком Игоря, говорил: «Не сдержали вы молодости своей и отворили ворота поганым в Русскую землю... как прежде я был сердит на Игоря, так теперь мне жаль его стало».

Но времени Святослав не терял. Он немедленно послал в Северскую землю своих сыновей с дружинами.

Кончак ударил по Переяславлю. Город был осажден, и Владимир решил совершить вылазку с небольшой дружиной. Половцы окружили его и изранили так, что дружинники еле живого внесли его обратно в город. От этих ран Владимир вскоре умер. Так Игорь, не ведая о том, руками половцев отомстил своему врагу.

Узнав об осаде Переяславля, Святослав поспешил на выручку. Кончак снял осаду с Переяславля и повернул назад. На обратном пути он осадил город Римов. Город успешно сопротивлялся, но тут — то ли из-за подкопа, то ли от ветхости — рухнули две крепостные башни вместе с защитниками. В наступившей суматохе половцы ворвались в город и перебили его жителей. Добыча Кончака была так велика, что он повернул в степь. Давно не наносили половцы такого удара Русской земле.

Если правый берег Днепра Святославу удалось защитить, то левобережье было опустошено половцами. Русские рабы продавались за бесценок — перекупщики сбежались в стан Кончака с Кавказа и с Волги.

Армия Гзы подошла к Путивлю, сожгла его посады, разграбила окрестные села, но взять город не смогла. Подоспели полки сыновей великого князя Киевского. Гза отступил за реку, увозя награбленное добро и пленных, а сына послал инсрх по Сейму жечь прибрежные деревни. Сын ушелся грабежом, его настигли киевские войска, и он погиб.

Когда Гза вернулся в кочевья половцев и встретился с Кончаком, Игорь и его дружина все еще были в плену. Гза, потерявший сына, жаждал мести. Он потребовал убить Игоря.

Но это не входило в планы Кончака. Игорь был нужен ему живой. Как заложник и как потенциальный союзник.

Игорь не был утеснен в плену. Кончак разрешил ему выписать православного священника — между Новгородом-Северским и станом Кончака поддерживались отношения. Хан даже просватал свою дочь за шестнадцатилетнего Владимира, сына Игоря.

Но, несмотря на такое отношение к пленнику, Кончак не хотел отпускать его бесплатно.

Сколько Игорь пробыл в плену — предмет спора историков. Обычно считается, что он просидел чуть более года: у Ефросиньи Ярославны не было в казне достаточной для выкупа суммы, тем более что половина ее княжества была разграблена половцами*.

Узнав о том, что среди половцев зреет план его

* В своем исследовании, посвященном «Слову о полку Игореве», И.А. Рыбаков доказывает, что Игорь пробыл в плену всего полтора месяца и бежал в июне того же, 1186 года. Он полагает, что за это время можно было выписать священника и дожидаться возвращения ханов из похода. Этот труд вышел в 1971 году. Однако в своей более поздней книге «Киевская Русь и русские княжества» (М., 1982) Б.А. Рыбаков свои объяснения причин изменяет этот срок и сообщает, как и большинство историков, что Игорь находился в плену до лета 1186 года.

убить, Игорь склонился на уговоры некоего полукровки Лавра, обещавшего помочь ему бежать. Игорь сначала не верил Лавру, думая, что тот подослан половцами, дабы был предлог его убить «при попытке к бегству». Конюший же и тысяцкий Игоря, которые знавали Лавра, утверждали, что он «муж твердый, но оскорблен от некоторых половцев, мать же его была русская из области Игоревой». Наконец Игорь сдался. Бежал он вместе с Лавром и несколькими слугами. Одиннадцать дней они шли степью и дубравами, пока не добрались до Путивля. Ярославна, узнав о появлении мужа, бросилась ему навстречу, и «от слез и радости они сказать ничего не могли».

Убедившись, что его княжество находится в ужасном состоянии, Игорь отправился по сильным соседям просить помощи. Поездка была унижительной для гордого Игоря. Вряд ли князя воздерживались от упреков.

Между тем в Киеве шло совещание князей. Кончак не разбит, часть Русской земли разорена. Все, чего добились русские за последние годы, пошло прахом. Можно было сколько угодно корить князя Игоря, но этим дела не поправишь. Над всей Русью нависла угроза.

В это время, вернее всего, в Киеве (хотя существуют и другие мнения) жил человек, который написал поэму «Слово о полку Игореве». В ней он рассказал о походе князя, стремясь убедить читателей, что князья должны забыть распри и объединиться в борьбе с общим врагом. Он доказывал, что Русь гибнет, расколотая междоусобицами.

Поэт никого не осуждает, хотя укоризна слышится в его голосе. Это торжественный плач по Русской земле. Ведь и читателями, и героями поэмы были современники поэта. Они должны

были не только читать и умиляться — они должны были действовать.

Было бы преувеличением утверждать, что «Слово» сыграло значительную роль в борьбе с половецкой опасностью. К сожалению, даже великие произведения литературы не способны изменить ход истории. Князья в силу социальных законов, о которых они и не подозревали, продолжали отчаянно бороться между собой, половцы продолжали нападать на русские города. Но в 1186 году войны с половцами не было. Не исключено, что князья договорились дать совместный отпор половцам. А хитрый Кончак знал об этом и остался в своих кочевьях.

Но уже в 1187 году Кончак опять пришел на Русь и разграбил села и города в Северском и Черниговском княжествах. И когда Святослав начал собирать новый поход на Кончака, его родной брат князь Черниговский от похода уклонился. «И была между братьями распря».

А Игорь продолжал жить в Новгороде-Северском. Вскоре вернулся из половецкого плена его сын Владимир с молодой невестой Кончаковной. От них пойдут дети по крови более половцы, чем русские.

В 1194 году умер великий князь Киевский Святослав — организатор борьбы со Степью. В 1198 году, после смерти черниговского князя, этот стол по старшинству перешел к князю Игорю Северскому. А еще через четыре года он умер в Чернигове.

НЕСПОКОЙНЫЙ ГАЛИЧ

Правивший в Галиче Ярослав Осмомысл, могучий владыка, при одной вести о приближении армии которого враги бежали от Киева, никак не мог распутать семейные проблемы. Его жена Ольга не могла более выносить, что ее муж открыто признает Настасью истинной своей супругой, хотя с ней и не венчан. В Галиче говорили, что он намерен отправить жену в монастырь и обручиться с возлюбленной.

Галич раскололся. Среди бояр существовала партия, стоявшая за передачу трона бастарду Олегу, которого неуважительно величали «Настасьевичем». Партия княгини Ольги желала, чтобы власть перешла к ее сыну Владимиру.

Понимая, что проигрывает, княгиня решилась на отчаянный шаг: вместе с Владимиром и несколькими преданными ей боярами она в 1173 году бежала из Галича. Беглецы ушли в Польшу — так было заранее уговорено с польским князем Болеславом Кудравым.

Этот поступок вызвал целую лавину событий. В Галиче Ольга, обиженная жена, Ярослава не беспокоила. Княгиня, вынеся конфликт на суд Польши и Руси, создала опасное политическое осложнение. Ярослав предпринял дипломатические

усилия, чтобы вернуть жену и старшего сына. Этим, вероятно, объясняется то, что через восемь месяцев добровольного изгнания Ольга с Владимиром неожиданно покидают Польшу и едут на Волинь, к тамошнему князю — врагу Ярослава. Ольга просит у князя помощи, а в это время ее сторонники в Галиче распространяют пугающие слухи о грядущем нашествии поляков и венгров, о гневе русских князей на Ярослава, который якобы решил отдать престол незаконному сыну. В Галиче твердят, что Настасья — ведьма, которая околдовала князя. Спасти князя от колдовства — богоугодное дело.

Успешные заговоры чаще всего зреют в тени трона. При дворе всегда найдутся люди, знающие, куда больнее ударить. Видно, Ярослав в своей гордыне и не подозревал, что ему может угрожать опасность. Слухи он игнорировал, дружину отпустил. Он даже не побоялся покинуть столицу и отбыть в загородный дворец на охоту. Тогда все и случилось...

Когда Владимир с матерью подъезжали к Полоцку, их догнал посланец из Галича. Он сообщил княжичу от имени галицких бояр: «Ступай домой, отца твоего мы схватили, приятелей его перебили, а враг твой Настасья в наших руках».

Пока обрадованные Владимир с матерью спешили в Галич, бояре, не тратя времени даром, продолжали начатое. Настасью как ведьму, околдовавшую Ярослава, сожгли на главной площади. Ее сына бросили в оковах в тюрьму, самого же Ярослава, сломленного предательством и унижением, когда Настасьи не стало, отпустили на свободу под надзор боярской партии, взяв с него торжественную клятву, что он не будет мстить заговорщикам и будет жить с княгиней, как положено мужу.

Ярослав такую клятву дал, но затаил в душе лютую ненависть.

Внешне Ярослав выполнял условия договора с боярами. Он ни слова не возразил против возвращения сына и жены. Летописи молчат о том, что было в Галиче после этого переворота. Значит, ничего достойного, с их точки зрения, не происходило. Но власть в княжестве перешла в руки княгини и боярской партии. Много лет любовные увлечения князя никого не беспокоили. События разыгрались, когда возникла опасность, что Ярослав передаст престол «Настасьевичу». Бояре не желали, чтобы их владения и поместья стали ареной княжеских междоусобиц. Если за Ольгу встанут ее родичи, которым нужен лишь предлог, чтобы напасть на богатые южные земли, то страдать в первую очередь будут землевладельцы и крупные торговые люди. Поэтому дворцовый переворот в Галиче был вызван не безнравственным поведением князя, а страхом перед войной.

Ярослав смирился с боярским бунтом, чтобы сохранить престол. Прошло лет восемь. Галичане разочаровались в новых правителях, и многие с грустью вспоминали о прошлых временах. Постепенно инициаторы заговора один за другим сходили со сцены.

Долгожданный момент для Ярослава наступил, когда умерла княгиня Ольга. Умерла ли она естественной смертью, так как была уже пожилой женщиной, или ей помогли умереть — мы так и не узнаем. Но Ярослав тут же обрушился на боярскую оппозицию, лишенную вождя. Попытка Владимира занять место матери провалилась. Когда начались казни активных участников расправы над Настасьей, Владимир бежал.

В 1182 году Владимир Галицкий оказывается на

Вольни, у князя Романа Мстиславича, и просит у него приюта.

Ярослав был в таком гневе, что решил любой ценой заполучить Владимира обратно. Но на открытую войну с Вольнью он не решился и прибег к другому, весьма эффективному способу. За три тысячи гривен он нанял большой польский отряд, который отправился на Вольнь и начал жечь города. Официально никакой связи между этим разбоем и Ярославом не было, но Роман понял, что означает этот шаг. Он счел за лучшее не ссориться со своим могучим соседом и предложил Владимиру убраться из его земель.

Владимир бросается в Киев, к тестю, но даже великий князь гонит его от себя, утверждая, что дал клятву Ярославу княжича не пускать. И начинается долгий и многострадальный путь Владимира Галицкого от князя к князю: Игорь Дорогобужский его прогнал, Святополк его не принял, гордый смоленский князь Давид велел ему ехать к его дяде Всеволоду Большое Гнездо. Даже в далеком Владимире ему не нашлось места. Молодой галицкий наследник объехал всех основных князей Руси, и ни один из них, будь то союзник или враг Ярослава, не посмел дать ему убежища. Можно только представить себе, какую огромную дипломатическую работу провел Ярослав, если князья, неспособные даже на видимость единодушия, были столь едины в нежелании пригреть изгоя.

Оставалось княжество Северское, где правил Игорь, женатый на сестре Владимира Ефросинье Ярославне.

Семья Игоря не в пример галицким родичам была дружной. Может быть, именно любовь Игоря к жене и заставила его совершить поступок, на который не решился ни один из больших князей.

Игорь осмелился бросить вызов самому Осмомыслу. Летописец рассказывает, как Владимир, отчаявшись найти себе убежище, **приехал к Игорю Святославичу: «Игорь же принял его с любовью и честью и держал у себя два года».**

Игорь решил помирить сына с отцом. Удалось ему это сделать не сразу и пришлось даже отправить в Галич заложником собственного сына.

«С великим прилежанием через князей русских едва его с отцом примирил, изпрося ему во всем прощения, и послал с ним его проводить сына своего Святослава.

Ярослав, прия сына своего Владимира и наказав его словами, дал ему Свиноград, но жить велел в Галиче, дабы он **не мог кое зло сделать**. Святослава же, одарив, **с честью отпустил».**

Ярослав победил. Он **добился того**, что сын вернулся молить о милости и остался жить в Галиче под надзором.

Любое потрясение в Галиче затрагивало интересы Византии и Венгрии, отзывалось в Болгарии и Польше. Южная **Европа была** вся в движении. С одной стороны, **Болгария и Сербия** боролись за независимость от Византии, с другой — в 1189 году начиналось очередное грандиозное предприятие — третий крестовый поход, который по масштабам значительно превосходил предыдущие, хотя бы потому, что во главе его стояли три могущественнейших государя Европы: германский король и император Священной Римской империи Фридрих Барбаросса, французский король Филипп Август и английский король Ричард Львиное Сердце.

Для стран юго-востока Европы, противостоящих Византии, это предприятие представляло опасность. Замыслы, рожденные в монастырях и столицах

Запада, таили в себе угрозу не только Византии, но и ее соседям. Проход через эти страны жестоких и корыстных рыцарей, для которых разница между христианскими Венгрией, Болгарией и Византией и «неверными» была не более как условностью, грозил разорением и был на руку только итальянским конкурентам — генуэзцам и венецианцам. Тревога эта была обоснованной. Пройдет всего пятнадцать лет, и те же самые крестоносцы в очередном походе решат, что Константинополь — легкая и богатая добыча. И разгромят Византийскую империю, нанеся ей такой урон, равного которому не наносил ни один «неверный».

В преддверии тревожных перемен каждый из соседей Галича старался усилиться, и за делами галицкого князя со вниманием следили в Европе. Старик Ярослав Осмомысл умел балансировать в сложной политической игре, но, когда он занемог и разнеслась весть о том, что болезнь князя смертельна, соседи встревожились.

Владимир Галицкий продолжал жить в столице под зорким глазом нелюбящего и нелюбимого отца, ненавидя своего младшего брата Олега «Настасьевича». Он уже не молод, ему под сорок, ничего в жизни так и не удалось добиться. Кто он? Властитель заштатного Свинограда, куда он даже съездить не может?

Трагедия Ярослава заключалась в том, что он полюбил незнатную женщину, был верен ей и своей верностью погубил.

История, говорят, повторяется. Первый раз это трагедия, второй — фарс. Что и случилось в Галиче.

У Владимира были жена и сын от нее. Что случилось с женой, летописи молчат. Владимир вел жизнь безнравственную, пил, буянил, от дел

бегал*. Кончилось тем, что он отнял у попа жену и стал с ней открыто жить.

Любопытно, понял ли после этого Владимир своего отца? Вряд ли. Мы всегда находим оправдание себе и за те же грехи готовы судить других. Хотя отец и сын были врагами, жизнь их кое в чем сложилась сходно.

За годы, проведенные в Галиче, свиноградский князь Владимир прижил от попады двух сыновей.

В 1187 году к князю Ярославу пришла смерть.

Чувствуя ее приближение, Ярослав созвал бояр, священников, монахов и даже нищих и, плача, умолял подчиниться его последней воле.

Слово его записал летописец.

— Отцы и братья, — сказал он. — Вот я отхожу от этого света суетного и иду к Творцу моему. Согрешил я больше всех. Отцы и братья, простите!

Слушатели плакали вместе с князем. Им стало страшно оставаться без него. Были в той толпе и те, кто вел на костер Настасью, и те, кто заковывал в цепи Олега, стоящего теперь рядом с ложем отца, и те, кто измывался над старым князем. Но все это было в далеком прошлом.

— Я одною своею худою головою удержал Галицкую землю, — продолжал князь, — а вот теперь приказываю занять мое место...

В зале стояла мертвая тишина.

— ...Олегу, — твердо сказал князь. — Меньшому моему сыну, а старшему, Владимиру, даю Перемышль, с тем чтобы он Галича себе не искал.

* Нашедшая отражение в знаменитой опере А. П. Бородина версия о том, что, пользуясь пленением князя Игоря, Владимир хотел захватить Путивль, нелепа. В те годы он не покидал Галича.

Изразцы XII века из Галича.

Никто не посмел перечить умирающему князю. К тому же в зале было немало сторонников Олега.

После этого Ярослав приказал раскрыть свои кладовые, полные золота и драгоценностей. И три дня по всей Галицкой земле раздавали эти сокровища монастырям и бедным. Но не смогли они всего раздать, поражается летописец, так много добра было у князя.

Потом князь привел к присяге галицких бояр и духовенство.

Неизвестно, что говорил и думал тогда Владимир; правда, можно себе представить, как он проклинал судьбу. Но и он присягнул младшему брату.

Ярослава торжественно похоронили. В процессии шли оба сына — князь Галицкий Олег и князь Перемышля, вассал Олега, Владимир.

Но рядом с Владимиром, теснясь к нему, шли многие знатные бояре, понимавшие, что ни западные соседи, ни русские князья не смирятся с княжением Олега «Настасьевича».

Мятеж начался сразу после похорон. Еще не успели отзвенеть печальные колокола, как бояре пришли к Олегу и велели уходить из города добром. Иначе ему не жить на свете.

Олег покорился, уехал из Галича и укрылся в Овруче, у тамошнего князя. И исчез из летописей и истории.

Но и разочарование во Владимире наступило довольно быстро.

Формально, как утверждает летописец, причинами этого были его пьянство, история с попадьей и нежелание советоваться с боярами.

Попадья и пьянство, конечно, были, но обычно такие грехи боярского гнева не вызывали. Разгадка лежит в последнем обвинении — нежелании советоваться с боярами.

Неурядицы в Галиче не ускользнули от внимания соседей. Первым решил вмешаться в игру волынский князь Роман, тот самый, который в свое время дал было убежище Владимиру, изгнанному из Галича, но потом одумался и выгнал его.

Говоря о Романе, летописи сообщают, что он был весьма деятелен и предприимчив, и если уж принимал решение, то ничто не могло его от этого отвлечь, а вот в выборе средств для достижения целей Роман был неразборчив. Как только он почувствовал, что галицкий престол может в любую минуту стать вакантным, он послал гонцов к оппозиционным боярам и предложил себя в качестве галицкого князя. И конечно же, нашел среди них союзников.

В Галиче составилась заговор, воеводы и бояре начали собирать войска, чтобы восстать против Владимира. Но восстать не смели, потому что у Владимира оставались в Галиче сторонники, да и сам он был настороже — убить его не удавалось. И все же положение Владимира было почти безвыходным. Силы противников превосходили его дружину, город был окружен врагами.

Бояре не хотели большой войны, к тому же они знали, что дружина верна Владимиру, а Роман со своим войском далеко и не спешит. Добром Владимир не уходит. Значит, его надо испугать.

Тогда в их головах родился провокационный план, основанный на знании характера Владимира, которому не хватало умения смириться ради власти, как сделал в свое время его отец.

К Владимиру явились самые знатные бояре.

— Князь, — сказали они, — мы не на тебя встали, но не хотим кланяться попадье, а хотим ее убить. А ты где хочешь возьми себе жену, понеже нам от того стыд и поношение несносное.

Владимир сначала пытался разубедить бояр. Он

напомнил им, что они еще недавно целовали ему крест. Наконец князь привел последний аргумент.

— У меня дети от пощады, — сказал он.

— И детей народ убьет, — отвечали бояре. В таких случаях всегда полезно напомнить о существовании народа.

Бояре дали Владимиру срок только до следующего дня.

Ночью князь в страхе за свою семью поднял дружину, взял казну, детей, любовницу и усакал в Венгрию.

Соглядатаи сообщили боярам, что князь уходит из города, но те ему не мешали. Боярам казалось, что теперь они настоящие хозяева княжества.

История не повторяется точно. Отец предпочел власть и смирился. Владимир предпочел любовь и отказался от власти. Как только слабый согласится с условиями ультиматума, он признает свою слабость и враги делают следующий шаг.

Положение в Галиче было безразлично его соседям, и все они так или иначе приняли участие в дальнейшей борьбе.

Сначала на первый план вышли венгры.

В 1173 году умер венгерский король Стефан, причем, по слухам, он был отравлен не без помощи своего младшего брата, того самого Белы, который некогда был обручен с принцессой Марией, дочерью византийского императора Мануила, и который, пока вторая жена Мануила не подарила супругу сына, считался наследником византийского престола.

В Венгрии наступило междоусобице. Знать раскололась на три партии. Первая состояла из сторонников Белы. Вторая, во главе которой находились высшие иерархи католической церкви, опа-

скалась, что Бела испорчен константинопольским воспитанием и перестал быть добрым католиком; епископы требовали, чтобы страна ждала, пока беременная жена покойного Стефана разродится. Третью партию возглавляла властная старуха Евфросиния Мстиславна, дочь русского князя, мать Белы и Стефана, которая требовала, чтобы престол перешел к ее любимому третьему сыну. В конце концов Бела, опираясь на поддержку Византии, сумел захватить престол.

Когда в 1189 году к Беле приехал Владимир Галицкий, тот принял его хорошо, ибо был заинтересован в том, чтобы Галичем правил обязанный ему князь. Он предоставил в распоряжение Владимира большую армию. Благодарный Владимир оставил у венгров семью и казну, а сам двинулся к Галичу.

Пока в Венгрии шли приготовления к походу, волынский князь Роман призвал своего младшего брата Всеволода и торжественно передал ему престол в своей столице — Владимире-Волынском. Сам же, собрав дружину, поехал править новой вотчиной. Брату на прощание не без спеси сказал: «Больше мне этого города не нужно». Владимир-Волынский был беден и даже невзрачен по сравнению с роскошным Галичем.

Галицкие бояре взяли с Романа крестное целование, что он будет блюсти их права и заботиться о народе. Роман дал требуемые клятвы и въехал в княжеский дворец.

Буквально через несколько дней с западной границы прискакал взмыленный гонец: огромная армия венгров идет на Галич. Во главе ее Владимир и сын Белы, принц Андрей.

Роман кинулся к боярам, надеясь, что они соберут ополчение. Бояре же испугались: против венгерского войска Галичу устоять трудно. Нача-

лась большая война, которой они так старались избежать. Поэтому их симпатии вновь оказались на стороне Владимира.

Роману некогда было даже послать гонцов к своим родичам на север. Он понимал, что может надеяться лишь на собственную дружину. И если дело дойдет до осады, то горожане наверняка ударят ему в спину. Так что Роман счел за лучшее захватить остаток казны Владимира и бежать из города.

Через несколько дней, когда к Галичу подступило венгерское войско, бояре вынесли Владимиру ключи от города. Из их приветственных речей было ясно, что лишь недоразумение помешало Владимиру благополучно княжить в Галиче.

Владимир сдержанно выслушал приветственные речи и, отпустив бояр, стал готовиться вступить в город.

Он переодевался в шатре, когда туда вошли несколько венгерских вельмож во главе с принцем Андреем. Принц был вежлив. Он не хотел обидеть своего старшего родича (они были родственниками через бабушку Андрея Евфросинию), но вынужден был сообщить ему, что по указанию короля Белы князем в Галиче решено поставить его, принца Андрея. Таким образом, Галич отныне входит в состав Венгерского королевства. Андрей выразил свое сожаление по поводу такого оборота событий и покинул растерянного и обманутого Владимира.

Тут же вельможи отняли у князя меч и вывели к группе всадников, ожидавших у шатра, — это был конвой, под охраной которого Владимиру предстояло отправиться в Венгрию. Его собственную дружину уже разоружили.

Владимир был привезен в Венгрию и заточен в один из замков. На вершине высокой башни русскому князю поставили шатер. Два раза в день

туда поднимались стражи, приносили воду и пищу. Стражи не разговаривали с пленником. Шатер на вершине каменной башни был надежнее глубокого подземелья. Правда, в этом была и милость венгерского короля — рядом пролетали птицы, дул свежий ветер, на горизонте в хорошую погоду была видна сиреневая полоса Карпат, и можно было убедить себя, что видишь Галицкую землю. Семью Владимира держали в другом замке.

Плохо пришлось и Роману Волынскому, подбившему бояр на измену Владимиру, а потом столь легкомысленно подарившему собственное княжество младшему брату. Роман кинулся к своему городу, но брат затворил перед ним ворота и со стены нагло крикнул, чтобы тот возвращался в Галич.

Шел дождь, усталая дружина Романа понуро брела по долине. Тихо тащился обоз — добро, вывезенное Романом из Галича.

Властитель волынский, а затем государь галицкий стал изгоем, князем без княжества. Караван двинулся к тестю Романа Рюрику, князю Смоленскому. Тот согласился дать войско и предоставить приют беженцам, но при условии, что Галицкое княжество Роман поделит с его сыном. С новой армией и новыми надеждами Роман двинулся в Галицкую землю, но у границ ее был разгромлен венграми.

Конфликт, словно расходясь кругами по воде, втягивал все новых участников. Венгерский король, зная коварство галицких бояр и опасаясь войны с объединенными силами русских князей, тайно послал гонцов в Киев, к Святославу, с предложением передать Галич сыну великого князя. Святослав соблазнился и дал согласие.

Тут узнал об этом Рюрик, который еще не отказался от мысли увидеть своего сына на галиц-

ком престоле. Между старыми князьями началась страшная, к счастью, только письменная, свара, которая кончилась лишь тогда, когда в нее вмешался митрополит, сурово осудивший обоих князей за то, что они делят Галич, захваченный католиками. Подействовало ли вмешательство митрополита или нежелание начинать междоусобную войну из-за Галича, но оба старых князя собрали армии, взяли своих сыновей-претендентов и отправились в поход на Галич.

Итак, к этому моменту на галицкий престол претендуют: Владимир, который сидит на башне, Олег «Настасьевич», живущий в Овруче, принц Андрей, который правит Галичем, но чувствует себя там неуверенно, сын Святослава Киевского и сын Рюрика Смоленского, которые идут со своими отцами к Галичу, и, наконец, как скоро выяснится, сын несчастного Ивана Берладника — бедный, отважный и гордый Ростислав.

Объединенное русское войско до Галича не дошло. С каждым днем отношения между его предводителями все более портились. Поделить между собой еще не завоеванные земли они так и не смогли. В результате, несмотря на уговоры митрополита, они повернули дружины вспять.

Прослышав о походе старых князей, галичане надеялись, что венгерская оккупация кончится и что католические миссионеры уберутся из города вслед за венгерскими рыцарями. Провал похода показал всю тщету их надежд.

Андрей не доверял галичанам, ожидая с их стороны всяческих каверз. Поэтому он счел за лучшее увезти из Галича членов самых знатных и богатых семей в качестве заложников.

И вот тогда вмешались городские низы: ремесленники, мелкие торговцы, беднота — те, кому от княжеских распрей доставалось больше всех. Они

выдвинули своего претендента на престол — жившего в низовьях Дуная Ростислава Берладника, который был им куда милее, чем знатные господа. Летописец сообщает, что, когда к Ростиславу отправились из Галича послы, многие бояре были недовольны.

Ростислав со своей дунайской вольницей поспешил к Галичу. Но опоздал. Раньше туда успели венгерские подкрепления. Встревоженные венгры собрали знатных людей города и потребовали, чтобы они снова поклялись в верности Андрею. Как говорит летописец, «правые целовали крест охотно, ничего за собой не зная, а виноватые по нужде, боясь венгров».

Ростислав Берладник остановился у городской стены. К нему выбрались некоторые из его союзников. Они рассказали, что их план провалился.

— Видишь, тебя обманули, — говорили дружинники, — поедем прочь.

Но неожиданно для всех Ростислав отказался уезжать.

— Нет, братья, — передает его слова летописец, — вы знаете, что галичане целовали мне крест, и если теперь они ищут головы моей, то Бог им судья, а мне наскучило скитаться по чужой земле, хочу голову положить на своей отчизне.

Из ворот города выходило венгерское войско. Сверкали шлемы, радугой горели знамена, земля содрогалась от топота копыт.

Ростислав стегнул коня и помчался на врагов. За ним поскакал еще десяток дружинников.

И пропали в жутко и тяжело зашевелившейся гуще всадников.

Только Берладник, весь израненный, был еще жив.

Венгры отнесли его в город.

К тому времени, когда Ростислава принесли в

детинец и положили в горницу, город кипел. Гул толпы доносился до дворцовых покоев. Завоевателям было неуютно и страшно. И тогда... неизвестно, кто первым сказал это — то ли какой-то боярин, то ли сам Андрей:

— Князь должен умереть. Живой он слишком опасен.

Наутро горожанам было объявлено, что Ростислав умер от тяжких ран. Никто этому не поверил. Летописец утверждает, что «венгры приложили яд к ранам Берладника».

Волнения в городе показали венгерскому принцу, что галичане непокорны и враждебны. И летописцы рассказывают, как венгерские рыцари начали насильничать и грабить, ставить лошадей в церквах и казнить горожан.

Тогда галичане раскаялись, что прогнали Владимира, но было поздно.

Владимир же ничего не знал. Несколько месяцев он жил на вершине башни. Венгры как-то разрешили попадье навестить его. Под платьем она пронесла кинжал.

Ночью Владимир исполосовал кинжалом обитый ветрами и потускневший шатер. Ткань с треском рвалась. Владимир спешил: времени до рассвета было мало. Из матерчатых полос он связал длинную веревку и прикрепил ее к зубцу башни. Конец ее чуть не доставал до земли. Перекрестившись, Владимир крепко взялся за веревку и начал спускаться.

Внизу его ждали верные люди.

На Руси реальной помощи Владимиру ждать было неоткуда. И он пустился в опасный путь. Без свиты, почти без охраны через венгерские земли, где каждый камень был врагом, он пробирался на запад. Там Фридрих Барбаросса вел армию в крестовый поход.

Император со своим войском как раз вступил в Венгрию. Он заключил договор с Белой, которому в обмен на беспрепятственный пропуск крестоносцев через Венгрию и снабжение их продовольствием пообещал, что немецкие рыцари воздержатся от грабежа.

Оба монарха выполнили свои обязательства, но любви между ними не возникло — в любом случае для Венгрии проход крестоносного войска был бедствием, и Бела лишь мудро выбрал из двух зол меньшее.

Владимир надеялся на помощь германского императора. И не без оснований. Галицкие земли оставались в стороне от пути движения армии крестоносцев, а так как отношения с Византией оставляли желать лучшего, Барбаросса полагал весьма нелишним обезопасить себя от неожиданного нападения, и появление претендента из хорошо известной императору семьи было подарком судьбы.

Встреча была сердечной. Фридрих был знаком с Ярославом. Сыграли свою роль и династические связи германских императоров с Русью. Достаточно вспомнить об общей родственнице Барбароссы и Владимира — неутомимой Адельгейде. Под этим именем в Германии была известна перешедшая в католичество сестра Владимира Мономаха Евфросиния. Эта решительная красавица вышла замуж за Оттона, маркграфа Бранденбургского, а потом, ондовев, — за императора Генриха IV. Адельгейда, больший католик, чем сам папа, умудрилась поднять против собственного мужа поочередно обоих своих пасынков — Конрада и Генриха — и была инициатором падения императора. После смерти мужа она возвратилась на Русь, перешла обратно в православие и доживала век монахиней в Киеве.

Политический расчет и родственные чувства

обеспечили успешный исход переговоров. Император решил вернуть престол Владимиру, за что тот обещал платить Фридриху ежегодно две тысячи гривен серебра.

Фридрих был мудрым государем и менее всего хотел открыто оскорблять чувства венгров. Он придумал куда более тонкий ход: ничего не сообщив королю Беле, он тайно отправил Владимира в Польшу, к князю Казимиру Справедливому, с просьбой помочь вернуть ему галицкий престол. Казимир согласился — в постоянной борьбе с венграми и собственными воеводами союзный Галич был нужен и ему. Он отправил с Владимиром свою армию под командованием знаменитого полководца Николая.

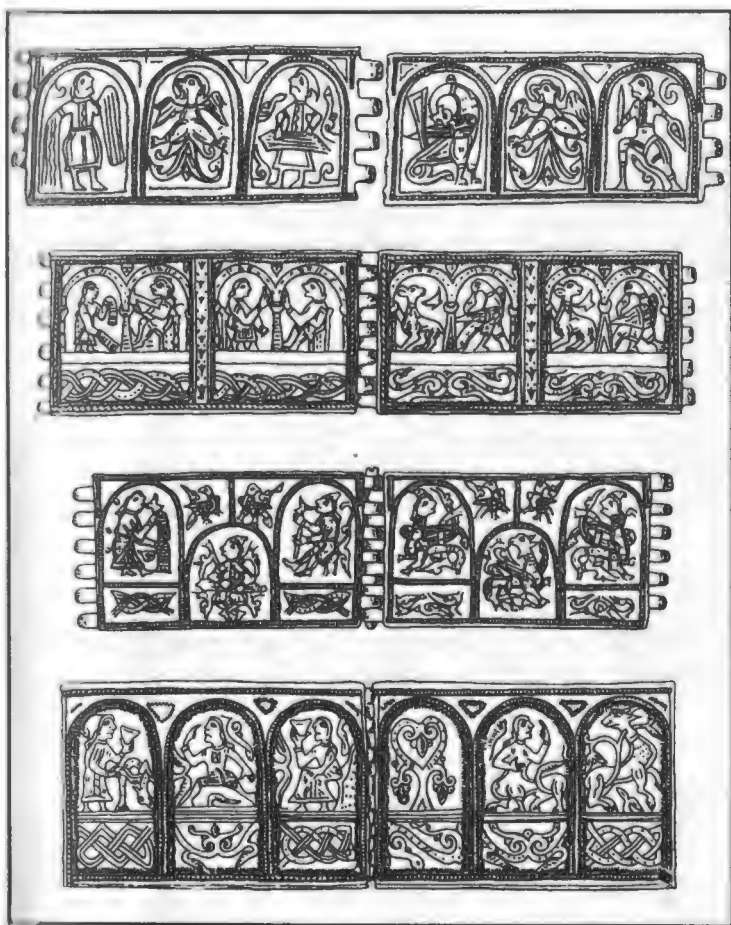
Когда до галичан дошла весть, что к городу приближается Владимир, всех охватила радость. Были забыты прежние обиды. Штурм совпал с восстанием галичан против венгров. Те потерпели поражение и покинули город.

На этот раз Владимир решил не рисковать. Претенденты на престол были живы, а галичане переменчивы. Поэтому Владимир обратился к своему дяде Всеволоду Большое Гнездо с просьбой поддержать его. Не исключено, что и здесь помог Фридрих Барбаросса, знавший Всеволода.

Всеволод написал письма всем основным князьям Руси и Польши, в которых предупреждал, что нападение на Владимира он будет расценивать как нападение на него самого.

С этого момента и до смерти, в течение десяти лет, Владимир спокойно правил Галичем, и там не было ни восстаний, ни заговоров. Может, Владимир стал разумнее и мудрее, может, горожане были научены горьким опытом и не хотели больше войн и незваных гостей.

По крайней мере когда Владимир, установив

*Русские браслеты XI—XII веков с изображениями
скоморохов и сказочных животных.*

мир с венграми, добился возвращения пощады и сыновей, никто в Галиче не укорял князя.

Правда, у этой истории есть печальный эпилог. Он относится к другой эпохе, но связан с нашими героями. Когда в начале XIII века в Галиче произошел очередной переворот, бояре призвали на княжение сыновей Игоря Северского — Владимира (того, что женился на дочери Кончака), Романа и Святослава. Три брата, поделив между собой княжество, боролись против венгров, поляков, русских соперников и самих галичан, которые периодически меняли свою политическую ориентацию. В этой борьбе Игоревичи разгромили галицкую дружину и убили нескольких бояр. Но это была пиррова победа. Вскоре, призвав на помощь других князей, галичане победили Игоревичей, и двое из них, Роман и Святослав, попали к боярам в плен. Не дожидаясь решения русских князей, бояре решили отомстить братьям. Романа и Святослава они повесили. Лишь Владимир с Кончаковной (в православии Настасьей) сумел спастись.

Часть II

ЗАПАД

У БЕРЕГОВ БАЛТИКИ

Двигаясь вслед за торговыми караванами с востока на запад, мы начали путешествие в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, затем попали в громадную, протянувшуюся на тысячи километров степь, побывали в странах ислама и очутились в христианском мире. Каждый из этих миров подразделялся на общности. Одной из них был комплекс славянских народов. Он входил в мир христианский, но если Грузия, Армения, Византия граничили с миром ислама, то восточные славяне исторически оказались буфером между Европой и Великой степью. Русское государство, которое превратилось к концу XII века в конгломерат княжеств, потерявших способность объединиться даже перед лицом смертельной угрозы, могло сдерживать натиск степных народов до тех пор, пока те сами были разъединены и относительно немногочисленны. Когда же над Степью поднимутся бунчуки армий Чингисхана, Русь примет удар монголов и погибнет, но самортизирует этот удар. Завоеватели, пройдя Русь, докатятся до Польши и Венгрии, сомнут, но не оккупируют эти страны, натолкнутся на сопротивление чехов и выдохнутся уже в пределах Священной Римской империи.

Судьбы западных славян во многом сходны с

судьбой Руси. Однако их щиты обращены не на восток, а на запад. Им приходится ограждать славянский мир от давления со стороны западноевропейских государств.

Разумеется, эта аналогия приблизительна. Иными были соперники, иной — обстановка, иными — результаты этой борьбы.

Наконец, южнославянские народы — болгары и сербы — в борьбе за свою независимость сопротивлялись гегемонии Византии. История этой борьбы на три фронта распадается на множество страниц. Многие из них утеряны или пришли в ветхость.

В исторических катаклизмах выжили далеко не все славянские народы. Как правило, лишь те, что создали государственность до периода феодализма и были достаточно многочисленны, чтобы противостоять врагам. Немало небольших славянских и балтийских народов, в основном на севере Европы, по берегам Балтийского моря, сгинуло в этой борьбе. Кровь пруссов, ятвягов, вендов, лютичей и многих других течет ныне в жилах русских, литовцев, поляков, немцев, датчан. Имена же их остались лишь достоянием историков.

Тот же закон действовал и в Степи. Половцы, берендеи, черные клобуки, печенег, хазары — все эти народы и племена исчезли, сметенные татаро-монгольским нашествием, и потомки их растворились в народах современных.

Порой, когда листаешь средневековую историю Восточной Европы, кажется, что некоторые страницы ее перепутаны. Вдруг сталкиваешься с явлением, которое противоречит логике повествования. Ведь действительность всегда сложнее теоретических построений.

Такой страницей кажется, например, история Галича. Он принадлежит славянской Руси и в то

же время теснейшим образом связан с западными соседями.

Еще более необычна страница, повествующая о Новгороде и его младшем брате Пскове — городах-республиках, в которых можно найти аналогии не только с ганзейскими торговыми республиками, но и с итальянскими городами-государствами.

Дома Новгорода и церкви, одежда жителей, язык, нравы и обычаи во многом подобны владимирским. Но этот город, с одной стороны, правит государством, по площади равным чуть ли не всей остальной Руси, с другой — всей своей деятельностью связан с Европой. Это единственный из русских городов, не поддавшийся князьям.

Византийский император Мануил и император Священной Римской империи Фридрих Барбаросса не смогут покорить Милан и Венецию. Андрей Боголюбский, шведский король, немецкие духовно-рыцарские ордены не смогут покорить вольный Новгород.

Остановка в Новгороде — это начало путешествия по Европе, это столкновение с новым миром, центр которого — Балтийское море. Южное ответвление Великого торгового пути вскормило города Италии. Северное — Новгород, порты польского Поморья и ганзейские города Германии.

Новгород был по-настоящему открыт 26 июля 1951 года.

Шли археологические раскопки, далеко не первые.

В тяжелой, влажной почве обнажались последовательно слои толстых бревен — древних мостовых города. Каждые двадцать — двадцать пять лет мостовая перестилалась и бревна ложились на предыдущую мостовую. До тридцати слоев мосто-

вых поленницей прорезают культурный слой Новгорода. Насыщенность почвы Новгорода водой, беда для строителей, оказалась счастьем для археологов. Предметы, обнаруженные ими, многие столетия лежали без доступа воздуха. Поэтому сохранились. Десятки тысяч различных находок — от произведений искусства и оружия до иголок — были извлечены из новгородской земли.

Был жаркий день, над раскопками висела пыль. Молодая работница Нина Акулова осторожно вытаскивала из щели между бревнами мостовой свернутый кусок бересты. Ей показалось, что она увидела на ней продавленные буквы. Через несколько минут клочок бересты оказался в руках начальника новгородской экспедиции А. Арциховского.

Археолог В. Янин вспоминает, как Арциховский, поглядев на бересту, поднял палец и замер. Задыхнувшись от счастья, он не мог произнести ни слова... лишь непонятные звуки вырывались изо рта. Потом он перевел дух и крикнул:

— Премия — сто рублей! — Это относилось к Нине Акуловой.

И через секунду:

— Я ждал этой находки двадцать лет!

Так Новгород обрел голос. В первой найденной берестяной грамоте перечислялись села, с которых шли повинности в пользу какого-то Фомы.

И с того дня грамоты начали попадаться археологам почти ежедневно. Их уже много сотен. Они обнаружены и в других городах новгородской земли.

Значение этих грамот настолько велико, что они стали переворотом в мировой археологии, не говоря уже об археологии русской.

До того в руках историков находились лишь летописи и хроники, документы, созданные в монастырях или при королевских дворах, договоры

Новгородская грамота
на бересте № 550.

+ ПОКЛАНАНИИ ПЕ ТРАКАВРАМОУ МАТА РВНЕ СНИМОЛВН
 ПАТОЛН КОЛНІА ТНКО ТАКОПЕ ЖЕ ЗАМА НЕКОРА
 НЕ ПОУІТНДАВАЖННІА ТНКОПЕ (АВАЖАВОШЕ СОБЖІА
 БОУЦЕ ТЗАРНІАВНЕ АПОСАПНЦЕ НАХОУ НО. Е. ГРН
 ДНОАГОТН ПАСАМНО ЧОБУАТА АДОРОГА ННЦНТНШН
 ВЗГОРОДО...

и законы. Если же удавалось обнаружить бумаги личные, то принадлежали они тем же королям. Ведь пергамент, а потом бумага были очень дороги, труд писцов труден, кропотлив и неспешен. «Тиражи» литературных произведений ничтожны. До нас дошел лишь один экземпляр «Слова о полку Игореве», другие литературные памятники домонгольской Руси пропали.

Но как общались между собой простые люди, какие писали друг другу письма — и писали ли вообще или были неграмотны — этого историки не представляли.

И вдруг оказалось, что в Новгороде влажная почва сохранила то, что в других русских городах истлело: письма, записки, распоряжения, выданные на бересте — самом дешевом материале, какой можно только придумать в лесном краю.

И зазвучали живые голоса предков. Обнаружилось, что грамотность была обычна у горожан Руси. Среди берестяных грамот есть любовные записки и долговые обязательства, ученические тетрадки, наброски художников и деловые распоряжения: все то, что мы доверяем сегодня бумаге, новгородцы писали на бересте.

Энциклопедия быта громадного города, центра могучего государства, непрерывно пополняется и сегодня. Каждое лето в Новгороде вскрываются все новые квадраты раскопок, и уже привычно археологи ждут новых грамот.

Так как об этих замечательных находках, о содержании грамот исчерпывающе написал нынешний начальник новгородской экспедиции В. Янин в книге «Я послал тебе бересту», издававшейся не раз в нашей стране и других странах, пересказывать книгу, притом хуже, чем сделал автор, я не буду. Но об одной грамоте для нашего рассказа упомянуть необходимо.

Речь идет о грамоте № 286, найденной в 1957 году и датированной 1339 годом. Она как бы подводит итог событиям, начавшимся в середине XII века и достигшим кульминации в 1187 году.

Грамота эта — деловая записка, посланная одним новгородским сборщиком налогов другому. В ней говорится о заключении мира со Швецией, об отправленном новгородцами к шведскому королю посольстве и обсуждается проблема отношений с карелами, которые в те годы, как и прежде, были вассальным Новгороду народом.

В средневековой истории Северо-Западной Руси, Польши, да и прибалтийских народов основным конфликтом была борьба с немецкими духовно-рыцарскими орденами, которые захватили обширные земли в Прибалтике. Их владения поглотили малые народы этого района и угрожали существованию Польши, Литвы и Новгородской республики. Борьба против орденов ознаменовалась рядом сражений. В русской истории наиболее известна битва на Чудском озере между новгородцами и Тевтонским орденом в 1242 году.

Но в конце XII века ордены еще не стали угрозой Восточной Европе. Лишь в 1200 году в Риге высадится епископ Альберт и немецкие рыцари начнут свои завоевания. До этого идет сложная борьба, в которую втянуты как племенные союзы пруссов, вендов, лютичей, эстов, ливов, ятвягов и других малых народов Прибалтики, так и соседние государства — Дания, Швеция, Бранденбург, Саксония, Новгород и Польша.

Борьба идет за господство на Балтике, за монополию на торговом пути. Датчане воюют против вендов. Польша в соперничестве с Бранденбургом присоединяет Поморье. Новгородцы совершают походы на эстов и финнов. Швеция старает-

ся колонизовать западные финские земли, населенные народом сумь (суоми).

Эта эпоха соперничества, протянувшаяся на всю вторую половину XII века, известна мало: последующие события как бы вытеснили ее со страниц исторических книг.

С середины XII века шведские корабли берут курс на восток. Шведы причаливают к финским землям и основывают там поселения. Вскоре прибывает шведский епископ и начинает обращать финнов в христианство. Но те вовсе не намерены сдаваться — известно, как трудно было подыскать епископа для шведских поселений, по крайней мере трое первых были убиты. Вожди суми используют противоречия между Швецией и Новгородом, торговые фактории которого находятся в крупнейших портах Балтики, и в трудные моменты посылают за новгородской помощью.

Новгородская летопись рассказывает, что в 1142 году шведский флот в составе шестидесяти судов, причем на флагманском корабле находились шведский князь и епископ, направился к Финляндии и в пути встретил три торговые новгородские ладьи. Шведы напали на купцов. Погибло сто пятьдесят новгородцев, ладьи были захвачены. Этот эпизод дает одну из первых дат в истории шведского наступления на позиции Новгорода — с 1142 года борьба шведов с новгородской торговлей принимает острые формы.

К 1157 году относится первый зарегистрированный в шведских хрониках крестовый поход в Финляндию. Его предпринял король Эрик Святой. Заметим, что первый крестовый поход против народов Поморья состоялся всего за несколько лет до того — в 1147 году (руководил им саксонский герцог Генрих Лев).

В житии Эрика Святого говорится, что он, «взяв

с собой из Упсалы святого Генриха, который был там епископом, двинулся в Финляндию, которая была в то время языческой и причиняла Швеции много вреда. Тогда святой Эрик принудил там народ воспринять христианскую веру и установить мир с ним. Так как они не хотели принимать ни того, ни другого, он сразился с ними и победил их мечом, отмщая мужественно за кровь христианских мужей, которую они так долго и часто проливали...».

Разумеется, народ сумь большой опасности для Швеции и ее христианских мужей не представлял, но все крестовые походы должны облачаться в благородные одежды справедливости. И этот не был исключением.

О том, как дальше развивались события, можно узнать из буллы папы Александра, которую тот направил в Швецию в 1171 году. «Весьма трудная и тягостная жалоба поступила к апостолическому престолу о том, что финны всегда, когда им угрожают вражеские войска, обещают соблюдать христианскую веру и охотно просят [прислать] проповедников, но, когда войска уходят, отказываются от веры, презирают и жестоко бьют проповедников...»

Эта булла поднимает вопрос: кто же были враги финнов, из-за которых они согласны были принимать шведских проповедников (разумеется, под военной охраной)?

К сожалению, документов от той поры, как шведских, так и новгородских, осталось очень мало. Лишь порой текст договора или послание епископа осветят какой-то момент в давней истории. Чаше приходится пользоваться косвенными свидетельствами.

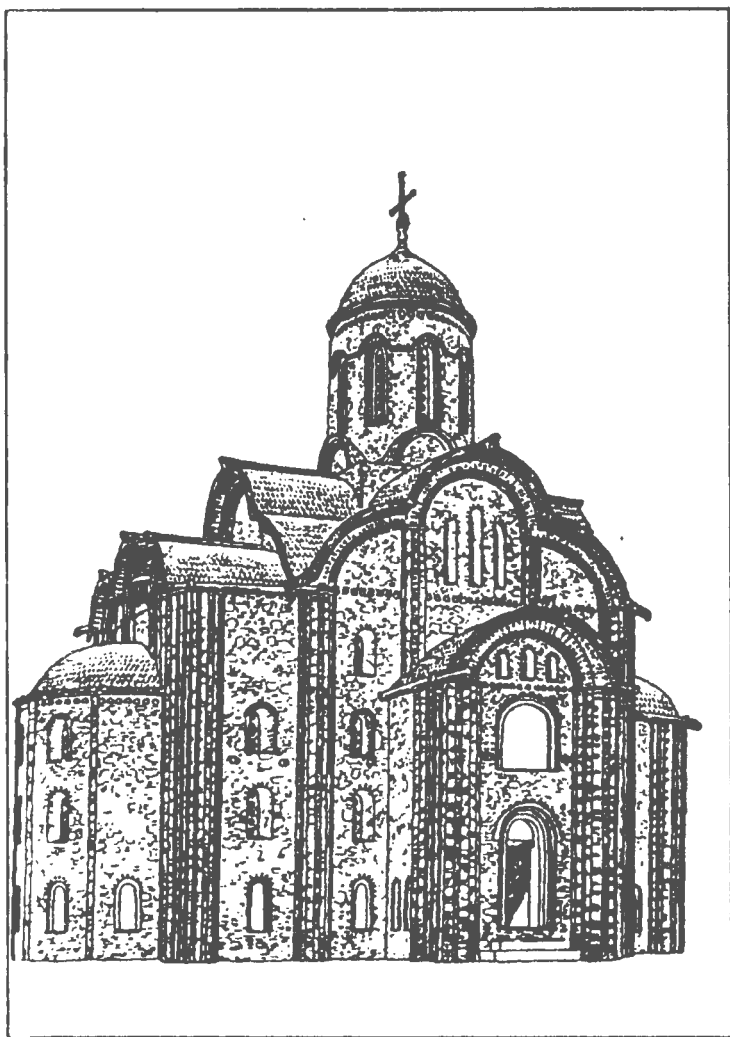
Новгородская республика к тому времени владела не только частью Восточной Прибалтики, но и

Восточной Финляндией, где жили финские племена емь и карелы. Карелы платили Новгороду дань и входили в состав новгородского ополчения; вместе с тем они вели самостоятельную политику, хотя, как правило, оставались в русле политики новгородской. В то время карелы занимали большую территорию, чем сегодня, и их основные поселения располагались в районе нынешнего Выборга и на Карельском перешейке.

Важно подчеркнуть различие между новгородской политикой и политикой других европейских стран. Новгород, облагая соседние народы данью и обеспечивая безопасность на торговых путях, не вел практически миссионерской деятельности, которая вообще для православной церкви менее типична, чем для католической. Народы, подвластные Новгороду, оставались в массе своей языческими, что новгородцев не смущало. В этом была сила Новгорода, так как малые народы Прибалтики зачастую охотно шли на союзы и даже на подчинение новгородцам, которые не вмешивались в их внутренние дела. Но здесь таилась и слабость, так как, не имея идеологических связей и не утверждая среди своих вассалов сети священников, Новгород в периоды ослабления не мог удержать эти народы под своим контролем. Власть же католических завоевателей была много прочнее: воинственная верхушка племен уничтожалась, население обращалось в христианство и ставилось под контроль католической церкви — создавалась куда более совершенная, чем в Новгородской республике, система подчинения.

Отзвуком этой ситуации и была булла папы римского.

У историков нет сомнений в том, что врагами племени сумь, о которых говорилось в булле, были

*Пятницкая церковь в Новгороде. XI—XIII века.
Реконструкция.*

карелы — наиболее активные союзники Новгорода на Балтике, которые старались обложить финнов данью. Когда же карелы уплывали обратно, нужда в шведских миссионерах тут же пропадала.

Однако относительно слабые племена сумь, разумеется, не могли до бесконечности играть на противоречиях между Новгородом и Швецией. Швеция была совсем рядом, и епископы не искали мученического венца. Так что с каждым годом шведы все более укреплялись в Южной Финляндии.

Экспансия Швеции всерьез беспокоила Новгород. Усиление шведов на Северной Балтике, в то время как по ее южному берегу продвигались датские и саксонские войска, лишало Новгород привилегий в торговле. Важные промежуточные пункты новгородской торговли — Аландские острова, юг Финляндии, остров Готланд — постепенно переходили в руки конкурентов.

После первого крестового похода шведов в Финляндию, не приведшего к покорению страны, борьба разгорелась всерьез. Шведы, будучи не в силах одолеть русских конкурентов, решили ударить в сердце Новгородской республики. Для этого они избрали город Ладогу — ворота в Новгород.

В мае 1164 года пятьдесят пять шведских кораблей проплыли по Неве в Ладожское озеро и вошли в устье Волхова. 23 мая, высадившись на берег, шведы начали штурм Ладоги. Но, сжегши посад, шведы не смогли взять саму крепость и отступили к ладьям. На помощь Ладоге подоспели войска новгородского князя Святослава, и после жестокого боя лишь двенадцати шведским кораблям удалось уйти.

Можно предположить, что и после этого происходили морские баталии и взаимные нападения соперников на суше, но лишь некоторые из них

остались в летописях. Известно, например, что в 1178 году карелы разрушили поселение шведов в Финляндии.

В 1187 году Новгород нанес наконец мощный ответный удар. Карелы на своих ладьях проникли по судоходному каналу к крупнейшему шведскому городу того времени Сигтуне, стоявшему в двадцати километрах от моря, взяли его штурмом и сожгли. После этого Сигтуна так и не возродилась. Из похода карелы привезли в Новгород так называемые сигтунские врата, которые и сегодня украшают собор Святой Софии.

Наступление шведов в Финляндии и на торговых путях новгородцев было остановлено. Но лишь временно.

В первой половине XIII века на Руси появились татаро-монголы. Они не дошли до Новгорода. Казалось бы, он должен был процветать и далее. Но крушение русских княжеств непоправимо ударило по новгородскому благополучию. Ведь Новгород был в первую очередь посредником между Европой и Русью. Отныне же объем торговли резко сократился, и конкуренты Новгорода в Европе смогли вытеснить его с важных путей. К тому же продолжались войны со Швецией, и новгородскому князю Александру приходится сражаться со шведами на Неве, а затем вести свои войска на юг, к Чудскому озеру. Тевтонский орден оказался более опасным соперником, чем шведы. Новгороду удалось тогда отразить нападения врагов, но многие из своих западных земель город потерял.

Судьбы Руси и Польши во второй половине XII века имеют немало общего.

Их внутренние проблемы весьма схожи — тот

же раскол, то же дробление на удельные княжества, то же военное ослабление.

Король Болеслав Кривоустый (1102—1138) был последним в ту эпоху единовластным хозяином Польши. Однако на первых порах власть Болеслава активно оспаривалась как его братом Збигневом, так и можновладцами — крупными феодалами, богатством и силой не уступавшими королям. Самым могущественным из польских феодалов был Петр Власт, родственник Болеслава, известный своим благочестием и богатством. Считается, что он построил в стране не меньше костелов, чем сам Болеслав. Можновладцы, порой связанные родственными узами с правящим домом — Пястами, а порой поднявшиеся из племенных вождей Поморья или Мазовии, сформировались как решающая сила в Польше раньше, чем феодалы на Руси, где бояре играли важную роль лишь в Галиче и в Новгороде. Центральной власти противостояла в Польше и католическая церковь.

Здесь таится важное различие в развитии Польши и Руси. Русь приняла духовное главенство Византии, оттуда шли книги, ехали священники, художники и мастера. Но главенство Византии было лишь номинальным, а число византийских священников — сравнительно небольшим. Монастыри на Руси в борьбе за власть решающей роли не играли. Если церковь на Руси чувствовала себя обиженной, она могла обращаться лишь к князю: надежда на поддержку из Византии была эфемерной.

Иначе в Польше. Польша становится католической страной. В ее землях обосновываются монашеские ордены — сначала бенедиктинцы, затем орден святого Бернарда, а потом и духовно-рыцарские ордены. Большинство священников, особенно в раннем средневековье, — иностранцы, князья цер-

кви порой не знают польского языка. Одно время римский папа даже подчинил польскую церковь архиепископу Магдебургскому.

Иностранные монашеские ордены спешат обзавестись в Польше хозяйством, добиться независимости, получают земли, строят монастыри и крепости, и к концу XII века католическая церковь становится мощной экономической силой.

Церковь пользуется покровительством не только польских князей, которым она нужна как идеологическая подпорка, но и немецких государей и римского папы. Это не далекая Византия — это реальная сила, способная прийти на помощь церкви в Польше, если та чувствует себя ущемленной. Епископы и монастыри, зная об этой поддержке, далеко не всегда подчиняются королю.

Болеслав Кривоустый, подчиняя поморские княжества, населенные малыми славянскими и балтийскими народами, несет туда и крест. В то же время прибалтийские земли — объект устремлений германских князей. Герцог Саксонский Альбрехт Медведь основывает на тех землях Бранденбургскую марку — центр дальнейшей немецкой экспансии. Деятельность немецких завоевателей также сопровождается обращением поморских народов в христианство: те же монашеские ордены, подвластные тому же папе, сопровождают и немецкие отряды. Лозунг у поляков и немцев один — обратить в истинную веру заблудших лютичей, вендов, пруссов и ятвягов. Болеслав Кривоустый, покорив «гроды» Поморья — Волин, Щецин, Колобжег, Белогород, посылает туда епископа Оттона Бамбергского. Альбрехт Медведь шлет иных епископов, братьев Оттона по ордену. Но ведь политические интересы Польши и Саксонии противоположны. Оба эти государства стремятся завладеть богатым и важным для торговли южным берегом Балтийского моря. И

если отношения Польши со славянскими и балтийскими народами определяются также их этнической близостью к полякам, то для германских княжеств это война с чуждым по языку населением.

Когда же обнаруживается, что Саксония и Бранденбург не в состоянии поглотить Поморье и территории, что лежат восточнее, — нынешние Литву, Латвию и Эстонию, а также русские владения в Восточной Прибалтике, традиции крестовых походов и опыт, полученный на Ближнем Востоке, используются на севере Европы. Духовно-рыцарские ордены берут на себя основную тяжесть борьбы с непокорными народами Прибалтики и выкраивают себе государства вместо утерянных на Востоке.

Для орденов Польша становится врагом номер один — смысл миссионерской деятельности отступает на второй план. Неважно, что епископ Оттон в первой половине XII века уже обратил лютичей в христианство от имени польского короля. Даже вырабатывается удобная формула: датчане и ордены ведут войну против славянских князей Поморья, так как их христианство не настоящее, а притворное, и потому их можно считать язычниками.

Болеслав Кривоустый был человеком жестоким и властным. Твердой рукой он расправлялся с враждебными силами как внутри своей державы, так и вне ее. Он придерживал опасные устремления церкви, ограничивал ее запросы и использовал ее в своих целях. После долгих лет вражды он сломил своего единокровного брата Збигнева и, заточив в тюрьму, ослепил его. Он сурово расправлялся с możновладцами. Воеводу Скарбимира он ослепил за попытку поднять мятеж, а воеводе Вшебору, который струсил и бежал с поля битвы, он прислал кудель — позор был так велик, что воевода, как

говорят, сплел из этой кудели веревку и на ней повесился.

После ряда походов на север Болеславу удалось сделать своими вассалами поморских князей и вождей племен. Города Поморья признали верховную власть Польши. Чешские князья Владислав Чешский и Оттон Моравский, которые в гражданских войнах выступили на стороне Збигнева, в конце концов вынуждены были пойти на мир с Болеславом. Он поддерживал волынского князя Ярослава, враждуя с Владимиром Мономахом. С ведома Мономаха перемышльский князь Володарь совершил набег на польские земли. Опасаясь продолжения враждебных действий и не решаясь на войну с Киевом, так как войско его было занято на западе, Болеслав принял предложение состоявшего у него на службе Петра Дунина (то есть датчанина), который обещал справиться с Володарем малыми силами.

Взяв с собой тридцать воинов, Петр Дунин приехал в Перемышль и объявил Володарю, что поссорился с Болеславом и просится на службу к русскому князю. Володарь поверил Дунину, и тот поселился в Перемышле. Несколько недель Дунин ждал удобного момента. Наконец Володарь отправился на охоту. Дунин был рядом с ним и сделал так, что Володарь, преследуя тура, оторвался от своей охраны. Люди Дунина скрутили Володаря и увезли в Польшу. Там князь просидел в подземелье до тех пор, пока его не выкупил брат Василько.

Главным политическим достижением Болеслава была победа над армией германского императора Генриха V, который вступил в Польшу в качестве союзника неукротимого Збигнева. Болеславу удалось избежать решающего сражения, и, заманивая германских рыцарей внутрь страны, заставляя их

безуспешно осаждают города, беспокоя нападениями с тыла и схватками в дремучих лесах, он в конце концов заставил императора уйти из Польши и признать ее независимость. Этим Болеслав на полвека пресек желание императоров Священной Римской империи определять польскую политику.

Правда, далеко не все предприятия Болеслава были успешными. Уже к концу жизни он втянулся в венгерские дела, стараясь посадить на престол своего избранника. В этом он не преуспел, зато испортил отношения с чехами. Чешский князь Собеслав, связанный родственными узами с претендентом на венгерский престол, ударил по Силезии, и лишь третейский суд нового германского императора установил мир в Восточной Европе.

Правя Польшей почти сорок лет и оставляя сыновьям сильную, единую державу, Болеслав сам при жизни так и не короновался — он не был официально королем польским, хотя все его таким считали. Эта скромность сыграла пагубную роль в дальнейших событиях.

Престолонаследие в Польше всегда было проблемой сложной. Однако определенный порядок существовал: основные земли получал один из сыновей, остальным доставались уделы. Король имел право выбора, и потому нередко реальным наследником становился не старший сын. Даже такие знаменитые короли, как Болеслав Храбрый и Болеслав Кривоустый, не были старшими сыновьями.

Зачастую после смерти короля в стране наступал хаос: сыновья выясняли отношения между собой. Но практически всегда верх брал тот, кому отец оставил львиную долю страны.

Болеслав нарушил этот неписанный закон.

Трудно сказать, что его заставило: до сих пор

Польский рыцарь конца XII века.

историки и поэты спорят, руководили ли им любовь к сыновьям и желание никого из них не обидеть или решающую роль сыграла вторая жена Болеслава, которая стояла у его смертного ложа и требовала, чтобы младшие принцы получили побольше. А может быть, он рассудил, что, если все сыновья получат поровну, ни один не сможет взять верх над братьями.

Сыновей было пятеро. Старшему, Владиславу, отец отказал Силезию, Болеславу Кудрявому достались земли мазовецкие и Куявия, Мешко, которого впоследствии назовут Старым, получил Великую Польшу, Генрих — Сандомир. Самый младший, Казимир, еще не мог управлять, поэтому его судьба зависела от братьев. Он рос у Генриха Сандомирского. Краков, а также Поморье передавались Владиславу как старшему.

После смерти Болеслава короновать было некогда: все пять братьев были равны, главенство Владислава было условностью, не подкрепленной перевесом в силах.

Разделив страну, Болеслав фактически передал ее во власть своих врагов — możnowładców. Именно им было выгодно, чтобы князья были слабыми, тогда власть феодалов усиливалась. Соседям Польши, в первую очередь германским императорам, также была нужна слабая Польша.

У каждого из новых правителей были свой двор, своя армия, свои воеводы, мечники, скарбники, канцлеры, стольники...

Разумеется, каждый из князей старался оттеснить остальных братьев и захватить власть в Польше. Но страна была разделена Болеславом столь умело, что эти попытки неизбежно проваливались.

Первым бросился в бой Владислав.

Он опирался на поддержку извне: за спиной

этого не очень сильного и решительного человека стояла энергичная жена Агнессы, дочь герцога Леопольда Австрийского. Мог Владислав рассчитывать и на помощь русских родственников по матери.

Владислав объявил войну своим братьям, на сторону которых сразу встали możnowładcy. Его же поддерживали лишь немногие магнаты, в частности Петр Власт.

Владислав проявил себя плохим полководцем и неудачливым политиком. Слабость его заключалась не только в неумении находить союзников и предводительствовать войсками — при первых же неудачах он начал искать виноватых. И сделал большую глупость — ослепил, заподозрив в измене, своего главного сторонника Петра Власта, чего ему не простили не только воеводы и магнаты других земель, но и собственные вельможи.

Польские летописцы рассказывают еще одну историю, которая усугубила раскол между Владиславом и феодалами. Она связана с Петром Скринским, вроцлавским воеводой.

Как-то Владислав с воеводой были на охоте и заночевали в лесу. Было холодно, моросил дождь, охотникам не спалось. Злой на язык Владислав сказал:

— Твоей жене сейчас лучше, чем нам. Она-то в мягкой постели с твоим духовником.

Оскорбленный воевода не нашел ничего лучшего, как ответить:

— Твоей жене Агнесе тоже можно позавидовать. Ей тепло в объятиях немца Добеша.

Владислав промолчал, но зло затаил.

Утром он примчался к Агнесе и в присутствии вельмож обвинил ее в нарушении супружеской верности.

Разумеется, Агнесса не бросилась в ноги мужу,

винясь в грехе. Она сумела не только убедить Владислава, что ее оклеветали, но и добиться головы воеводы. Более того, Владислав по ее наущению повелел, чтобы наказал магната именно Добеш, командир наемного немецкого отряда.

Ничего не подозревавший Скринский справлял в те дни свадьбу дочери с сербским князем. Добеш со своим отрядом прискакал во Вроцлав, схватил воеводу и, прежде чем кто-либо успел опомниться, увез его в Краков.

Несколько недель Скринский провел в темнице. Владислав все не решался казнить его. За Скринского ходатайствовали все вельможи Кракова. Вроцлав грозил отложиться. Но Агнесса была непреклонна, и в конце концов Скринскому выкололи глаза и отрезали язык.

Любопытная деталь: летописцы утверждают, что через некоторое время к Скринскому вернулись речь и зрение. То ли в этом отразилось стремление к торжеству справедливости, то ли в самом деле палачи пожалели воеводу.

Владислав, покинутый феодалами, собрал армию из наемных отрядов. Ему удалось нанести поражение братьям и осадить их в Познани, но, пока он штурмовал город, феодальные ополчения окружили его войско, и ему с трудом удалось бежать в Германию. Там он и провел немало лет, уговаривая императоров — сначала Конрада, а потом Фридриха Барбароссу — вторгнуться в Польшу и вернуть ему престол, за что обещал немалые территориальные уступки. Однако вначале германские императоры были заняты вторым крестовым походом, а затем Фридриху Барбароссе пришлось утверждать свою власть в Германии, так что польские дела оставались для него второстепенными.

Старшинство в Польше перешло к Болеславу Кудрявому, и на некоторое время наступило спо-

койствие. Каждая из трех частей, на которые оказалась разделенной страна, все более обособлялась.

Из трех оставшихся братьев (Казимир был еще мал и не имел удела) наибольший интерес у польских писателей вызвала фигура Генриха Сандомирского*.

Казалось, именно ему судьбой предназначено властвовать над Польшей. В отличие от братьев, Генрих был человеком ярким, неординарным. Он бросил свое княжество и отправился в большое путешествие, жил в Германии, сблизился с молодым Фридрихом Барбароссой. По матери немец, он был своим человеком при императорском дворе.

Затем, что совсем уж необычно, Генрих Сандомирский с небольшой польской дружиной отплыл в Святую землю. Он был принят при иерусалимском дворе как друг и родственник германского императора. Не раз сражался с мусульманами. В осаде Аскалона он участвовал в составе отряда тамплиеров; возможно, он даже вступил в этот орден.

Судя по всему, Генрихом руководило религиозное чувство. Не исключено, что, размышляя о будущем своей страны, он уже тогда стал мечтать о крестовом походе против Поморья.

Могучий орден тамплиеров управлялся трезвыми людьми. Перспектив усиления на Ближнем Востоке было мало. Подыскивались новые области действия, и, хотя не ему, а другим орденам суждено было завоевать Прибалтику, у истоков этой идеи стояли тамплиеры. Они могли рассчитывать на поддержку северогерманских купцов. Если

* Его жизни посвящен роман знаменитого польского писателя Ярослава Ивашкевича «Красные щиты».

Венеция, Пиза и Генуя толкали крестоносцев на восток, то Любек и Майнц желали обрести торговую монополию на Балтике.

Когда Генрих Сандомирский в ореоле рыцаря из Святой земли вернулся в разделенную на уделы Польшу, вслед за ним в его княжестве появились и тамплиеры, получившие землю для обители.

Однако, если у Генриха и были планы крестового похода на северо-восток, их пришлось отложить, так как лишенному престола Владиславу удалось все же убедить Фридриха Барбароссу совершить поход на Польшу. К тому же и сам Фридрих мечтал сплотить под своей эгидой все европейские государства.

Когда германская армия вторглась в пределы Польши и Болеслав Кудрявый, не готовый к войне, организовать отпор не сумел, а его брат Мешко уклонялся от крупных сражений, Фридрих Барбаросса и его союзник в этом походе — чешский король, вероятнее всего, планировали передать польский престол Генриху Сандомирскому. Во всяком случае в 1157 году, когда сопротивление Польши было сломлено, Фридрих призвал к себе для переговоров именно Генриха, но тот отклонил корону, предложенную другом юных лет.

Владислав же и его тщеславная Агнесса ничего не получили. Фридрих предпочел принять вассальную присягу от Болеслава Кудрявого. Ввести ненавидимого всеми Владислава в польскую политику означало вызвать междоусобную войну.

Еще десять лет Генрих живет в Сандомире. Уже в крестовые походы против финнов отправились шведы, датские крестоносцы стараются покорить вендов, уже нашивают на плащи черные кресты саксонские рыцари, а Генрих все медлит.

Лишь в 1167 году он наконец собирается в крестовый поход против пруссов.

Вместе с ним отправляется и Болеслав Кудрявый.

Братья углубились со своей армией в непроходимые леса и болота прусских земель, стремясь выйти к устью Вислы. Но рыцарское войско было плохо приспособлено для войны в лесу, где пруссы чувствовали себя как дома. И после многодневного утомительного перехода польские крестоносцы были окружены и разгромлены. По одним источникам, Генрих Сандомирский был убит в этих лесах, по другим — скончался от ран после того, как его привезли в Сандомир. Болеслав Кудрявый бежал.

Через два года умер в Германии Владислав. Болеслав Кудрявый прожил еще четырнадцать лет — его смерть последовала в 1173 году.

Таким образом, остались в живых лишь два сына Болеслава Кривоустого — Мешко Старый и подросший, унаследовавший земли Генриха Казимир. Казалось бы, теперь объединение Польши — вопрос времени. И сила на стороне Мешко, владельца Великой Польши — западных областей страны.

Но за прошедшие десятилетия процесс разделения Польши на уделы зашел так далеко и możновладцы набрали такую силу, что объединить Польшу стало невозможно. К тому же после смерти Владислава Фридрих Барбаросса, также отнюдь не желавший, чтобы Польша была сильным единым королевством, передал Силезию трем сыновьям Владислава. Между молодыми князьями тут же разгорелась борьба за власть, причем каждый из них неоднократно призывал на помощь германских родственников.

Так вот, когда Мешко Старый решил, что пришла его пора править Польшей, możновладцы

и церковь тут же выдвинули своего ставленника — Казимира.

Воспитанник и в известном смысле духовный наследник своего старшего любимого брата Генриха Сандомирского, Казимир был религиозен, разумен и так же нерешителен. Он остался в истории под именем Казимира Справедливого.

Мешко занял древнюю столицу Краков и овладел большей частью страны. Сделать это ему удалось лишь потому, что феодалы никак не могли разобраться между собой. Помимо основной войны, которая катилась по стране, на нижнем этаже власти кипели малые войны между воеводами и магнатами. Но по мере того как Мешко покорял провинции Польши и старался укротить феодалов, они все яростнее поднимались против него. Феодалов не интересовала судьба страны. Им не хотелось видеть ее объединенной под властью сильного государя — тогда ущемлялись их интересы.

Во главе объединенного войска możnowładców стал епископ Краковский Гетка — духовные феодалы объединились со светскими. В 1177 году Мешко был изгнан из Кракова, и вскоре в истории Польши произошло важное событие: феодалы, светские и духовные, собрались в городе Ленчице на собрание (по-латыни оно именовалось «коллоквиум»).

Ленчицкое собрание стало первым в истории страны сеймом. Отныне судьбу Польши решали не короли, не князья, а воеводы, епископы, możnowładcy. Их вольности, которые там были утверждены, в чем-то сходны с привилегиями, которые английскому рыцарству предоставила Великая хартия вольностей. Это манифест феодальной раздробленности, победа феодалов, которые ставили свои интересы выше интересов страны. Так как часть

решений была в пользу церкви — например, корону или князю было отказано в наследовании имущества после смерти епископа, — «манифест» был направлен в Рим, к папе. Разумеется, папа тут же его одобрил. Ленчицкое собрание признало право германского императора быть верховным судьей в польских делах, что было тактическим успехом możновладцев, которые полагали, что император будет защищать их интересы, и стратегическим проигрышем для Польши, потому что германская экспансия усилилась, а позиции в Поморье Польша теряла. Ослабленная, она уже не рассматривалась поморскими князьями как союзник, и некоторые из них предпочли принести вассальную присягу германскому императору.

Разгромленный феодалами, Мешко бежал в Поморье и скрывался там некоторое время, с горечью наблюдая за тем, как его владения переходили в руки брата. Но Мешко не смирился. В 1182 году он снова в Польше и возвращает себе западные провинции. Раздоры между możновладцами были не менее остры, чем их вражда с Мешко. И эта рознь прорвалась наружу, когда разгорелся конфликт между командующим армией Казимира воеводой Николаем и другими феодалами. Распри внутри лагеря магнатов достигли такой степени, что, когда Казимир со своим воеводой отправились в поход, чтобы вернуть Галич князю Владимиру, феодалы из краковских земель тайком послали гонцов к Мешко с просьбой прийти и править.

Известие об измене феодалов застало Казимира у Галича.

Узнав, что Мешко движется на Краков, Казимир обратился за помощью к родственникам своей русской жены. С дружинами, присланными из Руси, Казимир двинулся к Кракову, разгромил заговор феодалов и остановил наступление Мешко.

В Польше наступила временная передышка. Она прекратилась в 1194 году, когда Казимир Справедливый неожиданно умер.

И тут борьба разгорелась с новой силой. В ней участвовали юные сыновья Казимира и его вдова Елена, владетели Силезии, сам Мешко Старый и его сыновья. Польша была разорена. Неизвестно было, с кем завтра войдет в союз Мешко, к кому переметнется воевода Николай, кого позовут на помощь сыновья Владислава... В феодальных усобицах Польша встречала XIII век, и, бо́льшая той же болезнью, что и Русь, она окажется бессильной перед монгольскими армиями, которые, прорвав русский заслон, выльются на польские равнины.

ТЩЕТНЫЕ ПОХОДЫ

Исторические аналогии не всегда плодотворны: опасность заключается во внешнем сходстве исторических явлений.

Незыблемость исторических и экономических законов развития общества означает лишь то, что сумма действия всех сил истории ведет к закономерному исходу. Но далеко не каждая из них последовательно выполняет историческое предназначение. Этот процесс несколько напоминает движение муравьев, которые тащат в муравейник большого жука: суетятся муравьи чрезвычайно, каждый бежит в свою сторону, одни жука тянут, другие мешают этому, третьи вообще мечутся без цели. Но в результате жук неуклонно приближается к входу в муравейник.

В истории всегда есть люди, которые в силу своего положения определяют судьбы государства. Политический деятель новейшего времени оперирует понятиями блага государства, блага народа и действует в меру своего личного и классового понимания этого блага. В средние века далеко не всегда правителем декларировалось благо народа. Было благо династии, благо рода, благо церкви и так далее.

Разумный монарх добивался денег и усиливался,

укрепляя государственный организм, неразумный попросту выкачивал из подданных все, что можно было добыть, грабил их, словно врагов. В конечном счете разумный монарх выигрывал, потому что его доходы были постоянными и множились.

Важная особенность власти в средневековой Европе заключалась в составе правящего слоя. Не только государи, но и элита общества, как правило, были связаны родственными узами. Можно проследить родственные отношения между всеми правящими домами Европы — от Наварры до Византии. Король Иерусалимский был дядей византийского императора, тот приходился племянником французской королеве, а ее дочь во втором браке была женой сицилийского короля, который находился в родстве с польским королем, а тот оказывался сыном русской княгини. И так далее. Этот фактор действовал, несмотря на то, что дяди ожесточенно воевали с племянниками, а шурины — с деверями. Правящий слой Европы осознавал себя одной большой недружной семьей, и родственные отношения порой были важнее отношений межгосударственных, что нарушало логику политических событий. Родственные связи то приводили к неожиданным мирным соглашениям, то ужесточали войны, ибо семейные конфликты могли принимать патологический характер.

Система династических браков и связей правящих домов сохранялась в Европе вплоть до нашего времени. Но разница между средневековьем и последующими веками очевидна: в XII веке государь, по крайней мере в своем домене, был господином над жизнью и смертью подданных и в меру своих способностей определял судьбу страны. В начале XX века для судеб России и Германии ровным счетом не играло роли то, что кайзер Вильгельм II и император Николай II были двою-

родными братьями. Политики новейшего времени, планируя союз или конфликт, не думают о том, обидят ли они этим своего двоюродного брата либо тетушку.

Родственные связи правящей элиты Европы имели следствием особое положение женщины. Дочери в доме феодала — радость, это товар, за который получают влиятельных родственников и новые земли. Французский король Людовик VII выдает дочерей за английского наследного принца, штем за другого наследника, затем за наследника византийского престола. Генрих Плантагенет также устраивает браки своих дочерей с принцами крови. Девочек, чуть вышедших из пеленок, везут в чужие страны, где они живут в чужих домах, окруженные чужими людьми и слыша чужой язык. Они вырастают полуфранцуженками и полувизантийками, они с детства существуют в мире интриг и предательства, ведь их судьбы связаны с вопросами престолонаследия. Но когда они прорываются к власти, жизненному опыту этих подростков может позавидовать любой министр. И нет другого периода в истории земли, когда бы женщины столь часто выступали на авансцену и брали управление государствами в свои нежные ручки. Они как бы мстили за то, что их продавали и лишали детства.

Над этим суетливым феодальным муравейником возвышалась церковь, которая, с одной стороны, владела умами эпохи и определяла образ жизни, с другой — была составной частью этого мира, борясь за светскую власть, за земли и доходы.

Механизм средневекового общества Европы определялся также дополнительными факторами. Внешними и внутренними.

Внешние факторы — это в первую очередь мир ислама, противник не только идеологический, но и военный. Мусульманские государства господствуют

на важнейших торговых путях Ближнего и Среднего Востока, а в самой Европе занимают большую часть Пиренейского полуострова. Менее важный в XII веке, но весьма существенный фактор в следующем столетии — это Степь. В XII веке Западная Европа не соприкасается с кочевниками. Через несколько десятилетий Степь не только сметет Русь, но и докатится до границ Германии.

Внутренний фактор — эволюция самого средневекового общества, возникновение в нем сил, до недавнего времени игнорируемых. Это прежде всего города — следствие экономического прогресса и деятельности государей, которые поддерживают торговые пути для собственного обогащения и получают от городов средства, нужные для ведения войн. В то же время для феодалов города — мир чуждый, мир презираемый, населенный простолюдинами. Но взрыв городского строительства с XI века привел к тому, что города и, следовательно, «третье сословие» все более определяют политику государства.

Города развиваются в первую очередь в тех странах и местностях, где наиболее развиты ремесла и торговля, требующие мира и порядка. На Руси, где было множество городов, они оставались в основном княжескими центрами и, за исключением западных, лишь начинали осознавать свою независимость. В Германии и Франции города противостоят феодалам. В Италии же, посреднице в торговле Европы с Востоком, города развиваются так интенсивно, что сбрасывают власть феодалов и вступают с ними в открытую борьбу.

Именно город стал главным соперником феодала. В отличие от деревни он имел организацию, общие интересы и стены. Выход на политическую арену крестьянства — это дело следующих веков. Пока что крестьянское недовольство гнетом феодалов

Городской рынок. Европа XII—XIII веков.

лов выражается чаще всего в ересях — первоначальной форме социального протеста.

Все это сказано для того, чтобы лучше понять жизнь и деятельность германского императора Фридриха Барбароссы, который всю жизнь выигрывал битвы, но так и не смог, несмотря на очевидные военные и политические таланты, выиграть своей большой войны.

Впервые на исторической арене Фридрих, еще не Барбаросса, а герцог Швабский из династии Штауфенов, появляется весьма молодым человеком во время второго крестового похода (1147 — 1149), завершившегося полной неудачей. Французскими крестоносцами командовал король Людовик VII, германскими — престарелый император Конрад, который относился к этому походу с пессимизмом умудренного жизнью человека, в предприятие не верившего. Но соперничество европейских держав за господство на торговых путях Средиземноморья, подогреваемое энергией и деньгами итальянских городов, подвигнуло его на то, чтобы принять крест. Хотя официально считается, что Конрада, не желавшего второй раз отправляться в Святую землю (молодым рыцарем он участвовал в первом походе), уговорил главный вдохновитель похода Бернар Клервоский.

Армия германских крестоносцев, обремененная многими тысячами бедняков, которые присоединились к ней в надежде на добычу, с трудом переползла через Босфор и углубилась в Малую Азию. Там ее, усталую, изнемогающую, тревожили кинжальными набегами сельджуки. Наконец им удалось увлечь рыцарский авангард в погоню, и масса плохо вооруженных крестьян-крестоносцев осталась без защиты. Тогда-то дожидавшиеся этой

минуты основные сельджукские силы ударили по крестьянскому войску. Началась страшная резня. В результате Конрад вывел к морю лишь жалкие остатки своего воинства. Впоследствии, соединившись с потрепанной французской армией, крестоносцы потерпели еще ряд поражений. Наконец они добрались до небольшого порта Атталии, откуда решено было переправиться в Палестину морем. Корабли должны были прибыть из Византии, но император Мануил прислал всего несколько судов. На них могли разместиться лишь немногие. Этими немногими оказались знатные рыцари, и они немедленно отплыли, бросив рать на произвол судьбы. Несколько тысяч крестоносцев, лишенных руководства, пошли дальше берегом. И сгинули.

Император Конрад во время этих событий вел себя пассивно, в трудные моменты вообще уезжал в Константинополь на поправку здоровья, а из Святой земли, сославшись на государственную необходимость, отбыл окончательно в Германию.

Вся тяжесть руководства войском пала на плечи сего племянника. Молодой герцог Фридрих Швабский проявил себя разумным воином и хорошим организатором, заслужив уважение крестоносцев.

Вернувшись домой, Конрад застал государственные дела далеко не в лучшем виде. Распри с династией Вельфов, слишком самостоятельная политика одного из Вельфов, саксонского герцога Генриха Льва, который, вместо того чтобы отправиться в крестовый поход на Восток, провел свой собственный, куда более выгодный поход к Балтийскому морю, требовали вмешательства императора.

В 1150 году неожиданно умер тринадцатилетний сын и наследник Конрада. Второму сыну императора было всего восемь лет. Конрад был убежден, что мальчику не удержать громадную лоскутную империю, где многие князья были не слабее самого

императора. Поэтому в последние дни жизни Конрад проявил себя мудрым государем, презревшим семейные узы. Он предложил князьям (императора формально избирали высшие князья империи) назначить наследником Фридриха Швабского.

Воля умершего в 1152 году императора была исполнена электорами. В то время Фридриху Швабскому было тридцать лет. Хронисты описывают его как стройного человека среднего роста со светло-русыми волосами и рыжеватой бородой. Был он умен и решителен. Казалось, государству нельзя было пожелать лучшего императора.

Первые же шаги нового императора оказались удачными. Он сумел уладить давнюю свару в Дании, где боролись два претендента на престол, и утихомирить буйных Вельфов. После этого отправился в Италию, чтобы там короноваться.

Фридрих Барбаросса, как и его предшественники, существовал в двух ипостасях: он был германским королем и императором Священной Римской империи. Как король он короновался в Ахене, столице Карла Великого. Но как император, формальный наследник власти римских цезарей, он мог получить корону лишь из рук римского папы.

Соответственно Фридрих имел два направления в политике — как король и как император. Он должен был поддерживать единство Германии, ладить с князьями, усмирять их, карать и миловать. В то же время как наследник римских императоров он претендовал на власть над Италией и в идеале над всей Европой. Тут он преследовал имперские цели, которые далеко не всегда совпадали с интересами германского короля и тех феодалов, которые избрали его.

На пути к господству императора в Италии стояло несколько препон. Во-первых, папа, который был не только духовным пастырем Западной

и Центральной Европы, но и владельцем церковной области, то есть крупным феодалом. Во-вторых, сицилийские норманны, правившие королевством, что объединяло Сицилию и Южную Италию. В-третьих, итальянские города.

Невероятно быстрый по тем временам взлет итальянских городов был связан со средиземноморской торговлей. Одни, как Флоренция и Милан, выросли на наземных торговых путях и славились ремеслами, прежде всего суконным и стекольным, другие, как Венеция и Генуя, стали хозяевами морских путей. Правила городами торговая верхушка. Ни господство сицилийцев, ни власть папы, ни правление императора ее не устраивали. Сила итальянских городов заключалась не только в богатстве и осознанном стремлении к независимости, но и в том, что их недруги враждовали между собой и можно было лавировать между ними. Слабость же состояла в том, что они редко и лишь ненадолго объединялись в союзы. Города были торговыми конкурентами и потому постоянно враждовали.

Появление Фридриха Барбароссы в Италии привело к обострению там политической ситуации — в банку со скорпионами как бы кинули суперскорпиона, который принялся жалить направо и налево.

Фридрих проявил себя как мудрый и решительный король Германии и в течение многих лет вел этот неладно построенный и постоянно бунтующий корабль уверенной рукой. Но как император он оказался несостоятелен, и не потому, что был глуп или недостаточно жесток: политические силы, противостоявшие ему, были могущественнее всех его устремлений. Воспитание и гордыня не позволяли ему отказаться от Италии. Но он не мог и покорить ее. По отдельности он побеждал папу, города и сицилийцев, но, когда они объединялись,

Фридрих бывал посрамлен. К тому же он не получал поддержки остальных германских государей. В первую очередь это касалось могущественных северных князей. Владения бранденбургские, мекленбургские и саксонские* граничили с Балтийским и Северным морями — там находились их основные экономические и политические интересы. Их даже устраивали неудачи Фридриха в Италии, ибо они ослабляли его.

В отличие от североитальянских городов Рим был в тяжелом положении. В XII веке он казался лишь тенью древней столицы империи. В развалинах бродили нищие; многочисленные паломники, хотя и обогащали городских банкиров и торговцев, приносили в город преступления, грязь и болезни.

Рим не имел самоуправления. В городе находилась римская курия, то есть папский двор и управление вселенской церкви. Всех надо было кормить. Папские сборщики налогов стояли наготове, чтобы отобрать у горожан лишнее. Жители были фактически бесправны — им даже не разрешалось объединяться в цехи и гильдии: папская столица должна быть покорной.

Рим созрел для сопротивления. Но оно было несмелым, пока не появился вождь. Им стал Арнольд Брешианский, ученик великого философа Пьера Абеляра. Его вело стремление к справедливости, а более несправедливое место, чем папский Рим, трудно было отыскать. Арнольд выступал против накопления церковью богатств, против распутства священников, он ратовал за то, чтобы церковь ограничивала свою деятельность духовной

* Саксонией в то время назывались германские области, лежащие к югу от Дании.

*Знаки императорского достоинства
Священной Римской империи.*

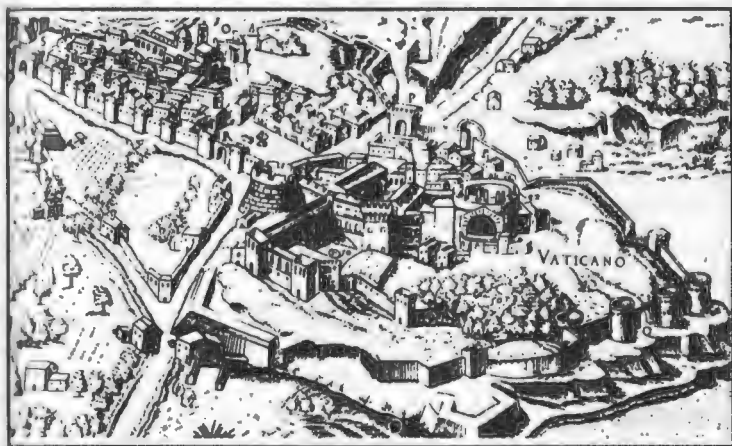
сферой и отказалась от мирских богатств и стремлений. Перед тем как выступить со своей проповедью в Риме, он провел много лет в скитаниях, его обвиняли в ересь, отлучали, преследовали. Сведений об Арнольде сохранилось очень мало, и притом из уст его врагов, так что истину приходится искать не в их хуле (Бернар Клервоский именовал его не иначе как смертельным ядом), а в результатах его дел.

А он оказался умелым организатором. Он предложил римлянам демократическое устройство городской коммуны, сходное с устройством ломбардских городов. И его поддержала «чернь» — ремесленники и торговцы. К ним примкнули некоторые дворяне и даже кое-кто из аристократии. В 1143 году гордые римляне совершили у себя в городе революцию, образовали, как в Древнем Риме, сенат, который постановил лишить папу светской власти, разрушить феодальные замки и отнять у аристократии ее привилегии. Папа Луций II тут же обратился к христианским государям с просьбой о помощи, а пока помощь не поступила, двинул против сената свою стражу.

Сенат во главе с Арнольдом заседал в Капитолии. Судя по документам, сенаторы были людьми низкого происхождения.

Как и положено рыцарю веры, папа, облаченный в кольчугу, находился в первых рядах атакующих. Однако сенаторы не хотели сдаваться. Они отбивались чем могли — не только копьями, но и палками и камнями.

Пока шел штурм, со всех сторон к Капитолию сбегались римляне. Вскоре папские солдаты были взяты в кольцо. Им пришлось пробиваться назад, но тут один из камней, брошенных с крыши Капитолия, попал папе в голову, и тот рухнул бездыханный.

Панорама средневекового Рима.

В папской курии воцарилась растерянность. Следовало избрать нового папу, но никто из кардиналов не решался принять тиару. Время шло в бесплодных дискуссиях. Князья церкви надеялись, что вот-вот появятся войска кого-то из христианских королей, чтобы спасти папский престол. В конце концов папой избрали малоизвестного монаха-цистерцианца из монастыря, расположенного неподалеку от Рима. Он принял имя Евгения III. В Риме новый папа пробыл недолго — он бежал во Францию, потом в Германию просить помощи.

Со своей стороны, сенат Рима обратился с просьбой о покровительстве к германскому императору Конраду, рассчитывая, что дальний господин лучше, чем внутренний враг. В принципе римляне рассудили правильно: в конечном счете ставка на германских императоров была единственным спасением для республики. Но, к сожалению, обстоятельства сложились против них, так как Конрад вскоре умер, а начало правления Фридриха Барбароссы было тем редчайшим периодом, когда император и папа были заинтересованы во взаимном согласии. Папа — потому что потерял власть над собственными землями и готов был на союз с самым дьяволом, чтобы ее вернуть. Барбаросса — потому что ему надо было получить императорскую корону и укрепиться в Ломбардии.

В 1153 году неудачливый борец против римской республики Евгений III умер. В следующем году папский престол занял Адриан IV (Николао Брейкспир), единственный в истории папа-англичанин, к тому же выходец из крестьян.

Принятие монашеского сана было одним из немногих способов для простолюдина сделать карьеру. В армии шансов на это практически не было: знать не пускала в свою среду плебеев.

Николас Брейксспир, когда подрос и научился с помощью приходского священника читать и писать, решил стать монахом бенедиктинского монастыря, расположенного по соседству с его деревней. Но его в монастырь не взяли: у него не было денег, чтобы сделать вклад. Николас не сдался. Он ушел из дома, перебрался во Францию и попал в Париж. Там он сумел поступить в одну из религиозных школ, где, возможно, учился у великого мыслителя Абеляра вместе с Арнольдом Брешианским.

Затем он принял постриг в монастыре святого Руфуса и вскоре стал его настоятелем. Здесь у Николаса возникли сложности: он начал решительно бороться за чистоту нравов, а так как человек он был грубый — сказывалось крестьянское происхождение, — он, естественно, восстановил против себя братию.

Аббат-реформатор был вызван в Рим для объяснений. Но там, вместо того чтобы подвергнуться наказанию, как рассчитывали враги, произвел прекрасное впечатление на Евгения III и его приближенных. В течение нескольких месяцев аббат поднимается до ранга кардинала, затем его направляют с трудной и почетной миссией в Скандинавию. В качестве папского легата Брейксспир должен был уладить отношения с епископами в странах, где христианство утвердилось совсем недавно, и разъяснить перспективы крестовых походов на Балтике.

Когда Николас вернулся в Рим, Евгений III уже умер. К тому времени Николас стал видной фигурой: вокруг него группируются «молодые» прелаты, стремящиеся восстановить авторитет римского первосвященника. В 1154 году кандидатуру Николаса Брейксспира на папский престол поддерживали не только сторонники укрепления папской власти, но и римский сенат во главе с Арнольдом

Брешианским. Для Арнольда Николас — знакомый по Парижу, мыслящий человек, не связанный с продажной курией Рима.

Но как только Николас Брейкспир был избран папой под именем Адриана IV, в этом худом, болезненном человеке проснулся вождь, забывший и старые связи, и юношеские споры. Перед ним стояла одна цель — добиться того, чтобы папская власть была высшей властью в мире.

Одним из первых действий Адриана было отлучение Рима от церкви. На этот шаг не решились ни Луций II, ни Евгений III. Среди причин, удерживавших пап от интердикта, были и соображения экономические. Какими бы ни были отношения между Римом и папским престолом, противники оставались в единой экономической системе: ремесло и торговля города обслуживали папскую курию, а князья церкви активно участвовали в торговых делах римлян.

Адриан презрел экономику и ударил по Риму отлучением. Замолчали колокола римских церквей. С римлянами под страхом отлучения не смели общаться и совершать сделки жители других городов. Чтобы удар был ощутимее, папа отлучил от церкви и своего второго противника, на военную помощь которого тогда рассчитывал Рим, — сицилийского короля.

В течение нескольких месяцев Рим сопротивлялся папе, но постепенно верх там брали имущие слои, которые более других были задеты интердиктом. Положение Арнольда Брешианского ухудшалось с каждым днем. Те, кто еще недавно носил вождя на руках, стали смотреть на него косо: Арнольд был причиной их несчастий. И против папы римляне ничего не могли сделать. Он не штурмовал Капитолий и не поднимал на них войска — он ждал своего часа.

Храм Св. Георгия в Риме. VII—IX века.

Эта борьба окончилась поражением Арнольда. Папа поставил условием снятия интердикта изгнание своего главного врага из Рима. Он был убежден, что без Арнольда римская республика долго не продержится.

Арнольд был вынужден покинуть Рим.

Тогда же, глубокой осенью 1154 года, в Северную Италию вступил Фридрих Барбаросса. Он явился туда с небольшим войском — его сопровождали тысяча восемьсот рыцарей и свита. В Ронкальской долине, на берегу реки По, Фридрих остановился, ожидая прибытия представителей североитальянских городов. Он рядил там суд, получал дары, выслушивал жалобы. Жалобы в основном были против Милана — самого сильного из ломбардских городов, который стремился к гегемонии и вел непрестанные войны со своими соседями, причем войны жестокие: города Комо и Лоди, которые отказались ему подчиниться, были буквально стерты с лица земли.

Свара между городами была на руку императору. Поэтому, когда миланские консулы начали излагать свою точку зрения, Фридрих отказался их выслушать и объявил Милан опальным городом. Правда, наказать Милан Фридрих в тот раз не смог: войско его было невелико, а впереди лежал Рим, где он должен был короноваться. Но германские рыцари опустошили окрестности Милана, взяли и разрушили несколько замков и осадили город Тортону, союзника Милана, который отказался признать власть Фридриха. После пяти недель осады город был захвачен и разграблен.

Наступила весна 1155 года. Римская республика, пожертвовав Арнольдом Брешианским, продолжала бороться с папой. Сохранились письма, которыми обменивался Фридрих с ее вождями. Те просили его о союзе против папы, упрекали, что он идет

на поводу у священников, тогда как папа должен подчиняться ему. Но Фридрих был осторожен. В силу римской республики он не верил, а от папы должен был добиться коронации.

Фридрих был молод. Создание великой империи казалось ему реальным делом. Германия была спокойна, Италия разобщена и бессильна.

Когда римский первосвященник и император встретились, Фридрих должен был, по традиции, спешиться и держать стремя папского коня, чтобы помочь папе сойти на землю. Но сделать это почему-то забыл. Адриан IV, усмотрев в этом сознательное нарушение этикета, отказал Фридриху в обычной чести «лобзания».

Жители Рима, внимательно наблюдавшие за встречей, были обнадежены возникшими сложностями, и сенаторы, полагая, что конфликт будет развиваться и дальше, приказали римлянам не сопротивляться входу в город германского войска.

Однако через несколько дней, в течение которых шли тайные переговоры между папой и императором, согласие на коронование Фридриха было получено, и 18 июня 1155 года в храме Святого Петра Адриан IV возложил на его голову императорскую корону.

При известии о коронации в Риме поднялось восстание, и в течение дня шли отчаянные бои между римским ополчением и рыцарями Фридриха.

Хотя восстание было подавлено, Фридрих, мучимый малярией и опасавшийся находиться в непокорном городе, вывел армию из Рима и двинулся обратно. Он добился своего. Больше папа ему не был нужен.

Однако еще одну услугу Адриану IV Фридрих оказал. Видимо, она была оговорена заранее. В Тоскане к нему обратился за покровительством

Арнольд Брешианский. Его тут же схватили и тайно привезли в Рим.

Папа расправился со своим врагом быстро и жестоко: Арнольда повесили, прах сожгли и выбросили в Тибр.

Возвращение Фридриха домой было омрачено событиями на севере Италии. В ущелье за Вероной стоял рыцарский замок, владелец которого решил, уповая на его неприступность, устроить Фридриху засаду. Положение императора было сложным: в узком ущелье он не мог ввести в бой конницу. К счастью, в его войске оказались альпийские горцы. Они поднялись на отвесные скалы и пробрались в замок с тыла. Феодал и его солдаты были перебиты, но и отряд Фридриха потерпел немалый урон.

За месяцы отсутствия Фридриха германские князья перегрызлись между собой, города ссорились с епископами.

Фридрих действовал решительно. Он издал указ о всеобщем мире в империи и нарушителей его немедленно карал. К удивлению и возмущению феодалов, он возродил старинное немецкое наказание: виновного в нарушении мира прогоняли по улицам с собакой в руках. Он распутал сложный баварский вопрос, отдав Баварию своему основному сопернику Генриху Льву, но отделив от нее восточную часть, из которой сделал герцогство Австрийское. Это решение — день рождения Австрии. Сам он женился, выгоднее не придумаешь, на Беатрисе Бургундской, присоединив к своей империи богатейшее герцогство.

В 1157 году Фридрих созвал съезд князей империи, на который приехал папский легат кардинал Бандинелли. Через два года он сменит на папском престоле Адриана IV. Легат предъявил императору длинный список претензий. Они сво-

Замок Фридриха Барбароссы на берегу Рейна.

дились к тому, что Фридрих не выполнил своих обязательств перед святым престолом. Папа напоминал императору, что своим титулом тот обязан римской церкви. Далее говорилось, что церковь не раскаивается в содеянном и была бы рада одарить императора другими благами. Слово «бенефиции», употребленное в латинском тексте, можно было понять двояко — и как блага, и как те вассальные владения, которые сеньор дарует своему вассалу. И хотя впоследствии папские юристы доказывали, что германский съезд их понял неправильно, немецкие князья поняли послание однозначно: папа даст понять Фридриху, что тот — его вассал.

В зале поднялся возмущенный шум, и тогда кардинал Бандинелли воскликнул, перекрывая крики князей:

— А от кого же Фридрих получил императорское достоинство, как не от папы?

Кардинал был на волосок от смерти. Граф Оттон Виттельсбахский возжелал зарубить кардинала тут же, на месте. Фридрих с трудом удержал руку графа.

Затем император велел римским послам на следующий же день покинуть пределы Германии, сказав:

— Если бы меня здесь не оказалось, вам пришлось бы испытать на себе тяжесть германских мечей.

Эти события были лишь верхушкой айсберга. Не будь злосчастных «бенефиций», нашлось бы другое слово. Папа, разочаровавшись в союзе с Фридрихом, уже предпринял шаги, недружественные по отношению к императору. Он снял отлучение с сицилийского короля и заключил с ним мир, направленный против Германии. Он даже примирился с римским сенатом. Ломбардские города укрепляли стены и вели переговоры с папой.

Фридрих призвал на помощь бургундских рыцарей и приказал германским князьям выделить отряды. Он намеревался раз и навсегда проучить папу и Милан. Как только началось лето и подсохли дороги, армия Фридриха вступила в Италию. После взятия ряда небольших городов в июне началась осада Милана. Она продолжалась недолго. Город предпочел пойти на мирные переговоры с императором, и условия мира вначале показались мягкими. Фридрих лишь потребовал, чтобы все должности утверждались им и чтобы в городах Ломбардии находились чиновники, которые следили бы за поступлением налогов. Реакция в Италии против этого соглашения последовала довольно быстро — оказалось, что германские чиновники, оставленные в Ломбардии, не только устанавливают высокие налоги, подрывающие ремесла и торговлю, но и контролируют все назначения и выборы, удаляя опасных для себя людей.

Города за последнее столетие привыкли к самостоятельности и не могли смириться с превращением в императорские колонии. Против Фридриха организовалась сильная коалиция. В нее входили папа Адриан IV, Милан и другие ломбардские города, а также сицилийские норманны. Немецкие сборщики налогов были изгнаны.

И тут неожиданно умер Адриан IV.

У Фридриха не было никакой надежды, что кардиналы изберут удобного для него папу. Но не было и единства между кардиналами. В Риме сидели люди Фридриха, которые не жалели денег и усилий, чтобы повернуть выборы в выгодную для себя сторону.

Пока шли споры и переговоры, Фридрих поспешил на юг. Весной 1159 года он осадил Кремону, союзницу Милана. Город отчаянно сопротивлялся. Милан также был осажден, но его могучие стены

и сильная армия надежно противостояли германцам. Успехи армии Фридриха были умеренными. Отряды рыцарей грабили миланские земли, штурмовали замки, брали небольшие города, но главную свою задачу — взять Милан — они выполнить не могли.

Большинство кардиналов, составивших «сицилийскую» партию, которая опиралась на сицилийских норманнов, выступили за избрание «антигерманского» папы. Они выставили кандидатуру того самого кардинала Бандинелли, который столь смело вел себя на съезде германских князей. Оппозиция решила опереться на помощь Фридриха. Ее кандидатом был кардинал Октавиан. Однако победу одержал Бандинелли. За него проголосовали четырнадцать кардиналов, против — девять. Новый папа принял имя Александр III.

Тогда Фридрих пошел на смелый шаг. Он вывез оппозиционных кардиналов в Павию и провел там под охраной своих рыцарей церковный собор, который послушно утвердил Октавиана папой под именем Виктора IV. Так вместо одного папы стало два. Александр III тут же отлучил императора от церкви. В иной ситуации интердикт был бы серьезным оружием, но на этот раз он ничем Фридриху не грозил: у него в кармане был свой папа, который в ответ тут же отлучил от церкви Александра III.

Но в стратегии Фридриха было слабое место: Европа состояла не только из Германии и Италии. Другие европейские государи с опаской наблюдали за решительными действиями Барбароссы. Поэтому, когда Александр III обратился к королям Европы с просьбой о помощи, она была (по крайней мере на словах) немедленно оказана. На соборе в Тулузе в октябре 1160 года короли Франции, Англии и христианские короли Испании

признали Александра III. Более того, византийский император Мануил также вмешался в европейскую игру, и его войска в Италии стали помогать папе.

Фридрих не отступал. Ему казалось, что восстановление его власти в Италии — лишь дело времени. Но его победы оказывались эфемерными. За ними обязательно следовало новое восстание. Итальянские города боролись за свое существование, Фридрих — за империю. Экономически итальянские коммуны были более развиты, чем Германская империя, а дома у Фридриха было достаточно врагов, которые ждали его поражений.

Кремона была наконец взята. Жителям было разрешено покинуть город, унося с собой лишь то, что можно было взять в руки. После этого в него вошли германские войска. Они разграбили Кремону, а затем разрушили ее.

Но Милан сопротивлялся. Только в марте 1162 года, измученный голодом, лишившийся надежды, город решил сдаться. Если миланцы проявили упорство, то и Фридриху нельзя было отказать в настойчивости. Он понимал, что, пока существует непокоренный Милан, Италия не сдавалась.

Император отказался обсуждать условия сдачи с консулами Милана — он потребовал безоговорочной капитуляции.

Еще неделю тянулось ожидание. Миланцы понимали, что милости от завоевателя ждать нельзя. Но и продолжать сопротивление они не могли. Поэтому через неделю в ставку императора пришли все именитые люди Милана с непокрытыми головами, с ключами в руках.

На следующий день из городских ворот вышла длинная процессия. Все граждане Милана шли босые, с петлей на шее, головы их были посыпаны пеплом. В середине процессии двигалась повоз-

ка — символ города Милана. На ней было укреплено знамя города с изображением святого Амвросия.

Перед возвышением, на котором стоял трон Фридриха, процессия замерла. К ногам императора кинули знамена цехов и кварталов. Затем к трону приблизилась повозка. Фридрих поднял руку. По этому знаку загремели трубы, которые, по словам очевидца, «звучали как похоронная песнь над погибшей гордостью Милана». Повозку опрокинули, и священное знамя сорвали с нее.

Миланцы опустились на колени.

Фридрих сидел с каменным лицом, казалось, не слыша стенаний поверженных врагов.

После того как миланцы трижды обратились к императору, он поднялся и произнес свой приговор: он прощает жителей города, но не прощает сам город. Стены Милана должны быть разрушены, дома снесены. Никто никогда не будет жить в нем. Сами миланцы должны уйти из города, но консулы, судьи, знатные рыцари, старейшины торговых и ремесленных гильдий остаются у Фридриха заложниками.

Началось разрушение Милана.

Но оказалось, что это выше сил победителей. Были снесены стены и некоторые башни, по центральной площади проведена символическая борозда — свидетельство того, что города больше нет.

Но город остался. И остались в нем жители, а значит, сохранилась жажда освобождения и мести. Потратив три года на осаду и победив Милан, Фридрих не добился победы. Судьба Милана лишь умножила число его врагов.

Имперская политика Фридриха разоряла не только Италию — она высасывала средства и из Германии, где частые и длительные отлучки императора усиливали брожение и раздоры между кня-

ьями. Росло недовольство и в городах. Жители крупнейшего из них — Майнца восстали и убили архиепископа, который правил городом от имени императора.

Пока Фридрих, вернувшись в Германию, вновь занимался внутренними делами, его контроль над Италией ослабел. Воспользовавшись этим, Александр III в 1165 году освободил итальянские города от вассальной присяги Фридриху.

Фридрих был связан обязательствами, которые сам на себя наложил. Поражения ничему его не научили. Богатая Ломбардия не могла быть покорена. Но Фридрих вновь и вновь с бычьим упрямством вел своих рыцарей на юг.

Умер его «карманный» папа, а Александр III с помощью норманнов и византийцев укреплял свою власть. Союз против Германии налаживали итальянские города. Даже города, обычно стоявшие в оппозиции к Милану, вступили с ним в переговоры. К союзу склонились Брешия, Мантуя, Кремона, близки к нему были Венеция, Верона и Болонья.

И поэтому осенью 1166 года, так и не уладив дела дома и не смирив Генриха Льва, который все прочнее укреплялся на севере Германии, Барбаросса вновь поспешил в Италию.

После отчаянных боев императорской армии удалось взять Рим. Александр III в одежде паломника бежал на юг, а в Риме воцарился очередной антипапа Пасхалий III, привезенный в немецком обозе. Теперь можно было снова двинуться на непокорный Милан и наказать его за то, что он посмел восстановить свои стены.

Но тут жаркое итальянское лето нанесло удар — в переполненном паломниками и солдатами грязном, пыльном Риме вспыхнула эпидемия холеры. Болезнь косила не только жителей города, но и

германскую знать. Даже канцлер империи архиепископ Райнальд стал ее жертвой.

Видя, что войско уменьшается, Фридрих вынужден был отдать приказ к отступлению на север.

Остатки армии, волоча за собой больных и обозы, отошли к Павии. Отступление превращалось в бегство. Со всех сторон доносились вести о том, что города отказываются признавать империю и высылают отряды, чтобы окружить слабую армию императора и уничтожить ее.

Огрызаясь, как загнанный волк, Фридрих спешил к альпийским перевалам, чтобы вырваться из ловушки. Днем и ночью приходилось отражать нападения итальянских отрядов. К счастью для Фридриха, города не успели создать общее войско.

Когда Фридрих понял, что ему не прорваться к перевалам, он решился на меру, которая будет применена через много столетий — во время второй мировой войны нацистами в оккупированных странах.

На каждом привале Фридрих приказывал вешать знатных заложников, которых он взял в Риме и других городах. И он поклялся, что, если итальянские отряды не прекратят его преследовать, он перевешает всех заложников до последнего.

Эта жестокая мера помогла. К концу зимы 1168 года с жалкими остатками войска Фридрих вернулся домой.

Италия торжествовала. Были временно забыты распри. Всем казалось, что упрямый император никогда уже не посмеет вновь прийти в долины Ломбардии. Александр III в очередной раз возвратился в Рим и благословил Ломбардскую лигу городов. «Нет сомнения, — писал он в своей булле, — что вы заключили на благо этот союз мира и согласия и, соединившись, сбросили с себя иго рабства».

Руины дворца Фридриха Барбароссы в Телькхаузене.

Для того чтобы обезопасить себя от будущих вторжений, Ломбардская лига построила на пути, который вел из Германии в Италию, могучую крепость, назвав ее Александрией в честь папы. Имперская политика Фридриха привела к тому, что папа, для борьбы с которым Фридрих приложил столько усилий, не только удержался, но и укрепил свои позиции в Италии.

Фридрих был подобен кучеру, который стремится ехать одновременно в двух каретах. Он правит одной до тех пор, пока вторая не съезжает на обочину. Тогда он перепрыгивает на облучок второй кареты и старается выправить ее. А тут первая карета сбивается с пути...

Саксонский правитель Генрих Лев не признавал власти Фридриха. Он вел на севере собственные малые крестовые походы против славян и балтийских народов, не помогая Фридриху в его итальянских делах. Даже германские епископы все более склонялись к тому, чтобы признать законность Александра III, и вели с ним тайные переговоры.

Крепость Александрия была для Фридриха словно бельмо на глазу. И не только потому, что она препятствовала проходу в Италию, но и потому, что название ее было прямым выпадом. А тут еще умер очередной антипапа — Пасхалий. С антипапами Фридриху не везло — уж очень неживучими они оказывались. И это понятно. Кардиналы, которых Фридрих привез к себе, избирали, как правило, немощных, стареньких, которые долго не протянут и не помешают заниматься своими делами. Так что на место Пасхалия кардиналы привычно избрали нового старичка — Каликста.

Фридрих был настроен весьма решительно. Более двадцати лет он потратил на то, чтобы привести Италию к повиновению. Ему уже пятьдесят, он немолод, грузен, рыжая борода поседела.

Всю жизнь он провел в беспрестанном движении, сотни раз ему самому приходилось брать в руки меч и врубаться в ряды врагов. При последнем бегстве из Италии он чуть было не погиб, окруженный в одной из стычек итальянскими рыцарями.

Но на этот раз все должно быть в порядке. Армия Фридриха везла с собой могучие осадные орудия, которые должны были сокрушить стены Александрии и Милана.

Но ничего не вышло.

Армия застряла у стен Александрии. Города Ломбардии собрали большую армию, и она перекрыла путь на юг. После нескольких месяцев топтания на месте Фридрих согласился на переговоры с послами папы. Переговоры ни к чему не привели: папа требовал, чтобы Фридрих отказался от имперских планов и от власти над ломбардскими городами.

Наступила зима.

До весны 1176 года Фридрих находился в Павии, готовя армию к сражениям, и бомбардировал Германию требованиями прислать подкрепления. Подкрепления не поступали. Фридриху не оставалось иного выхода, как одним ударом разгромить итальянскую армию.

Весной, получив подкрепления из Кельна, Фридрих пошел навстречу итальянской армии, которая расположилась между Миланом и Лоди. Там, у селения Леньяно, и произошло одно из самых знаменитых сражений средневековья.

Узнав о движении германской армии, ломбардцы окопали свой лагерь глубоким рвом и расположили за ним пехоту, вооруженную длинными копьями. Миланские рыцари встали перед лагерем. В самом же Леньяно должны были держать оборо-

ну рыцари из Брешии, которые называли себя «дружиной смерти».

Армия Барбароссы была невелика. К тому же Фридрих был вынужден расплыть ее, оставив части для осады Александрии, для охраны дорог и гарнизоны в занятых итальянских городах.

Фридрих, как опытный полководец, понимал, что на его стороне должна быть инициатива. Поэтому он атаковал первым. Рыцарская конница итальянцев не выдержала натиска и дрогнула. Часть рыцарей бежала к Леньяно, остальные укрылись в укрепленном лагере за спинами пехотинцев.

Казалось бы, битва выиграна.

Но пехота ломбардцев была неучтенным фактором.

Рыцарская лавина ринулась на пехоту.

Ремесленники и крестьяне Ломбардии, выставив лес копий, не дрогнули. Несколько раз накатывалась волна рыцарей на копейщиков, но за упавшей шеренгой тут же вставала другая.

И пока рыцари, увязнув в этом бою, старались пробиться в лагерь, из ворот Леньяно вылетели брешианские «дружинники смерти», которые поклялись победить или умереть. К ним присоединились миланские рыцари. Все они яростно ударили во фланг германскому войску. Увидев, что немецкие рыцари дрогнули, вперед пошла итальянская пехота.

Армия Фридриха Барбароссы была разбита наголову.

А итальянцы, прекратив с темнотой погоню за побежденными, вернулись на поле боя. Освещая груды тел факелами, они искали среди погибших своего врага — Фридриха. Многие утверждали, что видели, как он упал с коня. Желание отыскать тело императора было настолько велико, что до рассвета победители не уходили с поля.

Дож венецианский и знатная венецианка в XII веке.

Но император был жив. Ему удалось ускользнуть и вместе с несколькими рыцарями скрыться в Павии.

Поражение в битве при Леньяно означало крушение имперской политики. После Леньяно Фридрих понял, что спасение империи — в компромиссе. Только показным смирением он сможет удержать императорскую корону. Фридрих объявил о желании вести переговоры с папой и городами.

24 июля 1176 года с Фридриха было снято церковное отлучение. Вскоре он прибыл в Венецию, где в храме Святого Марка его ждал Александр III. Там разыгралась душещипательная сцена, в которой не было ни грамма искренности. Фридрих пал ниц перед папой, но Александр поднял его с пола и облобызал. Фридрих публично объявил, что поступил дурно, послушавшись голоса справедливости, но, осененный Божьей благодатью, он стремится к примирению с непогрешимым папой.

Лишь к 1183 году был окончательно заключен мир с Ломбардской лигой городов, по которому им возвращались автономия и право выбора должностных лиц. Города отныне имели право содержать армии и возводить стены. Номинальная власть над городами сохранялась за императором. Тогда же было ко взаимному согласию ликвидировано папское двоевластие. Антипапа Каликст был Фридриху больше не нужен. Александр III отправил его в монастырь, и этот эпизод в истории папства был закрыт.

Пойдя на переговоры, вместо того чтобы продолжать войну, Фридрих сохранил в Италии важные политические и экономические позиции. Когда мир с Италией был заключен и немецких комендантов в городах сменили послы империи, Фридрих как бы освободился от проклятия — вновь и вновь покорять итальянские города.

В последние годы жизни Фридрих уделял ос-

Общий вид средневековой Флоренции.

новное внимание германской политике, стараясь наверстать упущенное.

Подходило время смены поколений. Но и здесь Фридрих удержался более других. Он пережил Людовика Французского, Мануила, Ярослава Осмомысла, грузинского царя Георгия и даже Генриха Плантагенета.

Основным соперником Барбароссы в Германии оставался Генрих Лев, правитель саксонский и баварский. Фридрих считал его виновником поражения в битве при Леньяно: Генрих не прислал обещанных подкреплений.

В 1179 году Фридрих созвал в Вормсе съезд князей, на который пригласил Генриха Льва. Тот не явился. Фридрих на это и рассчитывал. Герольду приказано было трижды выкликнуть имя Генриха Льва. После того как герцог не отозвался на призыв, он был осужден к изгнанию и лишению земель. Фридрих раздал его владения другим князьям, что было платой за поддержку на съезде. Генрих Лев оказался перед лицом враждебной коалиции князей, каждый из которых поддерживал Фридриха в обмен на клочок владений изгнанника.

Гордый Генрих Лев, посевший в боях и походах, вначале не принял всерьез решения съезда. Целый год он отчаянно сопротивлялся. Войска почти всех крупнейших князей штурмовали его замки и города. Наконец Генрих понял, что проиграл. Он явился с повинной к императору, и ему были оставлены фамильные владения. Саксония и Бавария к нему не вернулись. Более того, ему было сказано, что доходами с наследственных земель он пользоваться может, а вот жить в них — нет. Поэтому Генриху пришлось отправиться в изгнание. Он избрал Англию, так как был женат на дочери Генриха Плантагенета.

Установив мир в Германии, Фридрих в 1186 году

иньовъ отправился в Италию. На этот раз он ехал туда с миром, желая отпраздновать дипломатическую победу: ему удалось устроить брак своего старшего сына и наследника Генриха с дочерью сицилийского короля. А это было ударом по новому папе — Луцию III.

Сила папы заключалась в возможности балансировать между Сицилийским королевством и Германией. Разумеется, папа отказался авансом короновать принца Генриха, которого Фридрих объявил соправителем, императорской короной, чего от него потребовал Барбаросса. Фридрих не выказал разочарования. С годами он научился ждать. Папы приходят и уходят. А он намеревался пережить и Луция. Здоровья и сил хватало. Да и сыновья были послушны и рука об руку с отцом укрепляли государство.

В 1186 году отец и сыновья с триумфом проехали по итальянским городам. Милан, забыв о прошлом, предложил устроить свадьбу Генриха с сицилийской принцессой в своем соборе. Так что именно в некогда враждебном Милане двадцатилетний Генрих был торжественно обвенчан с сицилийкой, которая была старше его на десять лет

ШУБА ДЛЯ НИЩЕГО

Напрашивается упрек: почему героями этой книги стали в основном короли и князья? Почему так мало говорится о положении народных масс и социальных движениях?

Упрек этот отчасти справедлив.

В мире конца XII века обитали многие десятки миллионов человек. В их числе было лишь несколько сотен князей и ханов. Но историки того времени, не знавшие теорий, которые получили хождение лишь в XIX веке, не подозревали, что история делается народными массами. Они были убеждены, что история делается монархами, которых избрало для этого само небо. Сегодня мы можем собрать более или менее связную информацию лишь о двух категориях людей: о правителях государств и о некоторых писателях. О первых — из летописей и документов, о вторых — большей частью из их произведений. Если же на исторической арене появлялся человек низкого происхождения, который становился настолько известен, что удостоивался внимания хронистов, значит, он поднял руку на королевскую власть. Неважно, по какой причине.

Это случалось крайне редко.

Это случилось, к примеру, в Англии.

В середине XII века престол в Англии заняли представители династии Плантагенетов — выходцы из Западной Франции. Они будут долго править страной. Из этого семейства выйдут удивительные характеры — некоторым из них Шекспир посвятит свои трагедии. Насыщенность войнами, убийствами, заговорами, переворотами в период правления Плантагенетов была куда выше среднеевропейской нормы.

События разворачивались так.

В XI веке Англию покорили норманны Вильгельма Завоевателя. И с тех пор более ста лет английские короли были фактически французскими владетелями, лишь часть земель которых лежала на острове. Французские дела для них были важнее, чем английские. Они даже не знали английского языка. Король Генрих II, человек очень образованный для своего времени, владевший шестью языками, по-английски знал лишь несколько слов. Первым королем династии Плантагенетов, который умел говорить по-английски, был знаменитый Ричард Львиное Сердце.

Сын Вильгельма Завоевателя Генрих I правил в Англии с 1100 по 1135 год. Его наследник погиб при кораблекрушении, и эта смерть надломилла отца. Вспышки гнева чередовались у него с долгими приступами отчаяния. И хотя он женился вновь, детей больше не было.

Душевное состояние короля было усугублено преступлением, лежавшим на его совести. Король дружил с менестрелем Люком де Барре, но потом тот перешел на сторону французского короля и юеовал в рядах его армии против Генриха. Однажды менестрель сочинил насмешливые стихи о Генрихе, чем задел его за живое.

Вскоре после этого Люка де Барре взяли в плен и привели к королю. Монархи всегда побеждали

поэтов и уничтожали их — казнили, ссылали, травили. Но с таким же постоянством в истории оставались имена и стихи погибших поэтов и лишь в исторических трудах — имена королей.

Разгневанный Генрих решил навести порядок в поэзии, для чего приказал выжечь менестрелю глаза. Де Барре так отчаянно сопротивлялся, что палач изуродовал его, и поэт, проклиная Генриха, в жутких мучениях умер. Короля преследовали ночные кошмары. Он вскакивал с ложа, хватал меч и в припадке безумия рубил мебель.

Вопрос о престолонаследии в Английском королевстве со смертью сына Генриха стоял весьма остро. У короля были родственники, которые могли претендовать на власть, но не было никого, кому сам король желал бы власть передать. Наиболее вероятным претендентом был племянник Генриха Стефан, как говорили, самый красивый мужчина в Европе, высокий, стройный рыцарь.

Однако король связывал планы с вернувшейся из Германии дочерью Матильдой, молодой вдовой императора Священной Римской империи Генриха V. Матильда была женщиной пылкой, неуправляемой, к тому же она приехала в провинциальный Лондон из самого центра Европы, и жизнь в Англии казалась ей скучной, норманнские бароны — грубыми, улицы — узкими, а наряды — немодными. Она подружилась с красавцем Стефаном, и, возможно, у них завязался роман.

Генрих нашел Матильде выгодную партию — Готфрида (Жоффруа) графа Анжуйского, владения которого вклинивались в континентальные земли Генриха. Граф Анжуйский был еще мальчишкой, одиннадцатью годами моложе Матильды. Матильде же совсем не хотелось упасть до положения обыкновенной графини.

Несколько месяцев Матильда сопротивлялась

решению отца. И все же Генрих уговорил дочь поехать в Анжу и обвенчаться с четырнадцатилетним женихом, согласия которого никто и не спрашивал. Взамен Генрих обещал дочери передать престол ее детям.

Опечаленная Матильда отправилась на континент, и в 1127 году состоялась свадьба.

Пять лет Матильда прожила в графстве Анжу. Мальчик-муж превратился в высокого юношу, который более всего любил охоту. Матильда томилась в неволе и совершала безумные эскапады, которые, правда, никого в графстве не удивляли, потому что женщины в роду графов Анжуйских всегда отличались буйным нравом и даже знакомством с потусторонними силами.

Например, к этому роду имела отношение лесная фея Мелузина, которая взяла с мужа, графа Раймонда, обещание, что он не будет искать ее общества по субботам. Разумеется, граф в ближайшую же субботу отправился в спальню к Мелузине и обнаружил, что от пояса вниз она превратилась в белую змею. Увидев мужа, Мелузина тут же скончалась, но дух ее бродит по замку и пощелкивает хвостом о плиты пола. Еще одна графиня не скрывала связи с дьяволом. Четыре рыцаря решили силой притащить ее в церковь. Как только они оказались в церкви, графиня испарилась, оставив в руках рыцарей свои одежды и осквернив храм запахом серы.

Несмотря на все усилия, детей у Матильды не было. Взмешенная несправедливостью судьбы и запутанная возможностью остаться никому не нужной бездетной графиней, она вернулась в Англию.

Там ничего не изменилось. В мрачных, плохо освещенных залах королевского дворца в Вестминстере толпились рыцари, сходные с простолюдниками, бароны обменивались грубыми шутками или

бахвалились подвигами... Генрих принял дочь холодно. Лишь элегантный Стефан скрашивал ее горькие дни. Первое время Генрих не торопил дочь с возвращением к мужу, но затем что-то произошло — и графиня Анжуйская сама собралась, велела готовить корабль и отбыла во Францию. А еще через несколько месяцев оттуда пришло долгожданное известие: у нее родился мальчик.

Эти метания Матильды между замком мужа и дворцом в Лондоне современникам казались странными — тем более когда родился мальчик.

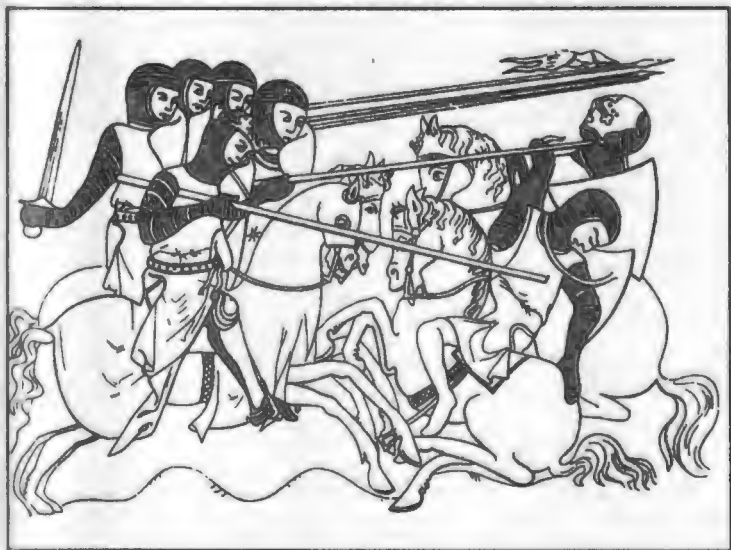
Случилось это в 1133 году.

Первые два года жизни ребенка, названного в честь деда Генрихом, прошли в чудесных тихих местах, среди невысоких холмов, поросших дроком. Готфрид любил украшать свой шлем веточкой дрока, именуемого там «планта генеста». Отсюда и пошло прозвище Плантагенет, которое затем перешло на английскую династию. Представители анжуйского дома правили не только Англией. Из их среды вышли короли Сицилии и Неаполя, а в XIV веке — короли Венгрии и Польши.

Когда Генриху было два года, умер его дед.

Матильда поспешила в Англию — утвердить права своего сына на престол. Но опоздала. Власть в стране захватил прекрасный Стефан. Ему это легко удалось, потому что Стефана поддержал Лондон — большой город с могущественными торговцами шерстью и ремесленными гильдиями. Стефан был свой, лондонский, он обещал все что угодно, он никому ни в чем не отказывал. Сумасбродная Матильда жила где-то далеко, во Франции, со своим французским мужем. И пока не прошло ослепление первых дней, никаких шансов у Матильды и у ее сына не было.

Для того чтобы придать видимость законности воцарению нового монарха, сенешаль государства

*Междоусобное сражение в Англии в XII веке
в правление короля Стефана.*

покаялся при архиепископе Кентерберийском и при других свидетелях, что перед самой кончиной Генрих призвал его к себе и с последним вздохом изменил завешание, назначив наследником Стефана. После этого Стефан взломал печати на сокровищнице и обнаружил, что его дядя накопил колоссальные по тем временам богатства.

Однако дело Матильды было не столь уж безнадежным. Два фактора были за нее — время и поддержка Роберта Глостера, мудрого политика и отличного администратора.

Стефан был вынужден сразу же платить по счетам, умасливая баронов; каждый из них начал ощущать себя полным господином в своих владениях. Бароны строили замки, превращая их в разбойничьи гнезда, отказывались нести государеву службу и грабили крестьян с таким остервенением, что в течение нескольких лет Англия превратилась в разоренное государство, где все проклинали баронов и короля.

Как слабый человек, Стефан легко впадал в крайности. Ему казалось, что если он бросит в тюрьму непокорного барона или проворовавшегося министра, то в государстве наступит мир и порядок. Неумные меры молодого монарха лишь ухудшали положение. Неудивительно, что, когда Матильда с небольшой армией высадилась в Англии, бароны, которые еще недавно столь дружно голосовали за нового короля, начали переходить на сторону Матильды. Стефан буйствовал, крича: «Они же сами меня избрали!», но поделаться ничего не мог. Остатки казны он пустил на то, чтобы ввезти в страну наемных фландрских рыцарей, что отнюдь не увеличило его популярности.

Гражданская война длилась почти двадцать лет, то затихая, то вспыхивая вновь. Страна все более

погружалась в глубины нищеты и варварства. Силы противников были примерно равны, остановить кровопролитие было невозможно. Пока же бароны и рыцари перебегали то на одну, то на другую сторону, а банды наемников грабили крестьян и города.

Положение изменилось в 1153 году, когда партию Матильды возглавил ее сын Генрих, которому к тому времени исполнилось двадцать лет.

Известие о появлении молодого короля было встречено многими с радостью. С ним связывались надежды тех, кто был разочарован как в Стефане, так и в Матильде. Отряды рыцарей, горожан, крестьян стекались к Генриху со всех сторон, и, когда он подошел к Темзе, армия его уже выросла до внушительных размеров.

Войско Стефана ожидало врагов на другом берегу реки.

Стоял январь. Берега были занесены глубоким снегом. Северный ветер нес заряды снега и стегал по лицам.

Лучники перестреливались через реку. Генрих послал разведку выяснить, выдержит ли лед конницу.

В это время к Стефану подъехал старый архиепископ Кентерберийский Теобальд и осмелился произнести самые нужные слова: «Почему бы не кончить дело миром?»

И было достигнуто странное на первый взгляд соглашение.

Генрих возвращается во Францию и ждет там, пока Стефан не умрет. Стефан же остается королем Англии, но завещает престол не своему сыну, а законному наследнику — Генриху.

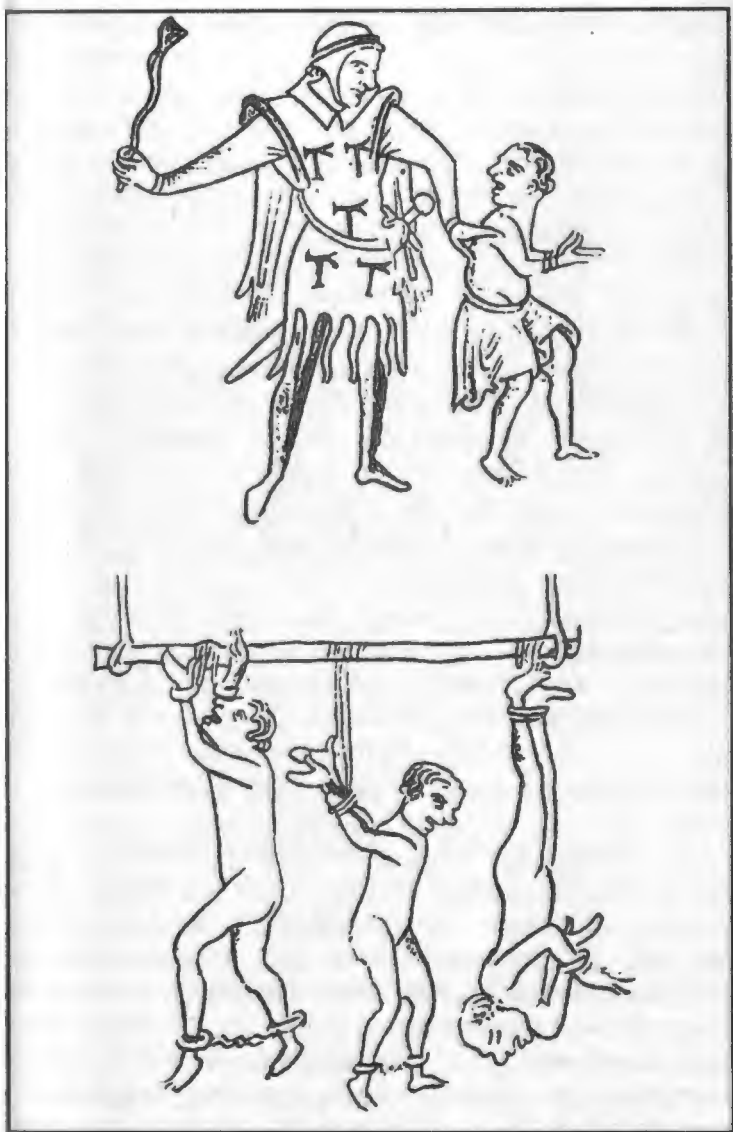
Еще год Стефан доживал остаток своей жизни в королевском дворце. Обезумевшие от безнаказанности феодалы продолжали грабить страну.

Здесь возникает тайна — из тех тайн истории, которые никогда не будут разгаданы. Был ли Генрих II сыном графа Анжуйского? Непонятное поведение Матильды, покидающей мужа после пяти лет бесплодного замужества, возвращение в Лондон, дружба ее со Стефаном, затем поспешное возвращение во Францию, где у нее рождается сын, странное поведение Стефана, который двадцать лет отчаянно боролся с Матильдой, но без боя согласился передать престол Генриху, — все это дает основания для сомнений.

Король Стефан умер в октябре 1154 года. За два десятилетия его правления население Англии сократилось на треть, бароны и рыцари построили более тысячи замков, торговля была подорвана, сельское хозяйство пришло в страшное запустение. Юному королю Генриху II досталось неважное наследство.

Мы знаем, что люди в средние века умирали раньше, чем наши современники. Но забываем, что они куда раньше выросли. Это была своеобразная компенсация за укороченную жизнь. Можно подумать, что природа, обнаружив, что люди стали жить на двадцать—тридцать лет дольше, успокоилась и не стала торопить их со вступлением в зрелость.

В двадцать лет Генрих II, человек уже опытный в боях и походах, вступил в борьбу за престол. В двадцать один год он его получил. Само пребывание на престоле еще ничего не означало — нередко королями становились и младенцы. Но Генрих II обнаружил качества крупного государственного деятеля. Когда в исторических трудах говорится о том, что Генрих, взойдя на престол, первым делом усмирил буйных феодалов, изгнал из страны фландрских наемников, добился мира на дорогах, провел судебную реформу, мы восприни-

*Страдания простых людей во время гражданской войны
середины XII века в Англии.*

маем его действия как бы вне возраста. Разумеется, молодой английский король был не одинок — подавляющее большинство англичан было готово поддержать любые меры, ведущие к установлению порядка в стране. Но ведь у короля были могучие противники: его реформы ущемляли интересы феодальной знати и духовенства.

За тот год, пока Генрих более или менее спокойно дожидался в своих французских владениях английского трона, он успел жениться.

Элеонора Аквитанская была, пожалуй, самой богатой невестой в Европе. Земли ее отца занимали большую часть Западной Франции — от Бретани до Пиренеев. Герцог Аквитанский мало чем уступал французскому королю.

Аквитания была славна не только роскошными виноградниками, тучными стадами и богатыми городами. Там расцветала и поэзия, там царствовал культ возвышенной любви, и Элеонора в пятнадцать лет уже была признанной королевой Двора Любви, и в ее честь слагали песни лучшие трубадуры.

Сочетание красоты, живого независимого характера, светлого ума и невероятного богатства обращало к Элеоноре взоры многих королевских семейств, но энергичнее всех был король Франции Людовик Толстый. Он был так толст, что почти никогда не поднимался с ложа, но это не мешало ему быть неглупым правителем, и незадолго до кончины он принял меры, чтобы девушка из Аквитании была обвенчана с его сыном, наследником французского престола, который будет править под именем Людовика VII.

С юности Людовик отличался набожностью, лю-

бовью к порядку, переходящей в занудство, и крайней нерешительностью. Несмотря на набожность и любовь к духовному чтению, он был очарован аквитанской красавицей. Так что в 1137 году пятнадцатилетняя Элеонора вышла замуж за принца Людовика.

Вскоре после этого на Людовика начали обрушиваться несчастья, источником которых была Элеонора. Первое было связано с ее требованием прийти на помощь ее сестре. А сестра Элеоноры Петронилла влюбилась в женатого графа Вермандуа, который из-за нее бросил жену. Родственники жены двинулись на влюбленного графа войной. Дела графа шли из рук вон плохо. Элеонора заставила Людовика собирать армию и спасать сестру. Людовик подчинился. В ходе этой войны произошел весьма прискорбный эпизод: войска Людовика штурмом взяли один город, более тысячи жителей которого нашли убежище в соборе. Собор загорелся, и люди погибли. Это вызвало у Людовика глубокое чувство раскаяния и заставило стать еще более набожным. Элеонора его не любила, но делила с ним ложе и в первые годы замужества родила двух дочерей.

Унаследовав Францию и права на Аквитанию, Людовик, вместо того чтобы заниматься государственными делами, решил принять участие во втором крестовом походе. Лавры освободителя Святой земли манили Людовика более, чем слава доброго государя.

Нельзя судить человека средневековья нашими мерками: рациональность и трезвость XX века, который, в значительной степени лишившись религиозности, продолжает держаться за суеверия, ему были совершенно чужды. Средневековая Европа знала о Святой земле меньше, чем древние римляне. Куда известнее был мир духовный, центром которого была церковь. Загробная жизнь была не

менее реальной, чем жизнь земная, освобождение гроба Господня было не фикцией, а необходимым делом, чтобы достичь торжества духа и приблизить царство Божие. Иерусалим был не просто ближневосточным городом — он был символом.

Разумеется, организация крестовых походов диктовалась большой европейской политикой, но мало кто из участников этой эпопеи видел ее приводные ремни. Каждый рыцарь искал выгоду, и материальную, и духовную, потому что они были для него неразделимы. Нам кажутся нелогичными поступки жадных и жестоких крестоносцев, которые заключали союзы с сарацинами против братьев-христиан, разрушали христианский Константинополь, поднимали оружие друг на друга, шли на клятвопреступления. Но в сознании крестоносца все это отлично уживалось и всему находилось объяснение и оправдание. Каждый ставил себе высокую цель — личное благополучие на реально существующем *том* свете, не забывая о благополучии на свете *этом*.

Законы экономики и социального развития определяют движение общества, но не поведение отдельного его члена.

Для Людовика VII, который отправился в крестовый поход, едва вступив на престол, человека меланхоличного, склонного к мистике, отягощенного гнетом греха, крестовый поход был очищением и надеждой на великую славу, а может быть, и способом бегства от действительности. Приняв крест, ты становился выше прочих людей.

Узнав, что муж готовится к крестовому походу, Элеонора возликовала. Она заявила, что также отправляется в крестовый поход и намеревается рубить неверных сарацин, как капусту. Людовик мог ожидать, что его юная супруга, только что перенесшая вторые роды, изъявит желание ухаживать за больными и ранеными, выполняя свой

Рыцарь и прекрасная дама.

христианский долг. Ничего подобного. Поборница женских прав потребовала, чтобы ей разрешили собрать отряд знатных дам, которые готовы поднять меч во славу Господа.

Элеоноре в тот век относительной свободы женщин удалось собрать отряд. В нем состояли такие «звезды» тогдашнего света, как герцогиня Бульонская и графиня Тулузская. Мужья, отцы, братья всех входивших в него дам не заперли их в замках. Они их отпустили в поход, и мир от этого не перевернулся.

Королева отнеслась к крестовому походу со всей серьезностью. Каждое утро дамы выезжали на пустырь тренироваться во владении мечом и копьем. С рассвета вокруг пустыря собирались любопытные. Сшили и форму. Она состояла из длинной белой туники, плаща с разрезом сбоку до пояса (на плаще и тунике был нашит большой красный крест), красных сапог с оранжевыми отворотами и красных в обтяжку рейтуз. Прекраснее всех была, разумеется, Элеонора.

Хроники времен крестовых походов оставили портреты действующих лиц европейского средневековья. Описания эти большей частью идеализированы и подчинены тогдашнему пониманию красоты. Поэтому герои кажутся похожими друг на друга, как красавцы и красавицы восточной поэзии.

Проблема портрета, портретного сходства, достоверности европейского искусства в XII веке достаточно сложна.

Дело в том, что картина еще не родилась. В храме расписывался лишь алтарь, где не место светским персонажам. Возможно, развитию портрета мешало и отношение католической церкви к иконе — первоначальному портрету. Ведь даже и

Голова статуи из Бамбергского собора.

восточной церкви, у ортодоксов ровного отношения к иконе не было. То возникали иконоборческие течения, то при византийском дворе начиналась отчаянная борьба между врагами и сторонниками икон.

Пройдет еще двести лет, прежде чем фреска в итальянском храме оторвется от стены и станет картиной, и почти сразу появятся великие художники, словно природа ждала этого момента, бережливо лелея юные дарования. Величайший, на мой взгляд, художник мира Альбрехт Дюрер оказался одним из самых первых.

В XII веке существовал лишь один способ изображать схожим светское лицо. Это скульптура. Причем скульптура двух видов — храмовая и погребальная.

Во-первых, в храмах существовал обычай изображать доноров — то есть людей, которые вносили крупные суммы на поддержание храма. Их лица, а то и фигуры прятались среди стремительных вертикалей бурно развивающегося нового стиля — готики.

Порой среди этих скульптур встречались удивительные творения искусства. Готическая школа скульптуры была особенно сильна во Франции и Германии. Есть несколько соборов, куда и сегодня люди отправляются словно в картинные галереи. Это храм в Наумбурге, собор в Бамберге, Реймский собор, Шартрский собор...

Изысканные, вытянутые, нервные фигуры святых, королей, а то и просто горожан исполнены настолько живо и легко, что странно становится — зачем же было скульптуре совершенствоваться еще восемьсот лет, чтобы прийти к ее современному состоянию? Причем скульптура готическая принципиально разнится от античной. Та была натуралистична, правда, в добром смысле этого слова.

Дева неразумная из Магдебурга.

Античный скульптор ставил себе задачу передать человеческое тело, человеческое лицо как можно более соответствующим действительности. Желательно было выделить каждую мышцу, каждую морщину... Готическому скульптору неважно, каковы детали портрета, — он создает настроение, он ловит мгновение, чтобы через него показать духовную сущность человека. В античной скульптуре вы всегда можете сказать: вот так выглядел сенатор такой-то в середине жизни. Готический скульптор в Наумбурге говорил вам: полюбуйтесь улыбкой Уты, загляните в ее чистое сердце. И, наверное, поэтому античные портреты всегда серьезны. Вряд ли вы вспомните античный портретный бюст, который улыбается или плачет. В готике же каждое лицо — это настроение. Но не следует думать, что духовность скульптур Наумбурга или Реймса евангелически бесплотна. Просто удивительно, насколько человечны и индивидуальны персонажи готического мира — от Иосифа и Иуды в сценах Страшного суда и предательства Иуды до скромно, но с достоинством стоящих у стены, словно любясь своим храмом, графа Эберхарда и его молодой жены — прекрасной Уты.

Наверное, здесь не место рассказывать о готической скульптуре, тем более что расцвет ее падает на первую половину и даже середину XIII века, то есть приходится на следующее поколение наших героев, но, когда я вижу изображения готических скульптур, мне хочется кричать, как мальчику в театре: «Смотри, смотри, какой дядя!». Поэтому я прошу у читателя прощения за отступление от темы и прошу его бросить взгляд на три портрета — моей любимой Уты, всадника из Бамбергского собора и девы неразумной из Магдебурга. И задуматься о том, что они родились в том средневековье, которое мы считаем темным, через восемь-

Статуя Уты из Наумбургского собора.

сот лет после падения Римской империи и за двести — до Леонардо да Винчи и Микельанджело.

Вторым типом скульптуры, претендующим на сходство с оригиналом, были надгробные изображения в соборах. Обычно лицо королевского происхождения либо фигура иной степени важности могла претендовать на погребение прямо в центре зала собора родного города. Саркофаг, стоящий в соборе, украшен был, как правило, лежащей фигурой покойного, держащего в руке Библию или меч в зависимости от рода любимых занятий. Разумеется, лики этих статуй были «улучшены» по сравнению с оригиналом, но общее сходство сохраняли.

Скульптуры-надгробия сохранились у всех королей из династии Плантагенетов. А так как эта династия правила несколько сотен лет, то последние ее представители умерли в эпоху портрета, и их портреты сохранились в изобилии. То есть мы получили возможность проверить, соответствует ли надгробная скульптура портрету, и убедиться, что это именно так.

Когда смотришь на надгробные статуи, то видишь фамильное сходство Генриха II и его сыновей — Ричарда Львиное сердце и Джона (Иоанна Безземельного). Все они широкоскулые, с короткими прямыми носами, большими, широко расставленными глазами, и все трое, следуя моде и семейным вкусам, носят короткую окладистую бороду и усы. Известно при том, что Ричард был блондином, а у Генриха и Джона волосы были темными.

Сохранилось только одно скульптурное изображение Элеоноры Аквитанской — ее надгробие в аббатстве Фонтевро. Дело в том, что прах непокорной королевы и матери королей перенесли во Францию, где были похоронены умершие в походах

*Фридрих Барбаросса — император и воин.
С миниатюры из немецкой рукописи XIII века.*

ее муж и старший сын. По просьбе матери ее положили рядом с Ричардом. Генрих остался в стороне. Следы многолетней борьбы и вражды видны и после смерти участников трагедии, мирно покоящихся в провинциальном французском храме.

Хотя скульптор, как положено, тщательно избегал конкретных признаков старости, стараясь придать семидесятилетней даме вид вневозрастной, можно понять, что перед нами лицо пожилой женщины. Но, убирая признаки старости, скульптор этим как бы подчеркнул черты лица, не меняющиеся с возрастом, — высокий крутой лоб, большие глаза, разлетающиеся четкие брови, прямой, с высокой переносицей нос, крутой упрямый подбородок — все это не противоречит описаниям, оставленным хронистами.

Что касается иных европейских героев этой книги, то дело с их изображениями (достоверными) обстоит хуже.

Как будет рассказано ниже, Фридрих Барбаросса погиб вдали от дома. Так что его саркофага не существует. Нет и статуи. Мне известны два изображения Фридриха, которые могут претендовать на сходство с императором.

Первое относится к категории, к которой мы не раз обращались, когда речь шла о восточном портрете. Это книжная миниатюра. Однако, как вы понимаете, чаще всего монастырский художник, который иллюстрировал манускрипт, знал своего героя понаслышке. Слишком мало шансов на то, что ему удалось увидеть живьем императора Фридриха, даже если художник был его современником. Так что художник опрашивал знающих людей, а они ему говорили: «Рассказывают, что у нашего императора рыжая борода...».

Я привожу здесь миниатюру XIII века, изобра-

*Фридрих Барбаросса.
Прижизненное изображение в виде сосуда.*

жающую Фридриха Барбароссу, но большого доверия к ней у меня нет.

Как ни странно, я куда больше доверяю странной вещи — сосуду, изготовленному в виде головы императора Фридриха. Сосуд серебряный, в отличие от рукописи, он был призван стоять на виду в хорошем обществе. Тут уж желательно, чтобы Фридрих был на себя похож. Хотя бы формально. Так что я испытываю больше доверия к сосуду, чем к миниатюре. Может быть, ошибаюсь.

Кстати, как на миниатюре, так и на сосуде борода у императора короткая. Думаю, что такое совпадение вряд ли случайно. Наверное, она была очень рыжей, если запомнилась современникам. Но уступала по размерам «Синей бороде».

Отряд амазонок, организованный Элеонорой, оказался неудачным приобретением для французской армии. У дам был громадный обоз, который включал парикмахеров и камеристок, музыкантов и портных, слуг и поваров. К тому же при виде прекрасных дам рыцари забывали о благочестивой цели похода.

Армия долго ползла на восток. Наконец она пересекла Босфор. Дальше тянулись сухие горы поход становился все труднее. Армия постепенно таяла в стычках с сарацинами, но амазонки в них участия не принимали: французские рыцари не желали рисковать жизнью дам. На подходе к Эдессе, которую следовало отбить у сарацин, женский отряд чуть было не погиб со всей армией. Когда в тот день измученные войска добрались до зеленой долины, Элеонора пожелала устроить дневку, и, хотя в горах, окружавших долину, могли скрываться отряды врагов, Людовик согласился на требование жены и разбил лагерь. Опасения оказались обоснованными: пока войско отдыхало, на

крестоносцев напали сарацины. Бойня была ужасной. Французы потеряли около семи тысяч человек, и самому королю Людовику пришлось сражаться в гуще схватки.

Когда крестоносцы добрались до христианских королевств Святой земли, Людовик с облегчением оставил дамский отряд в Антиохии, которой правил дядя Элеоноры граф Роберт. Потеряв вкус к сражениям, молодая королева не утратила вкуса к приключениям. Пока набожный Людовик иссыхал под палестинским солнцем, стараясь изгнать сарацин за пределы Иерусалимского королевства, королева, которой лишь недавно исполнилось двадцать четыре года, увлеклась своим дядей; тот, в свою очередь, был очарован красотой племянницы. А так как граф Антиохийский мечтал выкроить себе королевство в Палестине, он решил воспользоваться любовью Элеоноры в своих целях: развести ее с Людовиком и выдать замуж за мусульманина — своего союзника конийского султана. Однако Элеонора не настолько потеряла голову, чтобы сменить положение французской королевы на долю одной из четырех жен «неверного».

Слухи о ее похождениях достигли наконец ушей усталого и разочарованного Людовика, который уже понимал, что единственный выход — спешить обратно во Францию, пока его подданные не забыли, что у них есть король.

Возвращение после двухлетнего отсутствия было грустным. Людовик корил жену, угрожал разводом. Элеонора знала, что если король обвинит ее в неверности, то после развода она потеряет право вновь выйти замуж. В конце концов супруги пришли к компромиссному решению: если Элеонора забеременеет и родится мальчик, то она останется королевой Франции, но если родится девочка или ребенок умрет, то супруги найдут способ тихо

разойтись, не мешая друг другу вновь вступить в брак.

Родилась дочь...

Вскоре после этого при дворе Людовика появился молодой Генрих Плантагенет, который пытался добиться поддержки короля в борьбе за английский престол. Он был на девять лет моложе французской королевы, и, хотя Элеонора была по-прежнему прекрасна, разница в возрасте была весьма значительна. Так что тесное общение и взаимная симпатия претендента на английский престол и королевы не вызвали подозрений.

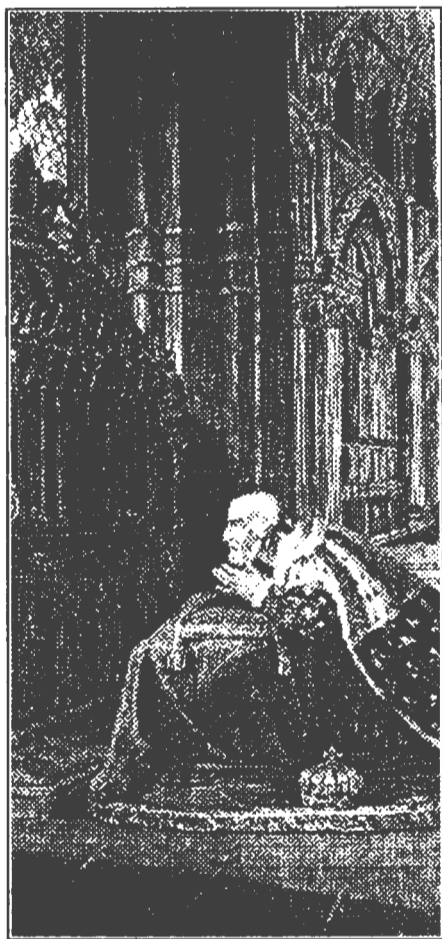
Генрих, доблестный рыцарь и в то же время один из самых образованных людей своего времени, представлял собой разительный контраст вялому Людовику, становившемуся с годами все более нудным.

Можно вообразить себе картину бурного романа, который начался у Элеоноры и Генриха, тайные свидания, встречи на охоте, клятвы и обещания, но можно и предположить, что при виде Генриха французская королева поняла, какой у нее появился шанс: сменить мужа, трон, страну... Для Генриха Элеонора — замечательное приобретение. Что с того, что Элеоноре почти тридцать. Она наследница аквитанского престола, и это позволило объединить под английской короной всю Западную Францию.

Наверное, сыграли роль и любовь, и политика.

Людовик ничего не заподозрил. В марте 1152 года папа дал королевской чете развод по обоюдному согласию, и Людовик не возражал против того, чтобы бывшей жене было возвращено приданое — Аквитания.

После развода Элеонора, одетая скромно, почти в трауре, сопровождаемая лишь несколькими слугами, отправилась домой. Людовик не провожал ее.

*Французский король Людовик VII в преклонном возрасте.
Французская гравюра XIX века.*

Как только Генрих узнал, что Элеонора прибыла в Бордо, он тут же поскакал к ней. Они не теряли ни минуты; менее всего им хотелось, чтобы шпионы Людовика узнали, зачем Генрих так спешит в Аквитанию. Уже 1 мая Генрих и Элеонора сыграли скромную свадьбу, и тут же Генрих начал готовиться к походу на Англию.

Когда известие об этом невероятном событии достигло Парижа, Людовик пришел в ярость. Его советники требовали, чтобы он немедленно вторгся в Аквитанию и примерно наказал бывшую жену. Людовик рвал и метал, проклинал тот час, когда он встретил эту распутницу, приказывал собирать армию. Затем отменял свои приказы и запирался в спальне. А время шло.

Новобрачные перебрались в Нормандию. Тамошние бароны, потомки соратников Вильгельма Завоевателя, встали на поддержку принца Генриха. Аквитанские рыцари пришли на помощь своей герцогине. На свои деньги Элеонора собрала флот в тридцать шесть кораблей и снарядила армию; без Элеоноры, без ее энергии, денег, связей, рыцарей Генриху вряд ли удалось бы добыть себе английскую корону. И Генрих отправился в Англию. Жена его не сопровождала: она ждала ребенка.

Первый сын Генриха и Элеоноры, которого они называли Вильгельмом в честь великого деда, родился в 1153 году.

На следующий год Элеонора подарила супругу еще одного мальчика — Генриха. Ричард, любимый сын Элеоноры, которому будет суждено носить прозвище Львиное Сердце, появился на свет в 1157 году. Наконец, еще через десять лет, в 1167 году, родился Джон. Последнего сына Элеонора родила в сорок пять лет.

Ее дочь Матильда станет женой саксонского герцога Генриха Льва, врага Фридриха Барбароссы.

Иоанна отдаст свою руку королю Сицилии и, подобно своей матери, отправится в крестовый поход. Младшая дочь, Элеонора, выйдет замуж за самого богатого монарха Европы — короля Кастилии.

Судя по всему, Элеонора была верна своему второму мужу и помогала ему в управлении страной. Правда, Генрих никогда не отпускал ее с государственными поручениями без какого-нибудь из своих министров, который должен был следить, чтобы Элеонора не превысила полномочий. Но так Генрих поступал не только с ней, но и с сыновьями. Он никогда никому не доверял до конца.

Сам же Генрих похвастаться верностью не мог. У него был длительный роман с прекрасной Розамундой Клиффорд, память о котором сохранилась в английских балладах. В них королева Элеонора выступает далеко не в лучшем обличье. Впрочем, это и понятно: для англичанина тех лет королева была лицом подозрительным — репутация ее оставляла желать лучшего, ее похождения в Святой земле передавались с преувеличениями, да к тому же она была иностранкой. А Розамунда была английской страдальцей.

Согласно преданиям, Генрих прятал Розамунду в башне, которая была окружена сложным лабиринтом из деревьев и кустов. Попастъ туда мог только сам король, у которого для этой цели была протянута шелковая нить. Но однажды злобная и коварная королева Элеонора выследила короля и, незамеченная, проникла в башню. В одной руке у королевы был кинжал, в другой — бутылочка с ядом. Королева убедилась, что перед ней стоит беспомощная любовница ее мужа, и предложила ей выбор: вонзить в себя кинжал или выпить яд. Прекрасная Розамунда предпочла яд.

Розамунда Клиффорд — лицо историческое. Она

понравилась Генриху, когда тому было всего семнадцать лет и он приезжал в Англию с матерью при очередной ее попытке отвоевать престол у Стефана. Розамунде было пятнадцать. Молодые люди полюбили друг друга, и, когда король вернулся в Лондон женатым человеком, он не отказался от любовных утех и построил Розамунде дом рядом со своим дворцом. Дом был невелик, и за ним раскинулся садик с лабиринтом из подстриженных кустов. Лабиринт был местом мирных прогулок. Нити, чтобы из него выбраться, не требовалось. К тому же, как справедливо заметил английский историк Томас Костэн, вряд ли можно допустить, чтобы король, единственный человек, знавший путь через лабиринт, каждый день носил возлюбленной еду в судках.

Элеонора была осведомлена о существовании Розамунды. Вряд ли королева испытывала к Розамунде добрые чувства, но и вражды не питала: у короля должны быть любовницы, на то он и король.

Плодом этой любви был Годфри, который воспитывался вместе с законными детьми Генриха.

Когда Годфри подросток, король решил сделать его епископом. Молодой человек отчаянно сопротивлялся, так как больше любил походы, сражения, турниры и прочие мужские забавы. Но пришлось подчиниться, и несколько лет Годфри страдал на епископской должности. Возможность изменить судьбу для него выпала, когда к концу жизни Генриха начались войны и в ходе одной из них вражеский отряд высадился в том графстве, где епископом был Годфри. Тот немедленно собрал пешее ополчение из своих прихожан и с такой отвагой бросился на рыцарей, что наголову разгромил их. После этого боя Генрих, встретившись с сыном, обнял его и сказал: «Ты мой настоящий

*Король с наложницей.
Миниатюра из рукописи XII века.*

сын. Остальные — незаконные». И вскоре сделал Годфри канцлером.

Но все это случится куда позже.

А Розамунда мирно доживет свои дни в доме с лабиринтом.

Решительный и прагматичный Генрих поражал придворных и народ тем, что непрестанно колесил по государству, множество раз пересекал Ла-Манш, появлялся в своих французских владениях и возвращался обратно. Такая жизнь была проклятием для придворных, потому что Генрих был непритязателен и ему было равным счетом все равно, где и как он ночует. Королевский поезд обрушивался на городки и баронские замки, как чума. Король сам проверял дела, собирал шерифов и судей, посещал мастерские и появлялся на крестьянских полях. Лишь с темнотой утомленные придворные засыпали вповалку в конюшне или в крестьянских хижинах, но не успевало подняться солнце, как их будили: король спозаранку продолжал путь...

Характером Генрих напоминал русского царя Петра Великого с его неутомимостью, умением не чураться никаких дел и страстным желанием создать великое государство. Половина тысячелетия пролегла между этими людьми, их судьбы различны, и исторические задачи сходны лишь внешне, но характеры не зависят от эпохи. Те же упорные поиски верных помощников, невзирая на их происхождение, способность искренне привязываться к человеку и неумение управлять своими чувствами. Даже разочарование, постигшее этих двух государственных мужей к концу жизни, роднит их.

Современники корили Генриха за то, что он был недостаточно религиозен. Это, очевидно, не совсем так. Он был религиозен — вряд ли оты-

щещь атеиста в XII веке, но Генрих полагал, что у него личные отношения с Богом. Мнение же его о посредниках, которые правили от имени Бога, было невысоко. В церкви во время службы он писал указы и диктовал письма, мог подняться и неожиданно уйти.

Любопытно, что Генрих был не суеверен. Известна история, связанная с его походом в Ирландию в 1172 году. Он подошел с войском к речке, посредине которой, поднимаясь серым крутым горбом, возвышался камень под названием Лехлавар. Возле речки армия остановилась: все знали о предсказании давно умершего мага Мерлина, по которому английский король, который придет завоевать Ирландию, умрет на Лехлаваре. На том берегу собрались зрители: многим хотелось поглядеть, удастся ли завоевателю уцелеть. Предсказание Мерлина не было для средневекового человека сказкой. По правилам, Генриху следовало обойти этот проклятый камень.

С того берега раздался пронзительный крик одетой в рубище старухи:

— Отомсти за нас сегодня, Лехлавар! Отомсти за людей нашей земли! Убей его!

Генрих спрыгнул с коня и решительно вошел в холодную быструю воду потока.

На обоих берегах люди затаили дыхание.

Король подошел к Лехлавару и начал взбираться на скалу. Он карабкался осторожно, он не хотел поскользнуться и сломать ногу: предсказание, сбывшееся хотя бы на четверть, уже сбылось.

Через несколько минут Генрих был на вершине Лехлавара.

Он поглядел на тот берег, где сгрудились ирландцы, и громко, на всю долину, воскликнул:

— Ну, кто еще верит басням этого Мерлина?

Генрих умел найти и приблизить людей, которых считал надежными исполнителями своей воли. К примеру, он отдал пост мэра Лондона простому суконщику Фитц-Алвину, англосаксу, а не норманну, потому, что тот был решителен, умен и пользовался популярностью среди ремесленников и торговцев. И Фитц-Алвин оставался мэром столицы двадцать четыре года.

Еще одним простолюдином, вознесенным королем, был Томас Бекет.

Его отец Гилберт Бекет был торговцем, состоятельным и богобоязненным. Сыну он смог дать хорошее по тем временам образование, отправив его в Оксфорд. Юный долговязый студент, ростом сто восемьдесят сантиметров, что делало его одним из самых высоких людей в стране, понравился архиепископу Кентерберийскому Теобальду. Тот послал его изучать теологию в Париж и Болонью. Томас провел там несколько лет. Еще одно свидетельство того, насколько широк и цивилизован был мир XII века, если юноша низкого происхождения мог учиться в трех странах.

Томас вернулся, зная не только богословие и церковное право; он говорил на нескольких языках, изучил и науки светские, в той мере, в какой они тогда преподавались. Но главное, он научился одной из важнейших средневековых наук — риторике.

Теобальд, довольный успехами Томаса, сделал его архидьяконом в Кентербери, что не требовало пострига. Бекет оставался мирянином, хотя Теобальд собирался сделать его в дальнейшем епископом. Пока же он исполнял особые поручения Теобальда, что способствовало раскрытию его способностей и росту известности в церковных кругах. Особенно он отличился, когда архиепископ послал его с секретной миссией к римскому папе, чтобы

уговорить того оказать поддержку Матильде и Генриху.

Бекет понравился королю, и эти два молодых человека, умных, образованных, честолюбивых и сильных, сблизились. В обход знатных вельмож Генрих назначил молодого архидьякона канцлером Англии.

Правда, в то время пост канцлера не был столь высок, каким он стал впоследствии. Эта должность означала лишь главенство в королевской канцелярии, где числилось всего два писца. В его обязанности входила регистрация королевских актов и проверка документов.

Обстоятельства способствовали превращению поста канцлера в один из важнейших в королевстве: с укреплением власти на местах, расширением прерогатив судов и ростом привилегий городов объем официальной переписки возрос в несколько раз. Бекет разделил громадный зал канцелярии на каморки, в которых сидели писцы, и число их в течение нескольких недель выросло до пятидесяти двух. Названная цифра может показаться смехотворно малой, однако для средневековой Англии это было первое крупное учреждение, центр информации о делах государства, нервный узел, в котором сходились все нити из графств. Молодой канцлер (в 1153 году Бекету было тридцать пять лет) проводил целые дни в своем «министерстве», принимая просителей, подписывая документы, утверждая судебные решения. Слава о деловых качествах канцлера и его влиянии на короля распространилась по всей Англии.

Зная о дружбе короля с канцлером, вся знать королевства стремилась сблизиться с Бекетом, и тот купался в лучах своей популярности. Он держал открытый стол, и ежедневно у него за обедом

собиралось несколько десятков человек. Он нанял лучших поваров, одевался у лучших портных — это был вельможа из вельмож, изысканный, образованный и деловитый. Он быстро разбогател. Хронисты обычно обходят молчанием источники этого обогащения, хотя Бекет явно использовал свое «служебное положение», ведь земель у него не было.

Король и долговязый канцлер были во многом похожи. Генрих был неутомим в делах, Бекет тоже был неутомим. Оба были тщеславны, горды, умны. Дружбе не мешала и разница в возрасте, она достаточно компенсировалась тем, что младший друг был королем. К тому же Бекет был всегда нужен Генриху: логика его была безукоризненна и он умел идти на разумные компромиссы — это качество у короля отсутствовало. Надеясь сделать сговорчивее вельмож, недовольных тем, что делами государства правит церковная крыса низкого происхождения, Генрих, отправляясь с армией во Францию, дабы в очередной войне с Людовиком Французским доказать свои права на Тулузу, поручил Бекету командование передовым отрядом из семисот рыцарей. К всеобщему удивлению, Бекет оказался умелым командиром, заставил непривычных к дисциплине рыцарей совершать трудные переходы и подчиняться его приказам. Во главе своего отряда он первым ворвался в пролом стены и захватил Тулузу. Король был доволен. Но для рыцарей их командир не перестал быть спесивым плебеем. Вынужденные подчиняться ему в походе, они делали все, чтобы очернить его в глазах короля. Особую ненависть к Бекету питал некий Реджинальд Фитц-Урс, буйный норманн, который воспринимал приказания простолюдина как личное оскорбление.

Вершиной успехов Бекета была его поездка во Францию после окончания войны. Чтобы устано

вить мир с Людовиком, который не мог простить Генриху истории с Элеонорой, английский король предложил женить своего старшего сына Генриха, которому только-только исполнилось восемь лет, на семилетней дочери Людовика от второго брака.

Посольство Бекета должно было поразить французов. Свита его состояла из двухсот рыцарей. Позади ехали восемь больших повозок, влекомых четверками коней. В одной из повозок находилась походная кухня со штатом лучших поваров, в другой — церковь, две были наполнены бочками с добрым английским пивом, в остальных хранились посуда, одежда и утварь посольства. Впереди выступали оркестр и хор мальчиков.

Генрих был в восторге, когда узнал, что Бекету удалось очаровать нелюдимого и подозрительного Людовика и получить его согласие на мир и на брак дочери с юным английским принцем. Более того, король Франции согласился отпустить девочку в Англию, чтобы она жила там до совершеннолетия, при условии, что ее наставником будет мудрый Томас Бекет.

По возвращении посольства в Лондон жених и невеста переехали в канцелярию к Бекету, и тот каждый день занимался с ними. Дети его обожали. Ни время, ни обстоятельства не смогли сломить их любви к наставнику.

Генрих прощал Бекету его страсть к роскоши. Сам он никогда не следил за своей одеждой, ему было в высшей степени все равно, как он выглядит. Поэтому иногда он любил посмеяться над вкусами друга. Рассказывают, что однажды зимой король и канцлер ехали вдвоем по узким темным улицам Лондона, беседуя о благе народа, и увидели сидевшего у стены нищего. Нищий дрожал от холода и протягивал за подаванием руку.

Генрих вдруг обернулся к канцлеру. Тот был одет в роскошную меховую шубу.

— Послушай, Томас, — сказал король, — правильно ли, что этот несчастный умирает от холода, тогда как у тебя есть несколько меховых шуб, которые ты не можешь надеть все сразу? Давай отдадим шубу нищему и сделаем благое дело.

Канцлер довольно сухо ответил, что надеть на нищего такую шубу все равно что приставить ворота Кентерберийского аббатства к лондонскому публичному дому.

Но король не унимался. Он стал стаскивать с канцлера шубу, а нищий в ужасе смотрел на то, как борются два знатных господина.

В конце концов королю удалось сорвать с канцлера шубу, и он кинул ее нищему. Правда, на следующий день Генрих прислал Бекету другую шубу, не хуже утерянной.

В 1162 году умер мудрый архиепископ Теобальд, глава английской церкви. При его жизни нередко возникали конфликты между церковью и государством, но Теобальд был склонен к компромиссам.

Смерть архиепископа встревожила Генриха. Крупнейший феодал государства — церковь, пользующаяся поддержкой Рима и стремящаяся к независимости от светской власти, станет опасным соперником, если ее возглавит чужой король-пастырь. Следовало предложить епископам и Риму кандидатуру, которая была бы удобна для короля.

Весть о смерти архиепископа Генриху, находившемуся в то время в очередном походе в Нормандии, привез Бекет. Разговор короля и канцлера происходил в саду замка. Король был в кожаных штанах и короткой серой рубаше, из рукавов которой вылезали грубые короткопалые руки. Кан-

*Архиепископ Кентерберийский и епископ Лондона —
два самых влиятельных лица в британской
духовной иерархии.*

цлер же был одет изысканно и богато. На нем был длинный, до земли, алый плащ, привезенный из Далмации. Волосы его были надушены.

Выслушав доклад канцлера, Генрих помолчал с минуту, потом сказал:

— Архиепископом Кентерберийским будешь ты.

Бекет с улыбкой поднял руку, показывая жемчужины на рукаве:

— Я слишком ярко одеваюсь, чтобы угодить монахам.

Разговор этот возобновился на следующий день. И на третий.

Бекет был взволнован. То, что сначала показалось лишь королевской шуткой, было реальностью. Старик Теобальд довольствовался вторыми ролями и не желал большего. Но если английскую церковь возглавит Томас Бекет, то он будет править страной от имени Бога и Рима. Но он не сможет быть послушным слугой короля. Потому что встанет перед выбором — король или Бог. И в случае, если не прав будет король, он поднимется выше короля.

Невозможно представить себе ход мыслей Томаса Бекета. Мы знаем лишь о результатах его решения и последующем поведении. Оно поражало современников и до сих пор удивляет историков.

Генрих и Бекет договорились, что, пока не закончится траур и не придет время выборов архиепископа, о королевском решении объявлено не будет.

Весь год, в течение которого длился траур, Бекет вел точно такую же жизнь, как и прежде. В дела церкви он не вмешивался и ничем не выдавал своих намерений.

Через год, когда подошло время епископам выбрать главу церкви, в Лондон прибыл приближенный короля Ричард де Люси и объявил еписко-

пам: король желает, чтобы архиепископом Кентерберийским стал Томас Бекет.

Последние месяцы епископы провели в грызне между собой, объединяясь во фракции, перебегая из одной партии в другую и пытаясь скомпрометировать противников. Требование короля было для епископов неприемлемым — хотя бы потому, что Томас Бекет не принял пострига и был известен склонностью к мирским радостям. Они не желали подчиняться королевскому чиновнику.

В течение нескольких дней в совете епископов шла отчаянная борьба, за которой следил весь Лондон.

А Бекет продолжал жить как ни в чем не бывало. Он целыми днями пропадал в канцелярии, порой срывался с места и ехал в дальнее графство, где его присутствие было необходимо.

Посланцы короля, умело пользуясь раздорами среди епископов, постепенно добились своего. Скрепя сердце епископы проголосовали, как следовало.

Бекету сообщили, что отныне он — глава церкви и второй человек в государстве. Сын торговца, ранее полностью зависевший от королевской милости, стал представителем Бога в Англии. 3 июня 1162 года Томас Бекет принял постриг и стал архиепископом Кентерберийским.

Генрих был доволен. Он добился своего и теперь ждал, когда его старый друг займется делом — приберет к рукам церковь.

В стране, где все без исключения были глубоко верующими, влияние церкви чувствовалось во всем. Человек мог быть разбойником и убийцей, но он никогда не терял надежды, что в конце жизненного пути сможет добиться прощения, потому что верил в загробную жизнь и трепетал перед адом.

В то время в Англии как грибы росли монас-

тыри. Считается, что только за годы правления Генриха II было основано более ста монастырей, то есть ежегодно открывалось по три монастыря. Однако подавляющее большинство их принадлежало иностранным орденам, пришедшим из Франции, и управлялись они норманнскими аббатами. А так как монастыри были крупными феодалами, владения которых все время увеличивались, для экономики страны они далеко не всегда были благом: большие средства, выкачивавшиеся ими в Англию, утекали за Пролив. Уставы монастырей рознились и нарушались в зависимости от характеров настоятеля и монахов. Зачастую монастыри превращались в капища разврата. Самым богатым был бенедиктинский орден, владевший обширными земельными угодьями и множеством крепостных.

Монастыри цепко держались за право убежища: любого преступника монастырь мог укрыть в своих стенах и светская власть не имела права его забрать. Такой человек мог с помощью монахов добраться до побережья, там он получал малую толику денег и оказывался на судне, уходившем к берегам Франции, или он мог остаться в монастыре, пока не минует опасность. В монастырях, которым было выгодно содержать беглецов, потому что они были даровой рабочей силой, скрывались тысячи людей, объявленных вне закона, некоторые из них частенько покидали стены монастырей, чтобы грабить и воровать, а затем скрывались там вновь.

Яркой иллюстрацией состояния дел в монастырях может служить канон клюнийского монаха Петра (середина XII века), в котором тот давал советы монахам.

Некоторые пункты этого канона касаются гастрономических забав монахов. Например, такой: «Запретить монахам на третий день недели, по

средам, есть диких уток и водяных курочек, ибо они относятся к породе птиц, хотя и плавают». Хитрость монахов, окрестивших уток рыбами, для того, чтобы не оскорбиться, была весьма распространенной. «Запретить монахам принимать пищу более трех раз в день». Или о привычке к роскоши: «Запретить монахам носить украшения и драгоценные камни, а также содержать более двух слуг».

Ряд пунктов касался монашеского обета безбрачия. Петр Ключийский прозрачно намекает на нравы в мужских монастырях, советуя: «Запретить оставаться с молодыми женщинами в ночные часы...», «Запретить монахам брать на воспитание обезьян...», «Запретить уединяться в кельях с послушниками под предлогом обучения их молитвам...».

Изобретательность тоскующей монашеской плоти была неисчерпаема.

И это дало основание Петру Ключийскому, направившему острие своего гнева против бенедиктинцев, подытожить: «Обитатели, воздвигнутые благочестивым святым Бенедиктом для нравственного улучшения христианского общества, забыли святой завет основателя и превратились в блудища Содома».

Среди церковных мыслителей и князей церкви в те годы ширилось движение за очищение церкви от скверны, создавались нищенствующие ордены, основывались монастыри со строжайшими уставами.

Вскоре после своего назначения Бекет совершил поступок, удививший всю Англию.

Он явился в королевский дворец, который в отсутствие Генриха занимал его сын Генрих-младший, двенадцатилетний мальчик, боготворивший

своего наставника. На Бекете, которого все привыкли видеть роскошно одетым, была бедная монашеская ряса, и подпоясан он был веревкой. Он вошел в зал, где за столом сидел его ученик, и положил на стол печать канцлера. Бекет сказал, что новый пост не дает ему возможности долее выполнять обязанности канцлера и он освобождает себя от них.

Мальчик ничего не понял, но придворные были встревожены.

— Обсудил ли господин архиепископ этот вопрос с королем? — спросили его.

— Нет, — ответил Бекет. — Но это не играет роли.

И покинул дворец.

В последующие недели слухи, один удивительнее другого, расходились по Лондону. Новый архиепископ все время постится и даже носит вериги. Он выбросил все роскошные одежды и питается сухим хлебом. Он приказал вынести из своего дома мягкую мебель, ковры и подушки и спит на голой скамье. Каждый день он приглашает за свой скромный стол тридцать нищих, моет каждому из них ноги, кормит и дает потом по пенсу. Он, лучший шахматист в Англии, выкинул доску и фигуры и заявил, что шахматы — греховное занятие, как и любая другая игра.

Затем Бекет начал действовать. И действия его были направлены на усиление церкви, то есть на ослабление государства. Первым делом он велел духовным судам рассмотреть все дела об изъятии церковных земель начиная со времен норманнского завоевания. Суды быстро доказали незаконность изъятий, и Бекет велел новым владельцам вернуть земли, а так как те сопротивлялись, некоторые из наиболее упрямых баронов были немедленно отлу-

**Монах рядом с проституткой в калодках
(миниатюра XII века). Томас Бекет не признавал права
светских властей наказывать монахов.**

чены от церкви, что представляло в те времена нешуточное наказание.

Генрих, узнав об этих событиях, поспешил в Англию. Он не хотел в них верить. Томас Бекет встречал его на берегу. Генрих был поражен, увидев, как его друг изменился за какие-то несколько месяцев. Он постарел лет на десять и страшно похудел. В сорок четыре года Бекет казался стариком. Он смотрел на короля в упор. Это был взгляд врага. Генрих понял, что слухи, поразившие его, правдивы. Не разговаривая с архиепископом, он тут же направился во дворец. Он был зол на себя за то, что не раскусил канцлера раньше. Он потерял слугу и приобрел соперника, тщеславие которого было равно его собственному.

Попытки короля разубедить старого друга, помириться с ним ничего не дали. Тогда Генрих начал борьбу с архиепископом. И первым делом ударил по его карману. Он приказал Бекету отказаться от духовных постов, которые приносили ему немалые доходы. Бекет отказался от постов. Король назначил настоятелем находившегося по соседству с Кентербери монастыря распутного и бессовестного норманна Клерамбо, о котором было известно, что в окрестностях этого монастыря у него насчитывалось не меньше дюжины незаконных детей.

Затем король потребовал отмены духовных судов, которые были на редкость пристрастны и открыто покровительствовали преступникам в рясах.

В ответ на это Бекет разрешил знатному норманну Филиппу де Бруа, убившему отца обещанной им девушки, спрятаться в монастыре, что было открытым вызовом королю. Действительная вина рыцаря никого не интересовала. Бекет желал доказать силу церкви, король — силу государства. Победил Бекет: рыцаря судил духовный суд, и тот отделался штрафом.

Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения Генриха. Он буйствовал во дворце, крушил посуду и мебель, катался в ярости по полу и рвал на себе волосы. И именно в тот день он сказал так, чтобы слышали все: «Отныне между нами все кончено».

Страна разделилась.

Знать, кроме тех баронов, что были обижены королем, приняла сторону Генриха. Бекет мог рассчитывать на поддержку в городах.

В этом конфликте с самого начала был весьма ошутим социальный аспект. Бекет был простолюдином, горожанином, представителем нового слоя, приобретающего в Англии все большее значение. Хотя он формально не защищал права крестьян и горожан, а выступал за монахов, репутация которых была невысока, в нем фокусировалась сила, способная бросить вызов аппарату угнетения, с которым в глазах народа ассоциировалось государство. Он бросал вызов королю, его спесивым баронам и корыстным шерифам. Церковь, несмотря ни на что, была представительницей Бога, а значит, защитницей. Бекет олицетворял собой церковь воинствующую, стоящую на страже справедливости; и пусть справедливость была односторонней, она существовала. И поэтому слава Бекета, легенды о его святости распространялись по стране. Бекет становился кумиром народа, а это бесило не только Генриха, но и верхушку английской церкви, тесно связанную с феодальной элитой.

Конфликт между королем и архиепископом был не только внутренним делом Англии. За ним внимательно наблюдали враги и союзники. В первую очередь король Франции Людовик VII и Александр III, прошедший свой на удивление долгий срок на папском престоле в борьбе с римским народом, германским императором Фрид-

рихом Барбароссой, сицилийскими норманнами, итальянскими городами, еретиками.

Ситуация в Англии была для папы выгодна, но требовала осторожности. Генрих, которого не интересовали итальянские дела, был нужен Александру III как союзник и хозяин королевства, дававшего папскому двору немалые доходы. И хотя архиепископ Кентерберийский боролся именно за интересы церкви и за доходы папского двора, это не означало, что папа всегда стоял на его стороне. Он поддерживал Бекета лишь тогда, когда это ему было выгодно, в частности для того, чтобы оказывать давление на Генриха. Поэтому несколько раз случалось, что, предав Бекета, папа затем спохватывался и выступал в поддержку дерзкого архиепископа. И это позволяло ему как бы оставаться ниц схваткой.

Тем временем борьба между соперниками разгоралась. По настоянию короля епископы собрались, чтобы рассмотреть требование короны о лишении духовных судов их прерогатив. Но тут король перегнул палку — епископы побоялись лишиться судебных доходов и иммунитета. Бекет выиграл раунд.

Король не сдался. Он собрал не только епископов, но и светскую знать и сумел склонить чашу весов на свою сторону. Результатом была принята в 1164 году Кларендонская конституция, которая определяла, что в отсутствие епископа доходы епархии идут государству, что государственный чиновник решает, какому суду — светскому или духовному — вести то или иное дело, что в духовном суде должен присутствовать представитель короны и что именно король — последняя инстанция во всех спорах; апелляции к папе запрещались.

Жалоба Бекета в Рим не помогла. Папа реко-

мендовал Бекету подчиниться законам страны, в которой живет.

Но Бекет менее всего намеревался сдаться. Он потребовал от папы, чтобы тот издал буллу, санкционирующую решение в Кларендоне, — только такой документ он признает как руководство к действию. Александр III был осторожен. Он отмалчивался и буллы не издавал.

По всей стране судебские чиновники стали извлекать из монастырей преступников и жестоко карать их. Более того, они начали проводить процессы задним числом, приговаривая к повешению тех, кто был ранее оправдан церковью. И в число таких людей, разумеется, в первую очередь попадали не воры и грабители, а люди, не угодившие королю, шерифу, местному сеньору. Волна казней, прокатившаяся по стране, отнюдь не усилила симпатий к Генриху, зато укрепила репутацию непримиримого Бекета.

Через восемь месяцев, убедившись, что папской буллы Бекет не получит, Генрих решил действовать более жестко. Он приказал архиепископу явиться в Нортхемптонский замок на королевский суд. Бекет собрал свою поредевшую свиту и поехал к королю. Там обнаружилось, что жилье для него не приготовлено и все дома заняты придворными. Пришлось архиепископу провести ночь в сарае на полу.

На следующий день, когда начался суд, Бекет перебрался в небольшой монастырь, стоявший за городом, и там принимал посланцев короля. А тем временем в замке король и знать, включая нескольких послушных епископов, выносили все новые приговоры.

В первый день суда архиепископа приговорили к штрафу в триста фунтов стерлингов за «оскорбление королевского суда». Сумма была по тем временам очень велика. Бекет переслал деньги

королю. На следующий день от него потребовали вернуть все деньги, которые он получил на посольство во Францию. Таких денег у Бекета не было, но он выдал вексель на них. На третий день, не скрывая торжествующих усмешек, судьи приговорили архиепископа заплатить государству суммы, которые должны были бы полагаться короне за всех епископов и аббатов, чьи места в последние годы пустовали. Такой суммой архиепископ, разумеется, не обладал. Она превышала годовой доход государства.

Король в ожидании ответа мерил широкими шагами зал заседаний. Ответ архиепископа задерживался.

— В Англии нет места для нас двоих! — вдруг закричал Генрих. — Или он, или я!

Епископы носились между монастырем и замком, уговаривая Бекета отказаться от архиепископской митры. Тогда в королевстве наступит мир, уверяли они. Бекет ничего не отвечал.

После долгого ожидания до замка донесся слух, что Бекет едет к королю в сопровождении двух монахов, неся в руке тяжелый крест.

Король тут же потребовал от вельмож и епископов, чтобы они объявили Бекета изменником и приговорили к смерти. Никто не осмелился возразить королю, но и поддержать открыто такое требование никто не решился. Епископы один за другим тихонько высказывали из зала.

Дверь распахнулась. Вошел архиепископ. Он еще более исхудал и оттого казался невероятно высок. Он держался прямо и нес перед собой тяжелый серебряный крест. Зрелище было настолько внушительным, что один из оставшихся в зале епископов подошел к Бекету и, склонившись перед ним, попросил разрешения держать тяжелый крест.

Но Бекет лишь сверкнул глазами, отгоняя робкого помощника.

— Идиот! — закричал вдруг в наступившей тишине епископ Лондонский. — Тебя всегда губила гордыня! И ты, я вижу, не раскаялся!

Бекет, словно не слыша этого крика и угрожающего гомона рыцарей, уселся на стул лицом к королю.

Король поднялся и удалился со свитой из зала.

Так прошло несколько часов. Король поужинал. Но Бекет продолжал неподвижно сидеть, не выпуская креста. Иногда к Бекету подходили наглые враги и робкие союзники. И те и другие хотели, чтобы он сложил с себя сан.

— Дитя не может судить отца, — отвечал Бекет. — Король не может судить меня. Лишь папа может меня осудить.

Из соседнего зала слышались пьяные крики. Спустилась ночь.

Неожиданно Бекет поднялся и направился к выходу. Он прошел через зал, где ужинали вельможи и епископы. Поднялся страшный шум: рыцари вопили, что он предатель, и кидали в него объедки. Но приблизиться к архиепископу никто не посмел.

На улице под холодным дождем Бекета ждала другая встреча.

Там собрался почти весь город.

Слух о том, что Бекет стоит за правду, против вельмож и злых судей, заставил горожан ждать архиепископа на улице и трепетать в страхе, что его убьют.

Отныне Бекет был святым человеком, действиями которого руководил Господь. Не будучи народным вождем, Бекет становился им. И два рыцаря, выскочившие с пьяными угрозами вслед за Бекетом на улицу, вдруг оробели перед толпой и поспешили обратно в зал.

А Бекет был в отчаянии. В те часы, которые он провел в опустевшем зале, и минуты, когда шел под градом оскорблений, он понял свое бессилие. И понял, что в Англии его заточат в тюрьму или тихо задушат. И дело будет проиграно.

И он решил добраться до Рима. В этом был огромный риск, и только быстрота могла его спасти.

Решение Бекета оказалось полной неожиданностью для короля, который продолжал спокойно пировать с вельможами, смеясь над Бекетом и полагая, что тот прячется в монастыре. Он недооценил своего противника, хотя должен был знать решительный характер архиепископа.

Когда, спохватившись на следующий день, взбешенный Генрих разослал по всем прибрежным городам приказ схватить «бывшего архиепископа, а ныне изменника и преступника, скрывающегося от правосудия», было поздно. Бекет уже пересек Ла-Манш.

Добравшись до Рима, Бекет получил аудиенцию у папы и положил перед ним Кларендонскую конституцию. Хитрый Александр заявил, что он и не подозревал о ее содержании и никак не может ее одобрить, хотя еще недавно советовал Бекету покориться. Но это вовсе не означало, что он твердо стал на сторону Бекета. Он продолжал увертываться, стараясь не испортить отношений с Генрихом и в то же время опасаясь резкого языка Бекета и его все крепнущей репутации нестигаемого борца за торжество церкви.

В течение семи последующих лет Бекет жил на континенте. Людовик VII несколько раз обещал ему начать войну с Генрихом, чтобы восстановить справедливость. Но ничего реального не сделал

*Папский двор в Риме.
С миниатюры XIII века.*

для него Бекет был лишь фигурой на шахматной доске, передвигая которую можно угрожать Генриху. Папа то посылал к Генриху кардиналов, чтобы помирить его с Бекетом, то корил Бекета излишнее упрямство и отказ от компромисса. Генрих тратил бешеные суммы на подкуп кардиналов и нужных людей в окружении папы, надеясь выкрасть Бекета или добиться папского осуждения.

Все эти годы Бекет жил на хлебе и воде. Он повторял, что служит лишь Богу. Легенды о его святости и магической силе распространялись по всей Европе и докатывались до Англии, обрастая по пути все новыми и новыми деталями. Бекет стал надеждой всех англичан, недовольных королем и вельможами, он стал знаменем для того крыла духовенства, которое боролось за очищение церкви от скверны.

Бекет продолжал бороться, он писал страстные послания, которые достигали Англии, он грозил королю отлучением, и лишь папа смог удержать его от этого крайнего шага.

В течение этих лет Генрих продолжал укреплять свои владения во Франции, присоединил Ирландию, привел к покорности Шотландию. И неожиданно для многих он объявил о желании короновать своего старшего сына Генриха. Генриху-младшему было в то время пятнадцать лет, и король был еще совсем не стар. В 1170 году ему исполнилось тридцать семь лет. Он был здоров, энергичен и предприимчив, как прежде.

Генрих не намеревался отказываться от престола. Он задумал другое.

В Европе было несколько королей и лишь два императора — император Византии и германский император Фридрих Барбаросса. Оба они считали себя наследниками римских цезарей.

Генрих решил создать третью империю — Британскую.

Титул императора он предназначал себе. А сыновей — их было четверо — хотел сделать королями. Для этого у него были королевства Английское, Ирландское, Шотландское и владения во Франции.

Добиться этого без согласия римского папы Генрих не мог: самостоятельное решение такого рода было бы узурпацией титула.

Но оказалось, что даже короновать Генриха-младшего нельзя. Возложить корону на голову английского короля имел право лишь архиепископ Кентерберийский. А им был Бекет.

Тогда Генрих обратился к папе с просьбой разрешить провести коронацию архиепископу Йоркскому, который рассчитывал занять место Бекета. После некоторых колебаний Александр III согласился.

Но как только Бекет узнал об этом, он немедленно приехал к папе и обвинил его в предательстве. Если бы слова Бекета были сказаны приватно, ничего бы не произошло. Но Бекет довел их до сведения многих, и папа понял, что не может отмежеваться от Бекета, который формально оставался главой английской церкви. Лишить его сана тоже было нельзя, потому что для этого надо было заманить Бекета в Англию.

И папа придумал уловку. Он сказал, что отправил архиепископу Йоркскому письмо с запрещением проводить коронацию. По сей день остается тайной — было это письмо или нет. Потому что архиепископ Йоркский утверждал, что никакого письма не получал.

Но и для Генриха-младшего, и для его французской жены — воспитанников Бекета коронационные торжества не были настоящими — молодая

королева даже отказалась участвовать в церемонии, утверждая, что без Томаса Бекета она не будет законной. Король Генрих всех сломил — сопротивление вызвало в нем ярость бешеного быка. Принц Генрих и его жена были коронованы.

Но эта победа ничего королю не дала: она привела лишь к недовольству в Англии и к ссорам в королевском семействе. К тому же положение Генриха в Европе оставляло желать лучшего. Король, как и прежде, метался по своим французским владениям, редко спал дважды в одной постели, подавлял мятежи, осаждал замки, наводил порядок, но все разваливалось, как только он покидал усмиренный край. Законы феодальной раздробленности были сильнее воли короля. Он слишком рано родился, чтобы стать абсолютным монархом, и у него был упорный враг — король Франции.

Неожиданно Генрих сделал шаг, которого никто не ожидал. Он пригласил Томаса Бекета на встречу в одном из своих французских замков. Близкие Бекету люди предостерегали его от поездки, подозревая, что это западня. Даже папа опасался подвоха. Но Бекет знал своего бывшего друга лучше, чем другие. Получив приглашение, он тут же отправился на свидание с Генрихом.

Бекет тоже оказался в тупике — он был изгнанником, которого могли использовать в политических интригах, он был пастырем без паствы, вечным эмигрантом, у которого было немало возможностей незаметно погибнуть вдали от дома, потому что папа и кардиналы поглядывали на него с плохо скрываемой враждебностью: их раздражали его популярность и чрезмерное честолюбие. Кому нужен святой, который может в любой момент включиться в борьбу за папский престол?

Встреча соперников прошла на удивление сердечно. По крайней мере так показалось свидетелям,

стоявшим поодаль. Томас при всех встал на колени перед королем, признавая его верховную власть, король держал стремя, когда Бекет взбирался в седло.

Генрих предложил Бекету вернуться в Англию и возглавить церковь. Он обещал наказать тех епископов, которые нападали на Бекета и участвовали в позорном суде над ним. За это Бекет вновь коронует Генриха-младшего.

Соперники долго разговаривали, гуляя по саду замка. Верные рыцари окружили сад и оттоняли любопытных — и никто не знает, о чем говорили двое выдающихся людей, которые десять лет были ближайшими друзьями, а потом восемь — непримиримыми недругами. Но свидетели запомнили фразу, которую Бекет сказал королю, прощаясь:

— Мой лорд, сердце подсказывает мне, что больше мы с вами не увидимся.

Есть основания полагать, что Генрих рассчитывал на примирение. Не в его интересах было продолжение борьбы, расшатывавшей государство. Возможно, он надеялся, что Бекет, проведя семь лет в изгнании, образумится и ограничится церковными делами. Допустимо, что Бекет дал обещания такого рода. Иное дело — насколько он намерен был их выполнять.

Но даже если бы король и архиепископ договорились, в Англии оставались силы, ненавидевшие Бекета. Это церковная верхушка, которой не нужен был честный и суровый глава. Это феодалы, не переносившие Бекета, который олицетворял для них бунт простонародья.

Генрих мог быть широк, благороден, открыт. Но через час он превращался в мстительного, разъяренного тирана, который начисто забывал об обещаниях и клятвах, данных ранее. Зная об этом, Бекет мог предположить, что наверняка наступит

момент, когда интересы его и короля столкнутся. И мгновенно будут забыты обещания и дружеские беседы. К тому же у самого Бекета характер с годами мягче не стал. Семь лет в эмиграции закалили Бекета. Он не намеревался отказываться от своих целей.

Возвращение в Англию оказалось более сложным делом, нежели Бекет предполагал. Хотя он и получил от короля обещание возместить расходы, связанные с путешествием, и вернуть церкви доходы с архиепископских земель, которые в последние семь лет поступали в государственную казну, выполнено оно не было.

Это вызывает у некоторых исследователей подозрение, что король задумал заманить Бекета в Англию, изолировать его от папской или иной иностранной поддержки и убить, с тем чтобы после гибели Бекета организовать избрание удобного архиепископа. Но сомнительно, чтобы Генриху, если он и вправду затеял убийство, нужно было ждать, пока Бекет вернется в Англию, когда с таким же успехом можно было подослать убийц во Францию.

Скорее король надеялся на большее от встречи с Бекетом и был разочарован ее результатами. И потому не выполнил своего обещания.

Бекет взял в долг триста фунтов и нанял корабль, чтобы переправиться в Англию. Король был далеко, и разрешением вернуться следовало срочно воспользоваться. В Англии оставалось немало людей, которым приезд Бекета был не по нутру.

Самым опасным врагом был сэр Рандольф де Бро, шериф Кента, который в качестве королевского чиновника, собиравшего налоги, увел из Кентерберии весь скот и лошадей, сжег конюшни и не намеревался ничего возвращать законному владельцу.

Немалую опасность представляли и три еписко-

*Томас Бекет возвращается в Англию после семилетнего
изгнания во Франции.
Миниатюра из рукописи XIII века.*

па, которые принимали участие в коронации Генриха-младшего. Они поклялись не допустить, чтобы Бекет снова занял свой пост.

Бекет проявил себя прежним — прекрасным тактиком, быстрым на решения: он спланировал операцию как военную кампанию.

Перед тем как покинуть Францию, он послал вперед небольшое судно, на борту которого находилась девушка, переодетая мальчиком. В Дувре ее никто не задержал, и потому она без задержки прискакала в Йорк. По окончании службы в соборе «мальчик» смиренно подошел к архиепископу Йоркскому и передал ему свиток. Архиепископ развернул свиток и начал его читать. Это был приказ об отстранении его от должности.

Когда возмущенный и перепуганный архиепископ кинулся за посланцем, тот уже исчез. Формально архиепископ при свидетелях получил приказ своего начальника, и замолчать это было нельзя. Точно так же посланница в течение ближайших двух дней поступила с епископами Лондонским и Солсберийским.

После этого отплыл из Франции и сам Бекет.

Шериф де Бро установил блокаду берега и бросил своих солдат на поиски таинственного посланника, но тот как в воду канул.

Пока де Бро метался по берегу, обыскивая корабли, Бекет перешел в лодку в устье Темзы и поднялся на ней до города Сэндвича. Предупрежденные верными людьми, там его уже ждали вооруженные горожане. Когда де Бро прискакал с отрядом солдат в Сэндвич, он не решился вступить в бой с горожанами на их земле. Одно дело — убить Бекета на пустынном берегу, другое — сражаться с целым городом. Бекет передал шерифу через мэра города скрепленное королевской печат-

тью разрешение архиепископу пребывать в Англии. Отныне у де Бро руки были связаны.

От своих агентов Генрих узнал, что Бекет одурачил врагов. Короля более всего встревожило то, что от Сэндвича до Кентерберии вдоль дороги стояли тысячи крестьян, приветствуя своего кумира. И некоторые были вооружены.

Архиепископский дворец в Кентерберии встретил Бекета выбитыми окнами, разломанными полами, проваленной крышей. Не на чем было даже спать.

В течение нескольких дней Бекет приводил резиденцию в порядок и одновременно рассылал письма своим сторонникам. Кентерберии гудел, как улей. Туда спешили монахи, недовольные своими аббатами, священники, обиженные епископами, горожане с жалобами на шерифов; появились и некоторые рыцари. Все ждали, что Бекет предпримет далее.

Бекет решился. Окруженный большой толпой сторонников, которая росла по мере того, как он продвигался вперед, Бекет направился прямо в Лондон, где находился новый король Англии, которого еще предстояло короновать.

В Лондон въезжал уже не изгнанник. Главу английской церкви сопровождала вооруженная свита. У городских ворот его ждали три тысячи вооруженных горожан, навстречу вышли мэры, цехи ремесленников, гильдии торговцев. При виде Бекета люди опустились на колени.

Генрих-младший растерялся. Он боялся гнева отца, он страшился народного возмущения.

Решения принимали за него. Генрих-старший никогда не оставлял своих родственников без надзора. Королевский чиновник вышел навстречу Бекету с требованием в город не входить.

Тот не подчинился.

В воротах Лондона Бекету вручили собственноручное письмо Генриха-младшего, вырванное у того придворными. В нем король приказывал архиепископу вернуться и заявлял, что не готов с ним встретиться.

Бекет, который рассчитывал на то, что Генрих-младший осмелится послушаться отца, повернул обратно.

Во Францию, где находился Генрих-старший, неслись панические сообщения. В доносах не обошлось без преувеличений: бароны и епископы раздули попытку Бекета посетить Лондон до размеров мятежа.

К королю в Нормандию приехали взбешенные прелаты, которых отстранил Бекет. Они кричали, что, если Бекет останется в Англии, страна будет потеряна для короны. И тогда были сказаны слова.

За ужином, бушуя в гневе, проклиная непокорного Бекета и свое решение вернуть его в Англию, король воскликнул:

— Неужели я окружен одними трусами? Неужели не найдется никого, кто освободил бы меня от этого низкорожденного монаха?

Английские историки уже много столетий утверждают, что эти слова короля были вызваны вспышкой гнева, на самом же деле он ничего подобного не хотел сказать, а последующие события были вызваны тем, что верные рыцари поняли его слишком буквально. И когда король узнал, что той же ночью четыре барона — Реджинальд Фитц-Урс, Хью де Моревиль, Ричард де Бретон и Уильям де Треси — поскакали в Кале, он отправил за ними погоню. Но погоня вернулась ни с чем.

Версия эта весьма сомнительна: король мог послать в Англию других баронов, которые пресек

ли бы попытку убийц расправиться с Бекетом. Он мог предупредить Генриха-младшего, чтобы тот охранял Бекета. Ничего этого Генрих не сделал. И даже не пытался сделать.

Важно и то, что появление в Англии четырех знатных рыцарей не было тайной. Шериф де Бро знал об их приезде и сразу присоединился к ним. Поэтому нет сомнений, что операция проводилась с согласия короля.

Другое дело, что во всем этом мало логики.

Операция была непродуманной и поспешной. Покушение на Бекета, связанное с именем Генриха, ничего хорошего королю не сулило. Устранить архиепископа можно было куда тоньше.

Так или иначе, рыцари поспешили в Англию, а Бекет вернулся в Кентерберри. Положение его было отчаянным.

Наступало холодное и голодное Рождество. Шериф де Бро блокировал аббатство, чтобы крестьяне и монахи не смогли доставить архиепископу продукты, и перехватил корабль, который вез припасы из Франции.

Когда Бекет взошел на амвон и начал читать рождественскую проповедь, тема ее всем показалась странной: смерть епископа Альфреда от рук датчан. Он закончил проповедь пророческими словами: «И скоро будет еще одна смерть».

Бекет так исхудал, что казался бесплотной тенью.

Собор был переполнен народом — крестьянами со всей округи, горожанами из соседних городов, монахами окрестных монастырей. А ведь всадники Рандольфа де Бро и его брата Роберта дежурили на всех перекрестках, плетью и древками копий избивая тех, кто шел к собору. На площади возле собора валялись трупы лошадей и мулов — остатки

каравана с припасами, который был перехвачен братьями де Бро.

Бекет кончил говорить. В холодном соборе над сотнями лиц, обращенных к архиепископу, клубился пар от дыхания.

Бекет положил руку на Библию и поднял свечу.

Трепет ужаса прокатился по собору. Все знали, что отлучение от церкви проводится «свечой и книгой».

Голос Бекета загремел, улетая в вышину готического зала. Он говорил о том, что нет прощения человеку, поднявшему руку на церковь...

Все понимали, что сейчас архиепископ отлучит от церкви... Но кого? Неужели самого короля Англии?

Бекет предал анафеме братьев де Бро. Прокляв первого, он поднес к губам свечу и задул ее.

Затем он отлучил двух аббатов, известных своими преступлениями.

Снова пауза.

Бекет уходит за алтарь.

Он только предупредил. Но угроза была очевидной.

Прошло еще три дня. За это время рыцари высадились в Англии. Их встретили разъяренные братья де Бро. Можно как угодно храбриться и ненавидеть Бекета, но никогда колокола не зазвонят в твоих имениях, ни один священник не осмелится прийти к твоему смертному одру, ты будешь похоронен на пустыре...

Переночевав в монастыре святого Августина, настоятелем которого был развратный аббат Клерамбо, рыцари в сопровождении братьев де Бро отправились в Кентербери.

Наступил вторник 29 декабря. Снег несло над

полями. Рандольф де Бро созвал своих солдат. Солдаты разъехались по улицам города, загоняя жителей в дома.

В это время архиепископ сидел один в холодном зале дворца. Он обедал. Трапеза была скудна — кусок рыбы и стакан воды. Затем он ушел в спальню, где к нему присоединились гости, приехавшие в свое время в аббатство на Рождество. Их было немного: страшно и опасно было общаться с архиепископом.

У Бекета сидел и Джон Солсберийский, крупнейший мыслитель Англии, некогда близкий Генриху человек, в свое время даже возглавлявший посольство к папе римскому, и ученый монах из Кембриджа по имени Гримм.

Рыцари въехали во двор аббатства, спешили, сняли мечи и шлемы. Они хорошо пообедали, были пьяны и уверены в себе.

Двор был, как и обычно, заполнен нищими, юродивыми, крестьянами, которые хотели хоть глазком взглянуть на святого Томаса. Они грелись у костров.

Четыре рыцаря в развевающихся белых плащах, под которыми поблескивали кольчуги, прошли в спальню к Бекету.

Реджинальд Фитц-Урс сказал с порога:

— Епископ, мы привезли приказ короля.

Простой рыцарь не мог доставить архиепископу приказ короля. Поэтому Бекет отвернулся от Фитц-Урса.

Тогда рыцарь начал перечислять преступления Бекета: непослушание королю, попытка поднять восстание, снятие епископов, отлучение братьев де Бро.

Бекет все выслушал и затем холодно ответил, что он действовал с санкции папы римского, с ведома и согласия короля.

— Как! — закричал Фитц-Урс. — Ты смеешь утверждать, что король, пославший нас к тебе, лжец? Послушайте, он оскорбил короля!

— Реджинальд, — сказал Бекет, — я никогда этого не говорил.

И тут Фитц-Урс потребовал, чтобы Бекет немедленно покинул страну и никогда более не ступал на землю Англии.

Бекет поднялся. Он был на голову выше рыцарей, и голос его был спокоен.

— Я никогда не покину Англию, — произнес он, — и ни один человек на земле не заставит меня сделать это.

И добавил:

— Вы не более желаете убить меня, чем я сам хочу умереть.

Фитц-Урс схватился за пояс, но меча на нем не было. Оружие осталось во дворе.

Скорее всего у рыцарей не было четкого плана действий. Когда стало ясно, что Бекета запугать невозможно, у них остался лишь один путь — убийство.

Рыцари выбежали во двор, чтобы надеть шлемы и взять мечи.

Уже почти совсем стемнело.

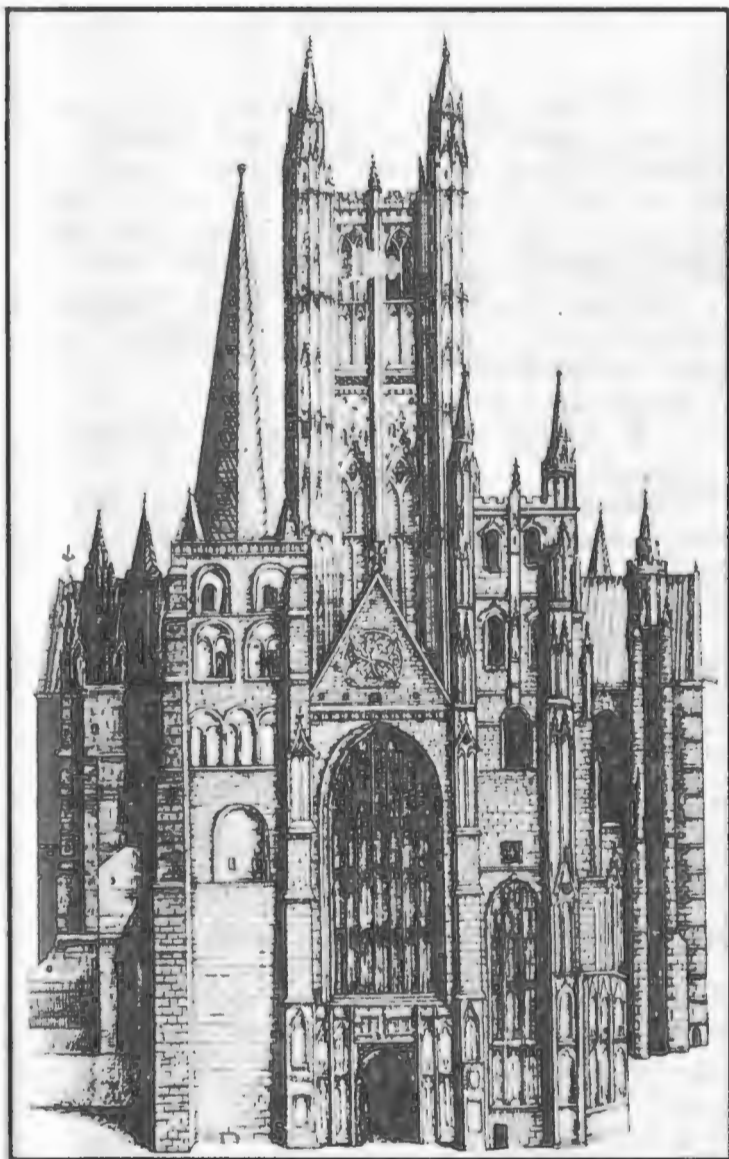
Рыцари подбадривали себя боевыми криками:

— К оружию! За короля!

Нищие и крестьяне в ужасе разбежались со двора, но у ворот их встречали солдаты братьев де Бро и гнали обратно. Заговорщики боялись, что если в городе узнают о нападении на Бекета, то народ бросится его спасать.

Монастырские служки кинулись к окнам и дверям, выходящим во двор, и заперли их. Одинокий колокол звонил к вечерне.

Томас Бекет стоял у себя в комнате совсем один — куда-то делись остальные монахи, куда-то

Кентерберийский собор в средние века.

исчезли его гости. Казалось, он ничего не слышит. Наступил момент главного испытания. Готов ли он к смерти или должен бежать, унижая бегством ту высшую справедливость, носителем которой себя почитал? Никто не знает, о чем он думал в эти минуты. Был ли он фанатиком, шедшим на смерть ради идеи, или великим актером, который должен был сыграть последний акт трагедии?

Прибежали монахи — они стали уговаривать Бекета скрыться в церкви, куда убийцы, вернее всего, не посмеют войти.

Вдруг Бекет очнулся.

— Я должен служить вечерню, — произнес он. Монах нес перед ним свечу.

Послышались крики. Рыцари бежали по коридору, соединявшему дом с церковью, разгоняя ударами мечей монахов, которые старались их остановить.

Монахи пытались вывести Бекета на боковую лестницу, невидимую в темноте. Она вела в часовню, о которой рыцари не знали.

Но архиепископ вырвался из рук монахов.

Он схватил крест и направился к архиепископскому креслу, что стояло на возвышении у колонны. Монах Гримм взял у него тяжелый крест и пошел впереди.

Ворвавшись в храм, рыцари остановились, стараясь разобраться в мелькании черных теней.

— Где изменник? — закричал Фитц-Урс.

Из темноты отвечали:

— Я здесь. Но я не изменник. Я архиепископ Кентерберийский и служитель Господень. Что тебе надо?

В этот момент слышались шаги в коридоре: солдаты де Бро не смогли удержать в домах жителей Кентербери. Не обращая внимания на побои, люди бежали в собор с криками:

— Они убивают нашего отца!

Хью де Моревиль бросился навстречу горожанам, размахивая двуручным мечом. Он вопил, что убьет каждого, кто сделает шаг вперед.

Горожане не посмели драться с вооруженным рыцарем, но зато сотни глаз увидели то, что должно было остаться покрытым мраком.

Первый удар нанес де Треси. Но Гримм принял удар на себя и, обливаясь кровью, упал на пол.

Следующим ударом де Треси разрубил плечо Бекету. Подоспевший де Бретон вонзил меч в грудь Бекета, и тот рухнул.

Прибывший на помощь рыцарям де Бро раскроил Бекету череп.

Затем, подняв окровавленный меч, он закричал на весь собор:

— Изменник мертв!

Гром и молния не поразили убийц. Тишина стояла в гулком соборе. Никто не ответил страшному де Бро. Серыми тенями в черноте рыцари вышли из зала. Люди расступались, молча жались к стенам.

На дворе шел густой снег. Рыцари сели на коней и поскакали прочь. Следом за ними скакали солдаты шерифа.

К утру они были в замке Моревилья, и замок встретил их молчанием. Невероятно, но той ночью слух о смерти Бекета несся по стране быстрее, чем всадники. В замке уже знали, что случилось.

Но если убийцы, охваченные суеверным страхом, все же побаивались удара молнии, то брат шерифа Роберт де Бро не бежал со всеми. До поздней ночи его люди взламывали сундуки и ящики архиепископа в поисках ценностей. Они не только увезли посуду и бумаги Бекета, но даже сорвали со стен обивку и навалили на повозки церковную мебель.

Когда мы говорим о роли религии в жизни человека средневековья, о его трепете перед Богом, нельзя забывать, что этот трепет сочетался с уверенностью даже самого жестокого из преступников, что перед смертью он сможет замолить грехи и откупиться от ада.

Отлученный от церкви, граждански уничтоженный, Роберт де Бро всю ночь спокойно грабил архиепископский дом и собор, не испытывая никаких угрызений совести. Правда, братья де Бро отличались удивительным душегубством.

И только когда последний солдат де Бро покинул Кентербери, один из друзей архиепископа осмелился вернуться в собор.

Бекет лежал лицом вниз в большой луже крови.

В собор начали стекаться монахи. Они крались, словно были преступниками, они говорили шепотом, и тонкие свечи дрожали в их руках. Долго не решались повернуть Бекета на спину.

Удар де Бро был столь жесток, что думали: ничего от лица не осталось.

Но лицо было чистым и спокойным. В робком пламени свечей померещилось даже, что Бекет улыбается.

Голову перевязали, затем перенесли Бекета в алтарь. Вокруг загорелись сотни свечей. К тому времени собор уже был полон народу. Те, кто убежал оттуда в самый страшный момент, теперь вернулись. Наступал рассвет.

На следующее утро один из монахов сказал, что ночью к нему явился Бекет. Монах спросил его: «Разве вас не убили?» И Бекет ответил:

— Меня убили, но я восстал из мертвых.

И с этими словами, окруженный ярким сиянием, архиепископ поднялся в небо.

Ни один человек не усомнился в правдивости этих слов.

А в толпе, наполнившей собор, какая-то женщина, которая уже много лет была калекой, закричала, что выздоровела, и отбросила костыли. Тут не могло быть жульничества: эту женщину в городе знали все.

Люди, наполнившие собор, рухнули на колени, славя Господа. Те, кто не смог протиснуться в собор, опускались на колени в снег. А народ все шел и шел, потому что жестокие господа, боясь правды, убили народного заступника, святого человека. Боясь, что убийцы вернуться, монахи на следующий день перенесли тело в склеп и замуrowали гроб кирпичной кладкой.

Когда новость достигла Лондона, князья церкви не могли скрыть своего восторга. Архиепископ Йоркский, который полагал, что отныне с него отлучение снято, взобрался на амвон и публично объявил, что Бекет поражен рукой самого Господа. Эту проповедь в той или иной форме повторили все основные епископы страны. Они требовали выбросить тело Бекета — как гнусного изменника и преступника.

Выполнить требование епископов решил шериф Рандольф де Бро. Пока его сообщники отсиживались по замкам, готовясь незаметно вернуться во Францию, он поспешил обратно в Кентербери, чтобы захватить тело изменника и бросить его собакам.

Надо отдать должное этому негодяю: он никогда не прятался за спины других. Совершая очередную мерзость, он всегда был впереди.

Солдаты де Бро с трудом пробились сквозь толпы людей к собору, но в тесном душном склепе они не нашли тела архиепископа. Де Бро пришлось вернуться ни с чем.

В первые недели, когда Бекета оплакивали сотни тысяч людей, лондонские власти твердили,

что Бекет — государственный преступник, казненный по воле государя. Был издан указ о том, что любой священник, упомянувший имя Бекета в проповеди, будет высечен розгами. Отряды шерифа де Бро были срочно усилены солдатами из Лондона. В самом Кентерберийском соборе было запрещено вести службу.

Но постепенно поток ненависти стал иссякать. Рядовые священники, презрев угрозы, произносили проповеди в честь Бекета, пилигримы тянулись со всех сторон в Кентербери. Генрих-младший неожиданно для советников заявил, что не простит отцу смерти своего наставника, молодая королева открыто обвиняла в его смерти королевских министров и не скрывала презрения к архиепископу Йоркскому. Сторону Бекета приняла и Элеонора Аквитанская.

А из-за границы приходили все новые вести, одна удивительнее другой. Муж Иоанны, дочери Генриха II, король Сицилии Вильгельм, приказал воздвигнуть статую Бекета в своей столице, король Франции Людовик не только провозгласил траур по архиепископу, но и объявил о своем желании приехать в Англию, чтобы поклониться праху святого. На следующий год французский король прибыл в Кентербери и помолился на могиле Бекета. Он привез золотую чашу и большой бриллиант для украшения надгробия. Наконец стало известно — и это окончательно ввергло в растерянность правительство, — что римский папа рассматривает вопрос о причислении изменника к лику святых. Что и было сделано через два года после гибели Бекета.

К сожалению, историческая справедливость далеко не всегда торжествует. И хотя посмертная слава Бекета была велика, его убийцы, несмотря на то, что существует множество легенд об их страшной судьбе,

остались живы. В течение нескольких лет они отсиживались у себя в замках, а затем король вернул их на службу. Возможно, он так поступил, признавая свою ответственность за смерть Бекета. Ведь, казалось бы, чего проще — сделать убийц козлами отпущения и остаться чистым в глазах современников и потомков. Но Генрих отлично понимал, что наказывать убийц, в сущности, бессмысленно. Это будет попытка оправдаться за чужой счет. Она никого не обманет. Да и кого наказывать, а кого миловать? Что делать с братьями де Бро? Что делать с епископами, которые кричали с амвонов, что Бекет изменник? Что делать с собственными министрами, которые грозили казнями любому, кто приблизится к месту гибели Бекета? Все выполнили его приказ, который не был отдан, но который очень хотелось выполнить.

Разумнее всего было показать миру, как сильно удручен английский король смертью Бекета, как безжалостно он казнит себя.

Да и в самом деле, вряд ли Генрих чувствовал облегчение от смерти бывшего друга. Политический и моральный урон, который понес он, был невосполним. Отныне любое бедствие или неудача рассматривались как кара за убийство Бекета. В те дни, когда феодалы и высшее духовенство глумились над памятью Бекета, король вел себя иначе. При получении вести о смерти архиепископа он ушел в опочивальню и трое суток не выходил оттуда, отказываясь принимать пищу.

Генрих понимал, что смерть Бекета нанесла непоправимый удар по его планам создать великую империю. Отныне он стал убийцей, который даже не сумел замести следы своего преступления. Над ним нависла угроза интердикта: папа мог в любой момент отлучить от церкви его и всю Англию.

И вот на третий день своего добровольного

заточения Генрих понял, что в округе молчат колокола.

Он выбежал из опочивальни и бросился к придворным, ждавшим у дверей.

— Почему молчат колокола? — закричал он. — Наложен интердикт?

— Да, — сказали придворные.

Архиепископ Нормандский, не ожидая указания из Рима и не сомневаясь, что оно последует, наложил интердикт на все владения Генриха во Франции. Отныне в землях Генриха нельзя открывать храмы: церковь отвернулась от короля.

Узнав о том, что самое худшее еще не случилось и интердикт должен быть утвержден в Риме, Генрих скинул с себя оцепенение и повелел архиепископу Руанскому немедленно отправиться в Рим, с тем чтобы уговорить папу не накладывать интердикта. Любой ценой, давая любые обещания.

Посольство провело несколько трудных недель в Риме. Александр III был весьма огорчен смертью крупного церковного деятеля и не намерен был допускать подобное в будущем. Он сам укрылся на пять дней в своих покоях, никого не принимая и молясь за упокой души Бекета. Но послы постепенно сломили сопротивление папы. И это понятно: Александр желал получить максимальную выгоду от раскаяния короля и держал интердикт над головой Генриха, как топор палача.

Пройдет несколько лет, и в отчаянии от бесконечной семейной войны стареющий Генрих начнет искать причины своих бед. И придет к выводу, что это посмертная месть Томаса Бекета, прощения у которого он так и не вымолил.

И тогда он прервет военную кампанию и отправится в Кентербери.

...Не доезжая до города, король спешился,

переменил одежду на власяницу и плащ пилигрима и босиком, с опущенной головой пошел к собору.

В соборе король упал на камни, которые хранили память о крови Бекета, затем спустился и склеп и начал говорить с духом Бекета. Он публично повинился в том, что, хотя сам никогда не желал смерти архиепископа, неосторожными словами вызвал эту смерть. И потому молит о прощении.

Затем король поднялся наверх и приказал, чтобы каждый из его свиты нанес ему пять ударов хлыстом, а каждый монах — три. Король вынес несколько сотен ударов, и его спина была окровавлена. Затем он еще целые сутки просидел в соборе, и каждый мог войти и увидеть, как кается грозный властитель.

Потом он поднялся, босиком вышел из города и вернулся к войскам. Этот сильный и решительный человек был человеком средневековья. И он верил, что теперь, когда он низко склонил голову перед духом Бекета, все изменится к лучшему. Но этого не случилось. То ли потому, что Бекет не простил его, то ли потому, что не услышал.

ОСЕНЬ КОРОЛЯ

Первая половина семидесятых годов — вершина политических достижений короля Генриха и его военного могущества. Ресурсы государства, включавшего Англию и западную половину Франции, были настолько велики, что Генрих оказался сильнейшим государем в Европе. Единственный, кто мог соперничать с ним, был Фридрих Барбаросса, однако тому приходилось непрерывно сражаться против собственных вассалов и союзов, организованных римским папой. Известно, что германские князья посылали к Генриху агентов, рассматривая его как возможного преемника Барбароссы в качестве императора Священной Римской империи.

И все же достижения Генриха II таили в себе упадок дальнейших лет. И главная опасность исходила изнутри его государства.

Прошло всего два года со дня смерти Бекета.

К этому времени подросли сыновья — надежда английского монарха*. Занятый своими делами, Генрих не часто сталкивался с сыновьями. Они

* В этой книге я старался придерживаться того написания имен, которое установилось в русской исторической литературе. Правда, за некоторыми исключениями. Младшего сына Генриха II у нас принято именовать Иоанном Безземельным. Я принял английское написание — Джон. То же самое относится к его сводному брату Годфри, которого часто именовали Жоффруа.

воспитывались под крылом Элеоноры, которая все более отдалялась от мужа.

Элеоноре было пятьдесят лет, она еще не потеряла своей знаменитой красоты, но то была красота немолодой женщины. Двадцать лет исполнилось Генриху-младшему, королю Англии, который мог править лишь настолько, насколько ему позволяли это министры отца. Он был человек слабый, неустойчивый в своих вкусах и намерениях, подавленный двумя сильными личностями, которые боролись за власть над ним, — отцом и матерью.

События, связанные со смертью Томаса Бекета, глубоко травмировали его. Чувство вины переплеталось в нем с сознанием собственного бессилия. В государстве все были бессловесными слугами Генриха-старшего, который полагал необходимым подавлять любую самостоятельность не только простых подданных, но и подданных высшего ранга — собственных детей. Был случай, когда Генрих отправил Элеонору в ее герцогство, где она давно уже не была. Аквитания была охвачена народными волнениями из-за притеснений норманнских чиновников, которые правили от имени короля. Однако все попытки Элеоноры помочь своим соотечественникам наталкивались на сопротивление чиновников Генриха. Генрих открыто принял сторону норманнов.

В конце концов Элеонора возмутилась и уехала обратно в Англию. Она не желала быть пешкой и надежды на реванш связывала с сыновьями. Генрих-младший был ее союзником, правда, ненадежным, так как боялся, что в гневе отец может лишить его трона. К тому же он с опаской смотрел на своих братьев: неизвестно, кто из них завтра будет фаворитом. И уж совсем не выносил он Годфри — незаконного сына Генриха от прекрас-

ной Розамунды, так как знал, что отец покровительствует ему.

К середине семидесятых годов подросток и Ричард. Он был самым красивым и сильным из братьев. Элеонора обожала его. Ричард не блистал умом, его занимали лишь турниры и охота. Он был привязан к матери и всегда был готов встать на ее защиту.

Годфри-законного, погодка Ричарда, рано женили на наследнице герцогства Бретань, и он жил отдельно от братьев. О нем известно меньше, чем об остальных.

Толчком к назревавшему конфликту послужило появление при английском дворе Алисы, дочери короля Франции, которую прочили в невесты Ричарду. Девочку привезли в Англию, когда ей было пять лет, а Ричарду — немногим больше. При дворе тогда уже жила ее старшая сестра, невеста Генриха-младшего. Однако если Генрих подружился с невестой, то у Ричарда дружбы с Алисой не вышло.

Девочка прожила в Лондоне почти десять лет, когда было решено сыграть свадьбу.

Но этому воспрепятствовал Генрих-старший.

Уже несколько месяцев во дворце ходили слухи, что король равнодушен к юной принцессе, некрасивой, но очень умной, живой, очаровательной. Король долго не замечал, как взрослеет принцесса, а когда заметил, вдруг понял, что это именно та девушка, которую он давно искал.

Жизнь в средневековом замке или дворце шла открыто, у всех на виду. Вместе ели, вместе веселились, в коридорах всегда толпились придворные, стражники и просители, даже в спальне с королевами ночевали служанки. Генрих принимал массу предосторожностей, чтобы скандальный роман с юной девушкой не стал достоянием гласности. Он придумывал всяческие предлоги для того, чтобы

Алиса оказывалась с ним в поездках, вечерами он подолгу задерживал на государственном совете баронов, чтобы потом, когда все уже уснут, тайком доскакать до дома Алисы. Но, разумеется, весь двор знал об этом, а вскоре узнала и Элеонора.

Есть старая французская поговорка: «Королевам не изменяют с королевами. Королевам изменяют с горничными». Так вот, пока Генрих изменял Элеоноре с горничными, она смотрела на это сквозь пальцы, потому что такие измены не угрожали ее положению. Иное дело — роман Генриха с французской принцессой. Если так дело пойдет и дальше, король может решиться на развод, он не стар, ему едва за сорок, будут другие дети, и пострадает не только брошенная мужем Элеонора, пострадают сыновья.

Элеонора поделилась своими опасениями с сыновьями. Те были полностью на стороне матери. Особенно был возмущен жених Алисы Ричард, нелюбовь которого к отцу превратилась в ненависть.

Роман Генриха с Алисой продолжался еще долгие годы. Король никому не отдал свою возлюбленную. А французская принцесса полюбила английского короля. Впоследствии Генрих с Алисой открыто жили как муж и жена, однако у Генриха не было легальных оснований для развода. Он не мог обвинить жену ни в неверности, ни в бесплодии. Целых пятнадцать лет, до самой смерти Генриха, французская принцесса не расставалась с ним.

У них родился ребенок, но умер в младенчестве*.

* Упоминание о нем есть в письме Ричарда Львиное Сердце королю Франции Филиппу, брату Алисы. Филипп требовал, чтобы Ричард женился на его сестре, которая после смерти Генриха стала непонятно кем — то ли вдовой, то ли невестой. На это Ричард ответил, что он не может жениться на сожительнице отца, от которого у нее был ребенок, его брат, так как это будет большим грехом.

Противоречия в английской королевской семье все накапливались. Они подкреплялись тем, что каждый из сыновей Генриха был обладателем собственных наследственных владений. Пытаясь создать империю, Генрих передал сыновьям в управление отдельные земли. Феодалы Генриха-младшего были в Англии, Годфри владел Бретанью, Ричард с Элеонорой могли рассчитывать на помощь рыцарей Аквитании.

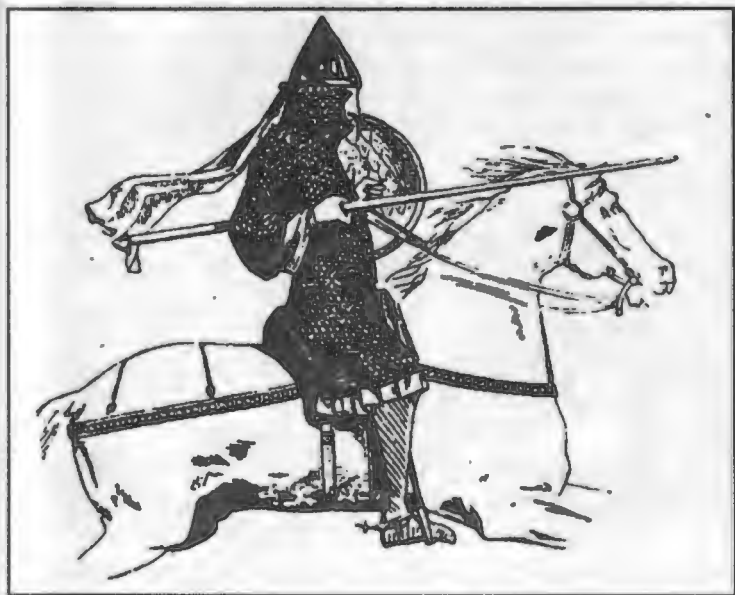
Взрыв произошел в середине семидесятых годов, когда Генрих и его семья съехались в Лиможе. Сюда прибыли некоторые итальянские и французские князья, связанные с Генрихом союзными или родственными узами, а также могущественный граф Раймунд Тулузский, союз с которым был крайне важен для Генриха, так как земли Тулузского графства примыкали с юга к владениям Генриха и союз с Тулузой предрекал французскому королю Людовику жалкую участь.

Именно Раймунд, как говорят, и сообщил доверительно Генриху, что против него существует заговор сыновей, которым руководит Элеонора.

Генрих воспринял предупреждение серьезно. Его собственные шпионы уже несколько месяцев доносили об обмене гонцами между женой и сыновьями. Предупреждала об опасности и Алиса. Но трудно поверить в то, что против тебя готовы подняться собственные сыновья и даже любимец, наследник престола, Генрих-младший.

После ужина, к изумлению гостей, Генрих приказал собираться: ночью отбываем в Нормандию. Никто не мог понять, что случилось, но Генрих, как всегда, действовал решительно. В Нормандии стоит его армия, там надежные замки с верными гарнизонами.

С рассветом невыспавшиеся, дрожащие от холода придворные и вассалы, сыновья и министры

Конный рыцарь XII века.

сели на коней или погрузились в повозки, и длинный поезд двинулся на север, к замку Шинон, самой могучей цитадели королевства.

Король, мрачный, как туча, скакал впереди, ни с кем не разговаривая. Поздно вечером добрались до Шинона, пересекая за день все графство Пуату. Король приказал накрывать на стол, а сам уединился в опочивальне. Никто не смел войти к нему.

Наконец король вышел в главный зал замка. В отличие от других замков, в Шиноне этот зал был круглым, и высокий купол терялся в темноте.

Король оглядел длинный стол. Людей собралось меньше, чем он ожидал увидеть. Нет нескольких баронов и десятка рыцарей... Пустует место Генриха-младшего.

— Где Генрих?

Ответила Элеонора:

— Он не смог прибыть в Шинон. У него другие дела.

А в это время Генрих-младший, которому мать приказала срочно скрыться, ибо отлично понимала, что неожиданный переезд в Шинон означает, что заговор раскрыт, в сопровождении верных рыцарей скакал в Париж, к французскому королю.

Генрих улыбнулся и уселся за стол рядом с женой.

Внешне жизнь в замке шла мирно, после паники первого дня Генрих взял себя в руки и делал вид, что ничего не произошло. Как кот в засаде, он ждал, что сделают мыши, трепещущие под его взглядом.

На третий день нервы у Элеоноры не выдержали.

В мужском наряде, в сопровождении всего одного слуги она ночью выбралась из замка и поскакала в Аквитанию. Но Генрих ждал этого. Королеву схватили на рассвете и привезли в

*Посвящение в рыцари.
Гравюра XIX века.*

Шинон. Генрих не захотел видеть жену. Элеонору заперли в ее комнате, у дверей была поставлена стража. Сам король покинул замок, отправившись в Руан.

Там его ждали тревожные вести. Французские провинции поднялись против короля. Ричард и Годфри открыто объявили, что они на стороне матери и старшего брата. И не успокоятся, пока не свергнут безжалостного тирана, прелюбодея и убийцу святого Бекета. Знаменитый менестрель Бертран де Борн написал песню, в которой призвал честных аквитанцев встать на защиту их законной правительницы Элеоноры, и эта песня распространилась по всей Франции. Король Людовик издал указ, который начинался словами: «Здесь рядом со мной находится Генрих, король английский». Коронование Генриха-младшего сыграло теперь с королем злую шутку.

Сам Генрих-младший, одурманенный дружбой французского короля, к тому же обеспокоенный судьбой матери, которая находилась в руках отца, всерьез вздумал управлять королевством, въезд в которое был для него закрыт. Он щедро раздавал земли сторонников отца своим друзьям. Он направил в Рим письмо, в котором утверждал, что поднялся против отца исключительно для того, чтобы отомстить за смерть Томаса Бекета, и потому просит поддержки папского престола в справедливой борьбе.

Рядом с королем остался лишь младший сын Джон, испорченный, избалованный мальчик.

В Генриха будто вселился бес. Словно в молодые годы, он носился без устали по своим владениям, собирая войска. Он столь смело кинулся с небольшой армией на войско Людовика, что тот отступил. В течение нескольких месяцев ему удалось разбить по частям не имевшие общего

руководства армии своих сыновей. Людовик вышел из войны и стал уговаривать английских принцев примириться с отцом.

Сыновья в самом деле встретились с отцом, но переговоры не привели ни к каким результатам. Особенно непримирим был Ричард. И тому были две причины: Алиса, которая находилась рядом с королем, и мать, заточенная в замок в Винчестере.

Шестнадцать лет будет продолжаться тяжкая война Генриха с сыновьями, но ни за что, даже ради возвращения мира в страну, он не согласится выпустить Элеонору из тюрьмы.

Сыновья его не всегда были едины в борьбе с отцом. Порой они начинали воевать друг с другом, потому что любви между ними не было. Порой кто-то из них объединялся с отцом против остальных братьев. И так год за годом...

Середина восьмидесятых годов принесла определенные изменения в эту тупиковую ситуацию. К тому времени Ричарду было уже около тридцати, и он прославился не только невероятной отвагой и силой, но и безрассудством, удивительным сочетанием рыцарского благородства и крайней жестокости; он был порождением рыцарства, рабом и певцом рыцарского кодекса чести, который не был игрой для тысяч благородных дворян — он был их образом жизни. Именно потому, что Ричард был великим рыцарем, он не мог быть государственным деятелем. Как и положено истинному рыцарю, он не задумывался над таким понятием, как благо государства. Финансы для этого златокудрого воителя были не более как кучей денег, на которые можно набрать и вооружить армию, а народ делился на простолюдинов, которые должны были кормить рыцарей и поставлять рекрутов, и рыцарей, которые благородно сражались. Даже обожавшая его Элеонора, которая из своей тюрьмы

внимательно следила за делами в королевстве, понимала, что Ричарда необходимо держать в узде, только еще не нашлось в мире узды, которую можно было бы накинуть на принца.

Подрос Джон. Так как до сих пор он по малолетству не принимал участия в войне с отцом, Генрих приблизил его к себе и даже подумывал о том, чтобы оставить королевство ему, несмотря на то, что принц пользовался дурной репутацией. Он был труслив, спесив, мстителен и неумен. Он доставлял отцу немало неприятностей. Особенно скверно Джон проявил себя, когда отец дал ему в управление покоренную им Ирландию. Прибыв туда, Джон вел себя как тиран. Он таскал за бороды старшин и королей этой гордой страны, грабил народ и баронов столь безжалостно, что в конце концов вызвал восстание, которое вышвырнуло его и английскую армию из Ирландии. К лучшему он от этого не переменялся. Так что преданность последнего сына не давала Генриху уверенности в том, что это его достойный преемник.

Генрих всегда надеялся примириться с Генрихом-младшим, которого считал наиболее разумным из сыновей. И потому их отношения в течение первых десяти лет семейной войны оставались весьма сложными. Если бы Генрих-старший проявил больше благоразумия и освободил из тюрьмы мать принца, путь к переговорам был бы открыт. Но Генрих боялся Элеоноры, боялся ее ума, ее влияния на сыновей, ее возможностей в Аквитании и ее ненависти к Алисе.

Все же примирение с Генрихом было куда реальнее, чем мир с неукротимым Ричардом. Но в один из осенних дней 1183 года Генрих получил известие, что его старший сын тяжело заболел,

лежит в замке неподалеку от Лиможа и просит отца срочно приехать к нему.

К тому времени измены, обманы, западни и ловушки стали в этой войне столь обычны, что Генрих изверился в слове своих сыновей. Он воспринял весть о болезни Генриха-младшего как очередную ловушку и лишь посмеялся над письмом.

А совсем недалеко от него метался в смертельной болезни сын. Ему чудилось, что к постели подошел Томас Бекет и грозит адом. Умиравший принц приказал слугам накинуть ему на шею веревку и стащить на пол: он хотел доказать тени Томаса, что раскаивается и недостойн иной смерти. Слуги подчинились, и полузадушенный Генрих еще несколько минут катался по холодному каменному полу. Потом умер. Проклятие Бекета висело над всей семьей.

Когда Генрих все же прискакал в замок, там уже шли приготовления к похоронам.

Этот удар и пришедшая вскоре из Парижа весть о том, что его третий сын, Годфри, погиб, участвуя в рыцарском турнире, сразили стареющего короля. Но война не прекратилась.

В 1180 году умер Людовик VII. Французский престол унаследовал принц Филипп. Ему было пятнадцать лет. Он был на восемь лет моложе Ричарда, но разница в возрасте не чувствовалась. Жестким характером и умом Филипп далеко превосходил и своего слабовольного отца, и Ричарда.

Впервые с Филиппом Генрих познакомился года два до вступления его на престол, во время перемирия с Людовиком. Тогда юный принц подошел к Генриху и сказал:

— Сир, вы доставили много бед моему отцу. Я понимаю, что вы всегда брали над ним верх. Я не

могу помешать вам, сир, но обещаю, что, когда вырасту, отберу у вас все, что вы отняли у отца.

Тогда Генрих рассмеялся, словно мальчик пошутил. Но запомнил эти слова, произнесенные с недетской настойчивостью.

Миновало еще несколько лет после смерти Генриха-младшего. Теперь английский король больше защищался, нежели нападал, он старался сохранить завоеванное, но делал это вполсилы, потому что его душу грызли горькие сомнения: а ради кого он борется, сражается, копит, устанавливает законы и казнит?

Генрих был выдающимся государственным деятелем. Но хотя цель его заключалась в создании сильного государства, он всегда оставался французским феодалом. Государство Генриха точнее было бы назвать Анжуйским государством, в которое в качестве составной части входила Англия. Владеи несколькими языками, Генрих не знал английского. Государство было собственностью короля. И проблема, кому его оставить, была для короля основной. То он решал отдать корону льстивому Джону, то думал, не передать ли страну канцлеру Годфри, сыну прекрасной Розамунды, то старался помириться с Ричардом...

В последние годы жизни Генриха значительное влияние на положение дел в Европе стал оказывать новый фактор: из Палестины прибыл архиепископ Тирский с известием о падении Иерусалима и о страшной угрозе христианским государствам, исходившей от султана Салах ад-Дина.

Агитация за новый крестовый поход нашла широкий отклик не только потому, что христианский мир был весьма удручен потерей гроба Господня, но и потому, что поход по тем или иным причинам устраивал многих европейских государей. Пока шла подготовка к нему, в Европе

по приказу папы был установлен всеобщий мир, и новый архиепископ Кентерберийский издал указ, грозивший отлучением любому нарушителю спокойствия. Генриха эта ситуация устраивала: он вел в последние годы оборонительную войну — король Филипп всерьез принялся отвоевывать земли, потерянные его отцом.

Для Ричарда Львиное Сердце крестовый поход значил больше, чем для прочих: он был рыцарем, он желал быть первым и прославиться на века. Но для этого требовалась армия, а снарядить ее без отцовской казны было невозможно. Так что и французский король, и английский принц не намеревались соблюдать перемирие и ждали лишь удобного момента, чтобы вновь ударить по Генриху.

Генрих же воспользовался призывом архиепископа Тирского для того, чтобы, вернувшись в Англию, обложить громадным налогом всех ее жителей, хотя сам в Палестину не собирался. Ему были нужны деньги для своей войны.

Пока Генрих был в Англии, Филипп нарушил перемирие, не убоившись угроз папы, так как считал себя незаменимым в крестовом походе. Он решил окончательно добить Генриха, прежде чем выступить на Восток. Он вторгся в Аквитанию, и тамошние рыцари, подданные Элеоноры, перешли на его сторону. Ричард во всех боях был рядом с французским королем. Война разгорелась с такой яростью, что все забыли о Святой земле.

Генрих, спешно вернувшись во Францию, не сумел собрать большого войска из-за измены собственных вассалов. Он начал отступать. Оставленные им города пылали, подожженные французами. Говорят, что Генрих рыдал, бессильный их защитить. Его войско состояло в основном из наемников, а те сражались плохо. Слабость и

неуверенность Генриха, слухи о его болезни торопили вассалов переменить фронт.

Враги преследовали Генриха днем и ночью. Однажды Ричард так спешил, что догнал отряд Генриха, не успев надеть шлем и облачиться в кольчугу. И тут он вдруг увидел перед собой Уильяма Маршалла, одного из военачальников Генриха. Тот уже поднял копье, чтобы пронзить принца. Ричард не растерялся. Он крикнул, что отказывается сражаться без шлема и кольчуги. Уильям Маршалл, человек благородный, чертыхнулся и вонзил копье в коня Ричарда. Затем ускakasал догонять короля.

Единственным утешением в эти дни был для Генриха приезд его незаконного сына Годфри, прибывшего из Англии с небольшим отрядом. Годфри поклялся не оставлять отца в беде. Он уговаривал его уехать в Англию, где можно укрыться от врагов. Но для Генриха судьба королевства решалась во Франции, и он продолжал неравную борьбу. Наконец, когда Генрих был в Шиноне, сюда настигла весть, что дальше двигаться некуда впереди поднялся мятеж. Графство Анжуйское тоже отложилось от короля.

Филипп прислал гонца с предложением встретиться и обсудить условия мира. Он рассчитывал, что, прижатый в угол, английский король будет вынужден принять его требования. Генрих согласился. Он сел на коня и двинулся к месту встречи, но в пути ему стало так плохо, что пришлось остановиться. Короля уложили в крестьянском доме. Годфри послал нарочного к французам, сообщая о болезни отца и прося перенести срок встречи.

Когда Филипп прочел это письмо, он молча передал его Ричарду Львиное Сердце. Ричард с усмешкой сказал:

— *Позор побежденному королю!*
Умиравший Генрих II узнает о том, что его все предали.
Гравюра XIX века.

— Опять хитрости старого волка. Не верь ему.

Ответ Генриху гласил: король Англии должен прибыть на место переговоров на следующий день.

За ночь Филипп с Ричардом еще раз просмотрели условия мира — они были тяжелыми для англичан, ибо предусматривали отказ от многих владений, выплату большой контрибуции и прощение вассалов, которые выступали против Генриха.

Узнав наутро о письме врагов, Генрих заставил себя подняться. Годфри уговаривал отца отправиться в путь на носилках, но тот отмахнулся. Он не мог позволить себе предстать перед этими молоко-сосами немощным стариком.

Король и принц ждали Генриха в условленном месте. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: перед ними умирающий. Но это не тронуло победителей. Генрих отказался сойти с коня: он не был уверен, что сможет вновь взобраться в седло.

Казалось, Генрих дремлет и с трудом заставляет себя прислушиваться к многочисленным унижительным условиям мира. Он даже не возразил против пункта, требующего расстаться с Алисой. Затем Ричард поднялся и спросил, не желает ли отец ознакомиться со списком вассалов, которые ему неверны. Тот кивнул. Ричард ткнул пальцем в первое имя в списке — это был принц Джон, надежда Генриха. Он тоже успел предать отца.

— Теперь мне все равно, что со мной случится, — сказал Генрих.

Ричард и Филипп молча глядели на Генриха. Филипп понимал, что больше он никогда не увидит короля Англии. Ричард размышлял, не притворяется ли отец. Если король умрет, это будет означать, что Ричард заставил отца подписать постыдный договор, который придется выполнять ему самому, как только он станет королем. Принци

*Генрих II.
Надгробная статуя.
Церковь в Фонтевро.*

обернулся к Филиппу. Тот понял встревоженный взгляд союзника и лукаво усмехнулся.

Генрих умирал еще семь суток. Днем он молчал, а ночью его охватывало отчаяние и он рычал:

— Позор побежденному королю!

Он умер на руках у Годфри, повторяя, что хотел бы отдать королевство ему, но понимает, что это смертный приговор сыну.

— Эти волки сожрут тебя.

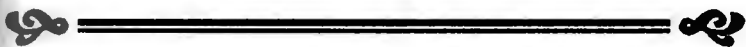
И последние его слова были обращены к Годфри:

— Ты мой единственный сын.

Ричард прискакал на похороны отца. Он чувствовал себя обманутым. Какого черта отец подписывал договор, если знал, что умирает? Отныне Филипп ему не союзник — их дружба кончилась.

Но сначала надо было утвердить власть. И готовиться к крестовому походу. Остальное может подождать.

И в тот же день Ричард послал верных людей в Лондон с приказом: немедленно освободить королеву-мать и перевезти ее в Виндзорский дворец. Пока он не вернется в Англию, управлять страной будет Элеонора.

Часть III

ЗАПАД ПРОТИВ
ВОСТОКА

ПОСЛЕДНЯЯ ОШИБКА БАРБАРОССЫ

Третий крестовый поход вовлек в свою орбиту многих героев этой книги.

Освобождать Иерусалим отправился Фридрих Барбаросса с немецкими рыцарями. Они прошли по венгерским и болгарским землям, пересекли Византию, Киликийскую Армению и чуть не погибли, подходя к Святой земле.

Морем из Италии туда отплыли Ричард Львиное Сердце и Филипп Август, король французский.

Три главных властителя Западной Европы соберутся у избитых камнями катапульт стен Акки, чтобы помериться силами с султаном Салах ад-Дином.

И разойдутся, так ничего и не решив. Некоторые из них встретят XIII век, другим дожить до него не суждено.

Там же могли бы встретиться русские паломники, Шота Руставели, что поселился в Иерусалимском монастыре, фидан Старца горы, переписчик поэмы Низами, караванщик, пришедший из страны Си Ся... Все пути вели в Иерусалим.

Оттуда рыцари-монахи ринутся на север, в Прибалтику, чтобы вступить в бой с Польшей и Новгородом за лесные селения и балтийские порты. Оттуда после конца войны сельджукские отряды

двинутся в Закавказье, чтобы погибнуть в битвах с армиями царицы Тамары.

Средневековый мир, подвижный и бурный, завязанный множеством узлов и трагедий, в которые мы смогли заглянуть, будет существовать и далее, только без нашего, читатель, участия.

И так же будут тянуться караваны по Великому торговому пути, чтобы ирландский король мог облачиться в хорезмийские шелка, норвежский ярл — приправить пресное мясо перцем, а охотник на Северном Урале — положить в святилище предков серебряное персидское блюдо.

И законы этого пути, не осознаваемые современниками, будут и дальше поднимать в бой армии и свергать королей. Венецианские торговцы окажутся рядом с вождями крестового похода, потому что крестовый поход нужен в первую очередь им, торговые гости в Новгороде поведут ладьи к шведской столице, а их конкуренты направят корабли шведов к Ладогe. Чингисхан будет собирать армии на налоги, получаемые с караванов, уходящих в пустыню Гоби...

История будет, как всегда, делаться на полях сражений, но решаться в конторах европейских купцов и в тихих задних комнатах менял на восточных базарах.

Третьему крестовому походу в исторических трудах уделяют куда меньше места, чем первому или четвертому. Первый был первым — это всегда много значит. К тому же он был удачен. В результате была принципиально перекроена карта мира, в Восточном Средиземноморье образовались христианские государства, управлявшиеся отпрысками знатных родов Европы. Изменилась и ситуа-

ция на Великом торговом пути — теперь контроль над транзитной торговлей захватили «латиняне». А выиграли от этого итальянские города, в первую очередь морские республики — Венеция и Генуя.

Второй крестовый поход был вызван тревожными известиями о том, что положение крестоносцев в Святой земле резко ухудшается и они начинают уступать свои позиции, тогда как в представлении христианского мира они должны были добивать поверженных сарацин. Он пришелся на середину XII века, на время молодости Фридриха Барбароссы и Людовика VII, и провалился настолько постыдно, что сама идея крестовых походов была скомпрометирована. Многие даже решили, что Господь отвернулся от крестоносных рыцарей, которые вели себя на Востоке так же безобразно, как дома. Идеалы крестовых походов не выдержали столкновения с жарой, пыльной и кровавой прозой бесконечной войны.

Четвертый крестовый поход в начале XIII века довершил то, к чему близки были крестоносцы предыдущих эпох: весь пыл рыцарей ушел на грабеж Константинополя и дележ византийского наследства. Это в конечном счете ухудшило позиции ближневосточных христианских государств, так как Византия была хоть и не слишком надежным, но могучим союзником и отвлекала силы мусульман. Следовательно, четвертый крестовый поход, как и первый, радикально изменил баланс сил в Европе и Западной Азии.

Последующие крестовые походы — а их было еще несколько — шли как бы по нисходящей.

Третий же крестовый поход, который приходится на годы, которым посвящена эта книга, был словно выстрел горохом из очень большой пушки в каменную стену, которая не пошатнулась. Ничего

он не изменил, лишь привел к громадным жертвам и обострил европейские конфликты.

И все же он достоин внимания историка. По масштабам, организации, вложенным средствам и связанным с ним надеждам это было крупнейшее военное предприятие средневековья. А то, что он закончился провалом, объясняется расколом в среде крестоносцев и внутренней слабостью латинских государств, спасти которые было невозможно — вопрос стоял лишь об отсрочке их окончательной гибели.

Когда Иерусалим пал и весть об этом страшном ударе для всего христианского мира понеслась в Европу, Салах ад-Дин, который всегда держал слово, выпустил на свободу короля Гвидо и Сибиллу. Деваться им было некуда, и они отправились в Тир, к брату первого мужа Сибиллы, рассчитывая на его гостеприимство.

Но Конрад Монферратский относился к королю Иерусалимскому с нескрываемым презрением. Он не одобрил ни его поведения в Тивериадской битве, ни того, что за свою свободу Гвидо заплатил Аскалоном. Ворота Тира не открылись. Со стен рыцари и горожане выкрикивали оскорбления по адресу короля и кидали в него навозом.

Маленькая жалкая процессия повернула от города прочь. Стояла зима, и, хотя днем пустыня разогревалась и даже становилось жарко, ночи были промозглыми и ледяными. С моря налетали холодные дожди. К счастью для короля, мусульмане ушли к Дамаску на зимние квартиры. Гвидо провел зиму, медленно продвигаясь от деревни к деревне, от замка к замку, собирая разбежавшихся

рыцарей и силой уводя с собой крестьян. Ночевал он обычно в монастырях, не тронутых сарацинами.

К весне набралось значительное войско. Все же Гвидо был королем. К нему примкнули рядовые воины, уцелевшие после падения Иерусалима, остатки тамплиеров и иоаннитов, которые все еще удерживали в своих руках неприступный замок Крак де Шевалье, спасшиеся защитники замков, сдавших осенью. Общая численность армии достигла десяти тысяч человек.

Начали прибывать первые отряды крестоносцев из Европы. Это еще не был крестовый поход — о нем только шли переговоры, но при известии о падении Иерусалима некоторые рыцари и бароны собирали на свой страх и риск отряды и, движимые религиозным рвением, плыли к Святой земле.

Более десяти тысяч человек прибыло из Фрисландии и Дании, то есть из областей, откуда ранее в крестовый поход рыцари не ходили, прибыл английский авангард во главе с архиепископом Кентерберийским, приплыли отряды фламандцев.

Для иерусалимского короля важно было овладеть хоть каким-нибудь городом, желательно на побережье. Поэтому в 1189 году Гвидо осадил Акку, потерянную крестоносцами два года назад. Ему удалось заручиться поддержкой пизанцев в обмен на обещание предоставить им торговые привилегии в Святой земле, и те прислали флот. Корабли пизанцев перегородили вход в гавань Акки, тогда как армия Гвидо полукольцом расположилась в долине, за которой начинались невысокие холмы.

Через некоторое время осаждавшие предприняли штурм, который был плохо подготовлен, так как Гвидо был бездарным полководцем. Штурм был

отбит, и тут же крестоносцы узнали, что приближается армия Салах ад-Дина.

Султан упустил время и недооценил противника. Он не думал, что Гвидо успеет собрать столь значительное войско. Поняв свою ошибку, Салах ад-Дин расположил свои силы полукругом по холмам. Так что осаждавшие сами оказались в окружении.

После нескольких стычек Салах ад-Дин дал крестоносцам генеральное сражение. Однако у него не было достаточно сил, чтобы разгромить их. Да он на это и не рассчитывал. Ему надо было прорваться в город, что и удалось сделать. Салах ад-Дин смог сменить гарнизон крепости и снабдить его припасами.

В последующие долгие месяцы осады ему удавалось еще дважды прорываться в Акку, но крестоносная армия росла быстрее, чем войско Салах ад-Дина. Поэтому султану оставалось лишь блокировать крестоносцев у Акки и делать все, чтобы город держался.

Падение Иерусалима было ударом по престижу церкви, по самой идее ее всемирного торжества. Но были также задеты различные политические и экономические интересы.

Перепугались торговые магнаты итальянских городов. Ломбардцы, которые к тому времени захватили контроль над европейскими финансами, начали оказывать явный и тайный нажим на своих должников, требуя помочь крестоносцам, иными словами, спасти ближневосточную торговлю.

За сто лет, прошедших со времени первого крестового похода, мир разительно изменился. Если в конце XI века крестоносцы шли в неизвестность,

словно на другую планету, и все без исключения хронисты рассказывают, как крестоносцы останавливались при виде болгарских и византийских городов и радостно кричали: «Иерусалим!», полагая, что цель уже достигнута, то теперь таких ошибок в географии быть не могло. В европейских государствах, хотя и раздиравшихся феодальными распрями, укреплялась центральная власть. Сто лет назад германскому императору ни за что не удалось бы изгнать из страны такого могущественного феодала, как Генрих Лев. Теперь же тот, приговоренный рейхстагом к ссылке, покорно уезжает в Англию. Миром правят не только религиозные идеи и страсть феодальных хищников к наживе. Экономические нити связывают банковские конторы в Милане и Флоренции с торговыми домами Венеции, ремесленные корпорации Майнца с суконными гильдиями Лондона. Политические амбиции королей в значительной степени направляются из торговых контор, хотя короли об этом часто не подозревают.

Когда Иерусалим пал и Европу охватила скорбь, папский престол принялся лихорадочно рассылать по разным странам легатов, требуя, чтобы государи приняли крест и отправились выручать Святую землю. Когда легаты добрались до Германии, Фридриху Барбароссе было над чем задуматься. Его итальянская политика провалилась. Последние годы он занимался в основном германскими делами и в том преуспел: страна была покорна его власти. Сын Генрих уже вырос и мог взять на себя бремя правления. Однако Барбаросса не отказывался от своих планов мирового господства. Его биограф, епископ Оттон, пишет, что Барбаросса называл себя «владыкой мира» и повторял, что восстановит Римскую империю в древних границах.

С Италией и папой у Барбароссы был мир — до дружбы было далеко, но Барбаросса отказался от мысли вновь штурмовать Милан и Кремону. Хитрый Фридрих несколько изменил направление своих политических устремлений, что выразилось в женитьбе его наследника на перерзевшей сицилийской принцессе и в заключении союза с Сицилией. Этот союз был для Барбароссы важнее, чем покорение Северной Италии. Сицилийские норманны контролировали центральную часть Средиземного моря. Все пути с Ближнего Востока к Италии, Франции, Испании неизбежно проходили у их берегов. К тому же им принадлежала и Южная Италия. Объединение Сицилийского королевства с Германией было бы серьезным шагом к господству в Европе. А вот в латинских государствах немецкие позиции были слабыми. Там в основном правили князья и короли из французских домов, поддерживали их венецианцы и генуэзцы. Германское влияние было ничтожным. Так что возможность отправить на Ближний Восток свою армию и укрепиться там стратегически для Фридриха Барбароссы были важна.

Следовательно, участие в крестовом походе продолжало итальянскую политику Барбароссы. Его поддерживали как сицилийские родственники, так и германские города, заинтересованные в торговле с Ближним Востоком.

Правда, было одно препятствие — возраст. В 1187 году, когда впервые прозвучал призыв к походу, Фридриху было уже шестьдесят три года. Вести армию через полмира, по горам и пустыням было трудно. А ведь Фридрих лучше других знал, что такое Ближний Восток: он уже прошел этот путь в молодости, почти полвека назад. Но Фридрих был еще полон сил и энергии. И он был

религиозен. Ощущая приближение конца жизненного пути, даже самые страшные грешники начинали думать о встрече с Богом. Богоугодным делом, достойным великого императора, неплохо завершить свои деяния...

И все же, когда папский легат начал проповедовать крестовый поход в рейхстаге, Фридрих Барбаросса, горячо поддержав идею похода, от участия в нем вначале уклонился. Он хотел получить гарантии, что феодалы в его отсутствие не взбунтуются. Это понимал и папа. Поэтому, как уже говорилось, на время похода он объявил мир в Европе и пригрозил интердиктом всем, кто посмеет его нарушить или поднять руку на крестоносцев. Весной 1188 года в Майнце все основные князья Германии в присутствии папского легата поклялись в верности Фридриху. Но и это не убедило императора. А причина была простая: старый враг, Генрих Лев, вернулся из Англии, но на съезд в Майнце не явился.

Но наконец и эта проблема была решена: князья согласились выслать непокорного герцога еще на три года. И тот подчинился.

Зрители, да и большинство участников съезда в Майнце не знали о переговорах, шедших за закрытыми дверями. Они видели лишь то, что им показывали. Они видели, что Фридрих отказался сесть на трон и остался среди князей, заявив, что не может занимать трон в помещении, где незримо присутствует сам Иисус Христос. «Он сидел среди своих людей и слушал одушевленные воинственные клики, — писал хронист. — Слезы текли по его щекам, но ввиду великих трудностей похода он все еще медлил принять крест, пока люди не окружили его и не стали горячо просить более не медлить. Тогда и он не мог более противиться велению духа

и принял знаки поборника Бога из рук епископа Готфрида; его примеру последовали князья, духовные лица, тысячи рыцарей и несчетное множество народа».

Это была большая победа папы — Священная Римская империя сказала: да! Теперь легче было обрабатывать других европейских государей.

Решено было, что крестоносное войско выступит из Германии 23 апреля 1189 года, в день святого Георгия, покровителя пилигримов, то есть на подготовку оставался год.

Фридрих отлично помнил о причинах неудач второго крестового похода, когда за войском тащилось множество почти безоружных бедняков, движимых идеей освобождения Святой земли и мечтой разбогатеть. Эти бедняки были страшной обузой для крестоносного войска — их надо было кормить и защищать от врагов, пользы же они не приносили вовсе. Поэтому Фридрих объявил: в поход пойдет лишь тот, кто сможет внести три марки серебра, что было солидной суммой.

Фридрих намеревался довести свою армию до Иерусалима в целости. Однако следовало не только первым из христианских государей достичь Палестины, но и победить Салах ад-Дина. А это могло быть гарантировано лишь превосходством в военной силе.

То была еще одна особенность третьего крестового похода. Подготовка к нему, и не только в Германии, шла на самом высоком уровне: руководители его не просто хватали меч и крест и спешили в Святую землю, они тщательно готовились к боям, стараясь превзойти остальных. И Ричард Львиное Сердце, и Филипп Август всерьез снаряжали армии и скрупулезно разрабатывали маршрут к Святой земле.

*Немецкий рыцарь в боевом облачении.
С рисунка XII века.*

Источники по-разному оценивают численность армии Фридриха Барбароссы — от тридцати до ста тысяч человек. Перед этой огромной, закованной в железо силой не должен был устоять Салах ад-Дин.

Теперь перед Фридрихом встала проблема, как пройти до Иерусалима. Самым безопасным и надежным путем был морской, тем более что можно было рассчитывать на помощь сицилийского флота. Но против этого пути (им двинулись французы и англичане) было два фактора. Первый заключался в том, что армия Фридриха формировалась в основном в юго-восточных землях Германии; поэтому, чтобы посадить воинов на суда в Южной Италии, надо было совершить переход через Альпы и через всю Италию, против чего, разумеется, резко возражали итальянские города. Ведь первыми жертвами насилия станут именно они. И уж конечно, влиятельные ломбардцы смогли воздействовать на немецких стратегов, уверяя, что сухопутный путь короче. Вторым фактором было время. Фридрих Барбаросса рассчитывал успеть к Иерусалиму первым и обойтись без помощи французов и англичан.

Решено было двигаться сушей: этот путь был Фридриху известен. Для обеспечения его безопасности император занялся активной дипломатической деятельностью.

В Германию прибыло большое, роскошное, как в сказках «Тысячи и одной ночи», посольство Кылыч-Арслана, конийского султана. Владениям султана с юга угрожал Салах ад-Дин — враг более страшный, чем крестоносцы. Сам факт сложной дипломатической игры свидетельствовал о том, что крестоносные государства стали хотя и нежелательной, но реальной частью ближневосточной политики: религиозная вражда отступала на второй план,

если к этому вынуждали экономические и политические интересы.

Кылыч-Арслан обещал помогать крестоносцам в пределах своего султаната.

Затем Фридрих вошел в сношения с соседями Византии, оговорил поддержку Белы Венгерского, провел переговоры с теми странами, которые лишь недавно скинули византийскую власть и продолжали отстаивать независимость. То были Болгария и Сербия. В Нюрнберг к Фридриху приехал великий жупан Сербии Стефан Неманя, там же в 1189 году побывали послы основателей второго Болгарского царства — братьев Петра и Асеня. Эти страны рассчитывали, что поход немецких крестоносцев поможет им окончательно освободиться от контроля Византии. Неудивительно, что сербы и болгары склоняли Фридриха к тому, чтобы сначала покончить с Византией, и предлагали свою помощь.

Встревоженное византийское посольство также удостоилось аудиенции у императора. Можно представить себе положение византийских послов, которые были в курсе того, что творится вокруг. Фридрих заключает союз с врагом Византии Кылыч-Арсланом, ставя тем самым под угрозу ее малоазийские владения. В любой момент он может заключить союз с Болгарией и Сербией, чтобы ударить по Константинополю с запада. К тому же Фридрих состоит в союзе с сицилийскими норманнами, которые лишь недавно ушли из Греции. Вот почему посол нового византийского императора Исаака II Ангела, еще непрочно чувствовавшего себя на троне, потребовал от германского императора гарантий, что тот не питает к Византии враждебности. И Фридрих велел трем германским князьям в его присутствии поклясться византийцам, что завоевательные планы ему чужды и что интере-

сам Византии крестоносцы не причинят вреда. Барбароссу можно понять: он предпочел осторожность. Даже если бы он объединился с болгарами и сербами и ударил по Византии, исход этой операции был бы совершенно неясен. Можно было погнаться за двумя зайцами и ни одного не поймать. И Фридрих не пошел на конфликт с Византией.

Прежде чем начать поход, Фридрих направил Салах ад-Дину официальную ноту, в которой предложил ему уйти из Иерусалима, вернуть христианам Святой крест и возместить нанесенный им ущерб. Если уважаемый султан не согласится на эти условия, христианский мир будет вынужден двинуться в крестовый поход. Салах ад-Дин ответил на ноту. Он, в свою очередь, предложил христианам сдать ему все сирийские города. После этого он вернет Святой крест и позволит паломникам из Европы беспрепятственно посещать Иерусалим.

Поход германской армии начался, как и планировалось, весной 1189 года. Отряды стягивались к Дунаю, затем начали спускаться по его берегам. Сам Фридрих плыл в ладье. К концу мая первые немецкие части вступили на землю Венгрии. Путь через Венгрию был спокойным. Король Бела снабдил крестоносцев продовольствием, а так как питательные пункты тянулись цепью, армия не сворачивала с намеченного пути.

Далее путь крестоносцев привел их в болгарские земли.

Независимость Северной Болгарии от Византии была провозглашена совсем недавно, осенью 1186 года, в городе Тырново. Византийский император мириться с этим не желал.

В Константинополе понимали, что отложение болгар крайне опасно. От Болгарии до столиц

империи рукой подать. К тому же греки трезво оценивали военный потенциал Болгарии. Византия не только лишалась воинов, которые играли важную роль в императорской армии, но и обзаводилась сильным враждебным соседом.

Болгарские долины были западным пределом распространения половцев, и там энергично шел процесс их ассимиляции. Даже освободители Болгарии — князья Петр и Асень были по происхождению половцами*. Но при том христианами, понимавшими важность распространения христианства для сплочения страны. К возмущению константинопольского патриарха, болгары избрали своим архиепископом монаха Василия, а тот, к не меньшему возмущению императора, короновал Петра царем Болгарии. Более того, новый царь разбил армию византийского полководца Кантакузина.

В 1187 году армию возглавил сам император. Византийцы подвергли Болгарию страшному опустошению. Лишь осенью, собрав половцев, Петр изгнал греков.

Весной 1188 года состоялся новый поход византийцев. Три месяца император безуспешно осаждал город Ловеч. Наконец был заключен мир.

И вот появились крестоносцы. Петр и Асень не могли их прокормить. Это было выше их сил. И тогда начались беды. Отряды крестоносцев тянулись через Болгарию с лета 1189 до весны 1190 года, зима была холодной и голодной, и это привело к страшному грабежу и без того разоренной страны.

В Болгарии крестоносцы понесли значительный

* Было три брата — Петр, Асень и Калоян. Но в рассказе о создании второго Болгарского царства принято говорить лишь о первых двух. Калоян был куда моложе, и вступил он на престол после смерти братьев, в самом конце XII века. Все три брата трагически погибли, убитые немцами: Асень — в 1196 году, Петр — годом позже, Калоян — в 1207 году.

урон. И не только от болезней: болгары жестоко мстили пришельцам за грабежи и убийства. Незвестный автор хроники «История пилигримов» говорил о болгарях: «Они набрасывались на нас, подобно грязным собакам или хищным волкам». Когда через год аббат Эбергард был послан из Византии в Венгрию, он доносил императору, что могилы крестоносцев в Болгарии разрыты, трупы выброшены и валяются у дорог.

Чем ближе крестоносцы подходили к Константинополю, тем враждебнее становились отношения с Византией. Победа Фридриха над Салах ад-Дином Исааку Ангелу была не нужна. Она означала бы лишь, что сильно пострадают политические и экономические интересы Византии, которая формально была сюзереном христианских владетелей Палестины и Сирии. Фридрих сам претендовал на эту роль.

Крестоносцы, вступив во Фракию, знали, что идут по земле еретиков — схизматиков, врагов истинной веры, и вели себя соответственно. Византийцы же не выполняли принятое ранее обязательство — кормить крестоносцев.

Дороги, по которым шли германцы, были разрушены, продовольствие не подвозилось, на склонах гор и в замках стояли византийские отряды. В озлоблении голодные крестоносцы выжгли все деревни вокруг Филиппополя (теперь Пловдив) и разорили его предместья. Затем они захватили и разграбили несколько небольших горных долов. В Константинополь слетались панические донесения.

Исаак Ангел был не самым решительным из императоров Византии. Он растерялся и не смог выработать последовательной линии поведения. То он требовал, чтобы крестоносцы повернули обрат-

но, то заявлял, что пропустит их, если они пообещают отдать Византии половину своих завоеваний в Азии, то добивался заложников в знак того, что Константинополю ничто не грозит. Послов Фридриха, которые вели себя вызывающе, потому что знали, какая стоит за ними сила, он велел арестовать. Это, разумеется, не улучшило отношений между двумя императорами. Константинопольский патриарх выступил с проповедью, в которой назвал крестоносцев псами и объявил прихожанам, что за убийство крестоносца любому христианину будут отпущены грехи. Исаак Ангел даже подписал соглашение с Салах ад-Дином против Кылыч-Арслана, что в глазах крестоносцев делало его предателем.

Сложилась неестественная ситуация: оба христианских монарха вступили в союз с врагами христианства.

Продвижение крестоносной армии все замедлялось. Наступила осень, пошли дожди, ночами стало холодно, а крестоносцы все еще плелись по Византии. Дисциплина падала, некоторые рыцари тайком поворачивали домой — поход продолжался уже более года, а до Иерусалима было далеко. Начал терять выдержку и сам Фридрих. Он написал сыну Генриху в Германию, предлагая обдумать возможность удара по Византии, если помогут Венеция и Генуя, а римский папа не будет гневаться.

Свою ненависть к Византии Фридрих не скрывал, и осторожный Исаак Ангел поспешил с переправой крестоносцев в Малую Азию. В феврале 1190 года было подписано новое соглашение, по которому Византия предоставила Фридриху флот.

Малая Азия встретила крестоносцев негостеприимно. Они двигались по ее западным районам,

недавно разоренным союзником Фридриха — конийским султаном. Теперь, когда крестоносцы ушли в Азию, византийцы вообще перестали помогать им. Крестоносцы ели конину. Весна быстро превращалась в лето, днем было жарко, а ночи еще стояли холодные. Византийские гарнизоны запирались в крепостях при приближении крестоносцев. Город Филадельфия отказал крестоносцам в припасах, и они взяли его штурмом.

Для того чтобы поддерживать дисциплину, требовались самые жестокие меры. Фридрих пошел на них. Вся армия была разбита на отряды по пятьсот человек, и командир отряда нес ответственность за поведение каждого солдата. Были организованы военные суды и тайный совет из шестнадцати знатных рыцарей.

Местность становилась все более дикой и безлюдной. Лишь иногда встречались пастухи со стадами. Пройдя через ничейную землю, армия приблизилась к владениям конийского султана, где ее ждал отдых.

И тут Фридриха постиг неожиданный удар: султан Кылыч-Арслан внезапно умер. Престол перешел к его сыну, который опирался на партию, выступавшую за союз с Салах ад-Дином, не доверял крестоносцам и страшился их. Потому в Конье сочли за лучшее не пускать германское войско на свою землю.

Нападения отдельных конийских отрядов были болезненными, но неопасными. Впрочем, вскоре стало известно, что впереди скапливается большое войско. У Фридриха появилась возможность испытать свою поредевшую и усталую армию в настоящем сражении.

Молодой конийский султан недооценил германского императора и его армию. Приятно выслуши-

вать донесения лазутчиков, которые, желая тебе угодить, рассказывают, как христиане жрут павших лошадей и пьют из грязных луж, как они истощены и оборваны. Но ведь это была лишь одна сторона правды. Фридрих привел в Малую Азию сильную армию, во главе которой двигались отряды тяжелой конницы. Армия его стремилась к бою, ибо знала: в случае победы ее ждет богатая добыча.

Немудрено, что в генеральном сражении, в котором сельджукская армия значительно превосходила числом войско крестоносцев, рыцари наголову разбили султана. Он еле успел бежать с поля боя.

Однако до Коньи, столицы султаната, оставалось еще несколько дней пути. Проводники — то ли случайно, то ли сознательно (они не смогли об этом поведать, потому что их перебили) — завели армию в пустыню. Изнемогавшие от жажды солдаты пили мочу и кровь лошадей, а когда увидели полувысохшее болотце, кинулись к нему, по словам летописца, «как олень, убегающий от охотников, устремляется к источникам водным».

Поэтому, когда измученная армия вышла наконец к Конье, она отчаянно кинулась на приступ. Сам Фридрих, тряхнув стариной, повел рыцарей на сельджукское войско, стоявшее перед городом, тогда как молодой герцог Фридрих Швабский, младший сын императора, возглавил штурмующих. Город недолго держался перед лавиной голодных и изнывающих от жажды крестоносцев.

18 мая крестоносцы ворвались в Конью и несколько дней грабили ее, перегрузив себя добычей так, что непонятно было, как же идти дальше. Через неделю султан прислал послов с предложением мира. Фридрих с готовностью согласился. Несколько дней армия стояла под Коньей, отдыхая

в садах, а затем медленно, как обожравшийся медведь, двинулась дальше.

Самое трудное было позади. Через несколько дней, благополучно перевалив через горы Тавра, армия вступила в армянское Киликийское царство. На границе ждали армянские послы, чтобы провести крестоносцев самым удобным путем. Весть о взятии Фридрихом Коньи была встречена в Армении с искренней радостью: дела иерусалимские были далеки от Киликии, зато конийский султан был врагом близким и опасным.

Фридрих чувствовал себя как никогда отлично. Он отпраздновал шестьдесят пятый день рождения в окружении князей и епископов. Борода его стала совсем седой, но голова еще оставалась рыжей, и жесткие густые волосы туго вились. Он был грузен, но крепок — в могучих руках легко держал копье и меч. Впереди лежали долины Сирии, и христианские шпионы доносили, что в стане Салах ад-Дина царит тревога: впервые армия крестоносцев достигла сирийских земель, сохранив силу.

Утром 10 июня армия подошла к городу Селевкий. Двор остановился на берегу бурной и веселой речки. Император спросил армянских проводников, как она называется. Речка называлась Салеф.

Император подошел к берегу. Река неслась к морю и, обтекая камни, бурлила молодо, как кровь Барбароссы.

Что случилось дальше, неясно. Одни летописцы говорят, что император решил искупаться, потому что стало жарко, другие утверждают, что он велел начинать переправу и сам первый ступил в воду.

Фридрих сделал несколько шагов, дно круто пошло вниз, император провалился по пояс, рванулся назад, но поток уже тянул его в глубину, к торчащим из воды лбам камней.

Когда через несколько минут бросившиеся в воду рыцари вытащили Фридриха — речка-то была невелика, — он был мертв. То ли сердце не выдержало ледяной купели, то ли он ударился головой о камень и захлебнулся.

Смерть настигла императора в двух шагах от цели.

Он прожил долгую и бурную жизнь, он воевал, побеждал, судил и миловал. Умер мгновенно, как в бою.

Словно сам Аллах пришел на помощь Салах ад-Дину, который в великом унынии готовился к бою с германским императором. Смерть Фридриха лишила крестоносцев признанного и сильного вождя. Его место заняли посредственности, эгоистичные и не способные повести за собой армию.

Реакция воинов на смерть Фридриха, как утверждают летописцы, была ужасной.

«Все были охвачены таким сильным горем, что некоторые, мечась между ужасом и надеждой, кончали с собой, другие же, отчаявшись и видя, что Бог словно бы не заботится о них, отрекались от христианской веры и вместе со своими людьми переходили в язычество...»

Именно отпадение от веры Христовой больше всего поразило хронистов. Но с гибелью полководца рухнула и вера, ибо стало ясно, что Провидение не хочет победы христианства.

Многие рыцари, как только армия, превратившаяся в траурную процессию, вышла к морю, погрузились на корабли и отплыли домой.

Пораженный горем, герцог Швабский приказал похоронить внутренности императора в Тарсе — столице Киликийской Армении. Кости его сложили в мешок, и Фридрих Швабский возил их с собой. Потом он оставил драгоценный мешок в Тире, а

сам отправился осаждать Акку. Когда Фридрих Швабский через год там умер, едва дожив до двадцати лет, о костях Барбароссы забыли, и куда они потом девались — никто не знает.

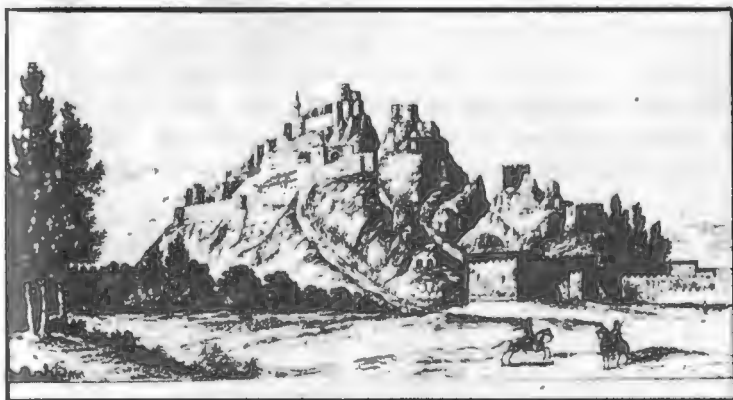
Летом, в самую жару, германская армия разделилась на две части. Половина отрядов добралась до Антиохии и остановилась лагерем у этого города. Воды не хватало, стояла сушь, жили скученно и грязно. Армия разлагалась, часты были случаи дезертирства, стычки и грабежи. И тогда на город напала пришедшая с караванами чума. Разбегаясь из лагеря, уцелевшие крестоносцы разносили чуму по окрестностям. Осенью, когда эпидемия миновала, в путь двинулось всего несколько сотен человек.

Другая половина армии, та, что пошла через Алеппо, была окружена мусульманами. Рыцари и солдаты были деморализованы и сражаться не желали: они толпами сдавались в плен. Мусульманский историк сообщает, что «по всей стране не было семьи, в которой не имелось бы трех или четырех немецких невольников».

Считается, что до Палестины добралось не более пяти тысяч германцев.

Можно подумать, что вечное невезение Фридриха, который всегда побеждал дома и всегда терпел поражения вдали от него, преследовало немцев и после его смерти. Ему было плохо в Валхалле без его могучей армии — и он призывал ее к себе.

Дальнейшие события кажутся лишь эпилогом ко всему, что случилось ранее. Действующие лица этой драмы как бы доигрывали ее последний акт, спеша к развязке.

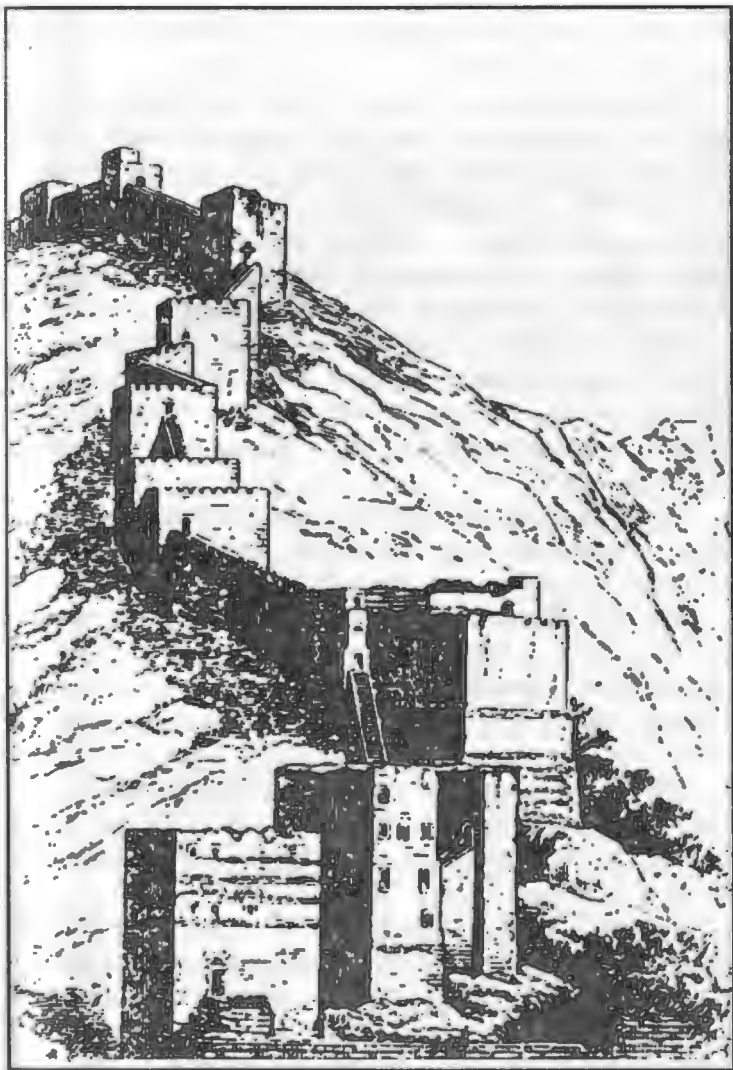
*Средневековая армянская крепость Ван.
Гравюра XVIII века.*

Усилия враждующих сторон в течение последовавших двух лет были прикованы к Акке. Именно там решалась судьба крестового похода. По крайней мере так всем казалось. Но на самом деле обладание Аккой ничего не решало, и в конечном счете такая схема войны была на руку Салах ад-Дину, потому что крестовый поход, упершись в стены Акки, лишился размаха. Пока силы крестоносцев были прикованы к одной крепости, Иерусалим и другие города, завоеванные Салах ад-Дином, находились в безопасности. Вероятно, будь у крестоносцев единое командование и разумный стратегический план, они, пользуясь перевесом в силах, могли бы добиться куда большего. На деле же получилась мясорубка, в которой были постепенно перемолоты лучшие рыцарские войска Европы.

С запада приплывали все новые отряды. Как только они высаживались у Акки, их тут же бросали в бой. И так продолжалось два года.

Салах ад-Дин занимал холмы в некотором отдалении от крепости. После очередного неудачного штурма он прорывал кольцо осады, вводил в город подкрепления и доставлял припасы. Хотя и с перерывами, действовала защищенная стенами и башней Мух гавань, где причаливали суда, приходящие из Египта. Крестоносцы устроили неподалеку свою гавань, так называемую гавань Маркграффа, именно там высаживались подкрепления и выгружались припасы для армии, прибывавшие на венецианских, генуэзских и пизанских кораблях.

Военные действия шли на таком небольшом пятачке, что каждый камень там был знаком и крестоносцам, и сарацинам. Ситуация два года почти не менялась. Внутри, ядрышком, Акка с ее гарнизоном, вокруг, как скорлупа, лагерь кресто-

Крепостные стены Антиохии в XII веке.

носцев, далее на холмах, как зеленая оболочка грецкого ореха, войска Салах ад-Дина.

Если защитники Акки спали в домах, у них всегда была вода и они не голодали, если Салах ад-Дин мог поддерживать связь с другими частями государства, то крестоносцы были зажаты между морем, холмами и стенами Акки. Когда-то там были сады и оливковые рощи, но постепенно осаждавшие вырубали их на топливо. Весь этот неширокий полумесяц земли был истоптан, во время редких зимних дождей превращался в непролазную грязь, в сухие же месяцы был покрыт пылью, которая при ветре заволакивала лагерь едкой дымкой.

Густо уставленный палатками, навесами и хижинами, заполненный многими тысячами людей, которые месяцами не мылись, болели дизентерией и лихорадкой, усеянный нечистотами — таков был лагерь крестоносцев. К тому же в нем всегда находилось несколько тысяч лошадей и ослов. Трудно даже себе представить тот ад, в котором жили крестоносцы.

Это была одна из первых затяжных позиционных войн в мировой истории. Не хватало лишь окопов — лагерь были защищены земляными валами.

Между армиями существовали какие-то элементы общения. Порой между форпостами шла оживленная торговля, иногда враги сходились для игры в кости или для поединков. В обоих лагерях не было недостатка в торговцах, мошенниках, мародерах и проститутках. Хотя и в изуродованной форме, Великий торговый путь продолжал функционировать, и Акка стала одним из его узловых пунктов. Товары проникали через линию фронта, рыцари побогаче держали стол, получая свежие продукты,

добытые в глубине страны, покупали дорогие одежды, благовония, пряности и драгоценности. В лагере крестоносцев процветали притоны. Таков был этот странный крестовый поход, который можно назвать «крестовым стоянием».

Положение Салах ад-Дина, хотя и было предпочтительнее, также оставляло желать лучшего. Если крестоносцы были армией без вождя, то Салах ад-Дин оказался вождем без армии. Ресурсы его султаната поглощала война, восточные и северные соседи были враждебны, и это вынуждало его держать против них значительные силы. Все обращения Салах ад-Дина к другим мусульманским государям встречались с горячим сочувствием, но реальной помощи он ни от кого не получал. Его султанат был щитом, оберегавшим Мосул, Аравию и Иран от крестоносной опасности. Салах ад-Дин вел «священную войну», багдадский халиф это весьма одобрял, сельджукские султаны и эмиры готовы были аплодировать ему, но Салах ад-Дин всегда опасался кинжала в спину.

В посланиях халифу и исламским государям Салах ад-Дин буквально молил о помощи. «Есть ли хоть один мусульманин, — писал он халифу, — который следует призыву?.. Между тем взгляни на христиан, какими массами они стекаются, как они спешат, как поддерживают друг друга, жертвуют богатствами, переносят величайшие лишения. У них нет государя, острова или города, который не послал бы на эту войну своих людей... мусульмане же вялы, лишены мужества, равнодушны, утомлены, бесчувственны, не ревностны в вере».

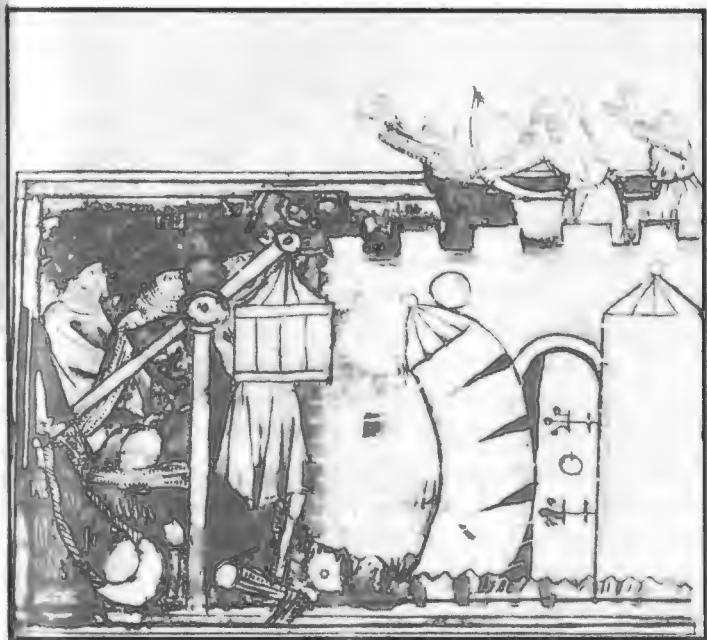
Салах ад-Дин был прав. Как бы ни были разрозненны крестоносцы, в каком бы ужасном положении они ни находились, их число непрерывно увеличивалось. И на подходе были основные

силы. Салах ад-Дин знал, что с севера идет громадная армия Фридриха Барбароссы, что к походу готовятся короли французский и английский.

Весной 1190 года из бревен и досок, привезенных из Италии, были сооружены три осадные башни, каждая высотой шестьдесят локтей, их верхние площадки располагались выше городских стен. Башни были столь велики, что в них размещались большие отряды лучников, а наверху стояли катапульты.

В конце апреля крестоносцы пошли на решительный штурм Акки. Салах ад-Дин бросил в бой свою армию, чтобы ударом с тыла сдержать натиск крестоносцев. Однако крестоносцы отразили атаки воинов Салах ад-Дина. Все ожидали скорого падения города, но его хитроумные защитники сумели «греческим огнем» поджечь все три башни. Это случилось под утро, когда стража на площадках дремала. На фоне розовеющих облаков горящие башни казались страшными оранжевыми шевелящимися столбами, которые бросали дым в самое небо. Высохшее дерево занялось так скоро, что люди еле успели спастись.

Вожди крестоносцев, удрученные потерей башен, решили на совете, что, пока не приплывут новые подкрепления, и не будут сделаны новые осадные машины, штурм отменяется. Эта новость в уставшем от пустого ожидания лагере была встречена чуть ли не мятежом. Многим казалось, что лучше смерть на поле боя, чем гниение заживо в этой клоаке. К тому же все видели, что вожди крестоносцев живут в полном достатке. В день святого Иакова истерия, овладевшая крестоносца-

*Штурм крестоносцами Акви.
Миниатюра XIII века.*

ми, стала неконтролируемой. Напрасно бароны и священники пытались удержать рядовых воинов. Неся самодельные кресты, размахивая мечами, взбешенные солдаты сломали ворота в заграждениях вокруг лагеря, опрокинули заслоны, смяли своих командиров и бросились к холмам, где стояла армия Салах ад-Дина. Нападение было неожиданным, и потому десяти тысячной толпе удалось прорваться в центр лагеря сарацин. Они даже захватили шатер Малик Аделя, брата Салах ад-Дина. И тут же разбежались по лагерю в поисках добычи и пищи. Салах ад-Дин тем временем собрал отряды, стоявшие в отдалении, и вызвал конницу. С трех сторон мусульмане ударили по крестоносцам, и через час все было кончено. «Девять рядов мертвецов, — пишет арабский летописец, — покрывали равнину, лежавшую между холмами и морем, в каждом ряду было по тысяче воинов». Мало кто вернулся в лагерь.

В лагере тоже было несладко: увидев, что толпы крестоносцев бегут к холмам, защитники Акки сделали вылазку. Они ворвались в опустевший лагерь и захватили там богатую добычу, причем главной добычей стали женщины.

О погибших вскоре забыли — товарищи поделили их добро и заняли их палатки и хижины. Чуть ли не каждый день прибывали все новые суда с подкреплениями — венецианцы и генуэзцы сказочно богатели на этом походе.

Лето прошло в мелких стычках. Салах ад-Дин на эти месяцы уехал в Дамаск и оставил у Акки лишь небольшие заслоны. Между тем в лагере крестоносцев разгорелись свары. Особенно они усилились после того, как ландграф Людовик Тюрингенский, побывав в Тире, к неудовольствию

короля Гвидо уговорил присоединиться к осаждающим Конрада Монферратского.

Личная неприязнь усугублялась еще и национальной рознью. Людовик Тюрингенский потому и призвал под Акку Конрада, самого авторитетного из князей Палестины, что оба они были подданными германского императора и представляли его интересы. Немцев же в лагере было меньшинство, и французы, имевшие решающий голос на совете, притесняли своих немецких товарищей по оружию. Те же надеялись на приход Фридриха Барбароссы с громадной армией. Французы ждали короля Филиппа. Англичане, которых было немного, ожидали прибытия Ричарда и в борьбу за иерусалимский престол не вмешивались. С Ричардом связывал свои надежды и Гвидо Лузиньян — Конрад Монферратский оттеснял его от трона.

Известие о гибели Фридриха Барбароссы пришло в лагерь под Аккой в конце июня. Оно как громом поразило все крестоносное воинство. Однако французская знать встретила эту весть с некоторым злорадством. Оно еще более усилилось после того, как стало известно, что германская армия распадается. Когда же к концу лета большая часть войска Фридриха погибла в Антиохии, все поняли, что Германия выбыла из числа претендентов на главенство на Ближнем Востоке.

Конрад Монферратский со своим отрядом поспешил берегом навстречу остаткам немецкой армии, опасаясь, что Салах ад-Дин опередит его и добьет крестоносцев. За Тиром он встретил немецкий отряд: несколько тысяч пехотинцев и горстку рыцарей во главе с герцогом Швабским — все что осталось от огромной армии Фридриха. 7 октября 1190 года герцог Швабский и Конрад прибыли в лагерь под Аккой.

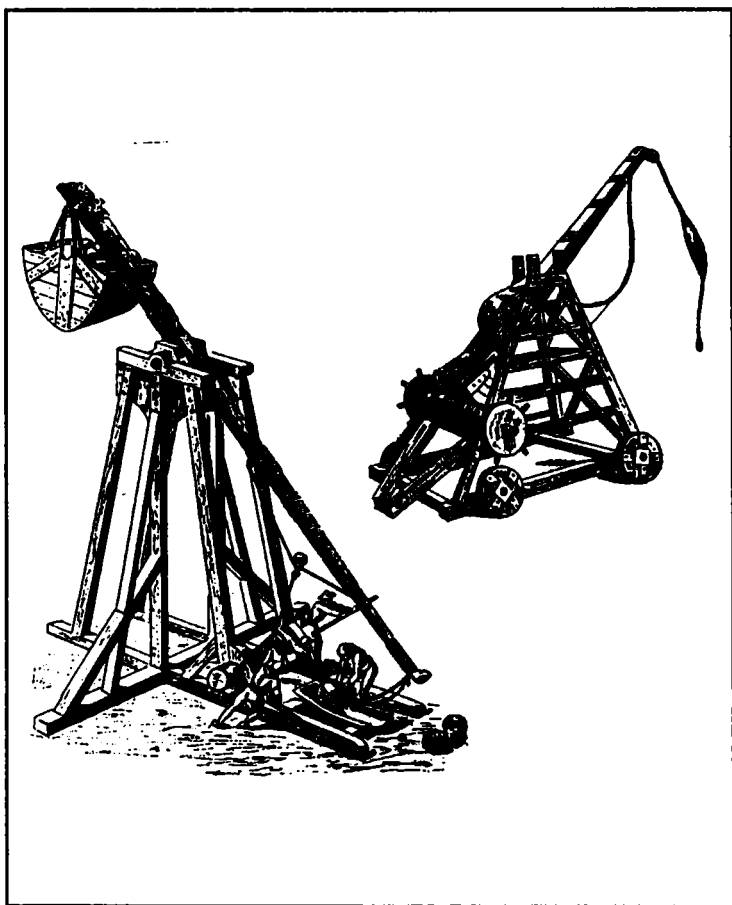
Тем временем крестоносцы предприняли новую попытку взять Акку. На этот раз ударной силой был большой корабль, специально переделанный для штурма. Вместо передней мачты на нем возвышалась башня с метательными орудиями. Когда основные силы крестоносцев двинулись на приступ, корабль подошел к стене крепости, которая обрывалась в море. Но и на этот раз защитникам Акки удалось поджечь башню. Корабль, объятый пламенем, выбросился на берег.

Остаток осени крестоносцы, теперь уже под руководством герцога Швабского, упрямо строили новые осадные башни. Но каждый раз сарацины их поджигали. Это был на редкость непроизводительный труд.

Наступила новая зима. Холодные дожди поливали утопающий в грязи лагерь крестоносцев. Так как все кредиты были давно исчерпаны — никто не рассчитывал на столь долгую военную кампанию, — подвоз продовольствия сократился, да и зима выдалась ветреной, штормило, и многие корабли потонули. Крестоносцы отдавали все мясо павших лошадей. Оборванные, оголодавшие, они были совсем не похожи на славных освободителей гроба Господня, какими покидали Европу. К дизентерии и тифу добавилась цинга, и за зиму треть крестоносцев вымерла.

В тяжелую зиму 1190 года было много случаев дезертирства. И если у воина не было денег, чтобы купить себе место на венецианском судне, то он бежал к холмам. Он был готов отречься от Христа, только бы не умереть от голода и цинги.

Как раз той зимой был организован третий духовно-рыцарский орден — Тевтонский. Несколько благочестивых пилигримов из Любека и Бремена устроили на выгашенном на берег старом

Осадные орудия раннего средневековья.

корабле больницу для крестоносцев. На этот госпиталь обратил внимание принц Швабский, который вынашивал идею создать немецкий орден в противовес тамплиерам и иоаннитам. Было отправлено соответствующее прошение в Рим, но положительного ответа герцог Швабский не дождался: в январе 1194 года он умер от цинги. После его смерти немногочисленные немецкие крестоносцы, что жили в лагере под Аккой, вообще остались без руководства.

У Салах ад-Дина дела тоже обстояли далеко не ладно. Его армия смертельно устала от двухлетней полевой жизни и непрерывных боев. Несколько раз вспыхивали бунты: воины требовали уйти из этих мест, оставив Акку христианам. Помощи он ниоткуда не получал, и с каждым днем его авторитет в мусульманском мире падал. То, что вначале было мудрым стратегическим ходом, через два года стало проклятием. Салах ад-Дин не мог предположить, что упорство крестоносцев окажется столь велико, а помощь из Европы столь обширной. Даже гибель армии Фридриха лишь ненамного облегчила его положение.

Но главная проблема, стоявшая перед Салах ад-Дином, заключалась в том, что истощилось терпение гарнизона крепости. Солдаты требовали отдыха, утверждая, что свой долг они давно уже выполнили. Салах ад-Дину нужно было идти на генеральное сражение, для того чтобы прорваться к крепости и ввести туда новых воинов. Но воины устали, и никто не хотел идти в западню. Мусульмане отлично знали, что франки беспощадны к пленным.

В конце концов Салах ад-Дин решился на сражение. Ему удалось прорвать кольцо осады и заменить гарнизон Акки. Видя, с каким удручен-

ным видом воины входят в крепость, Салах ад-Дин понимал, что, если английский и французский короли приплывут с большими подкреплениями, Акки не удержать. Но удержать ее было необходимо, иначе крестоносные армии вырвутся на простор.

В самые холода умерла королева Сибилла. Эта смерть вызвала новую свару в лагере крестоносцев. Презиравший и ненавидевший Гвидо Лузиньяна Конрад Монферратский тут же бросился в атаку. Впрочем, никаких формальных прав на престол у него не было. Одна ненависть к Гвидо еще не решала дела.

Но Конрад всегда отличался решительностью. Он объявил патриарху и совету баронов, что намерен жениться на Елизавете, младшей сестре Сибиллы. И в качестве ее мужа получить трон.

Ход был эффектный и поверг всех в изумление по двум причинам. Во-первых, Елизавета была уже замужем за Гонфредом Туронским, одним из баронов Иерусалимского королевства. Свадьбу сыграли десять лет назад, когда ей было восемь лет. Во-вторых, сам Конрад был женат, и не на ком-нибудь, а на сестре византийского императора Исаака Ангела, которая осталась в Константинополе.

Для обычного человека подобная ситуация была бы безвыходной. Но невероятная настойчивость и полная беспринципность Конрада и уверенность его баронов, что только он сможет спасти Иерусалимское королевство, привели к поразительным результатам. Брак Елизаветы был расторгнут, а брак Конрада с византийкой был признан недействительным как совершенный по обрядам православной церкви.

Этим шагом Конрад восстановил против себя

Византию, еще более обозлил соперников и смертельно перепугал Гвидо Лузиньяна, который понял, что теряет корону.

Ситуация накалилась до чрезвычайности. И тогда на совете вождей крестового похода было решено дожидаться прибытия королей Ричарда и Филиппа и отдать дело на их суд, а пока Гвидо пускай остается королем Иерусалима, тем более что Иерусалим не возвращен.

Конрад делал ставку на Филиппа, рассчитывал он и на поддержку нового главы немецких рыцарей герцога Леопольда Австрийского. Гвидо Лузиньян с нетерпением ждал Ричарда. Не надо было большого ума, чтобы понять: аквитанец Гвидо станет креатурой Ричарда. И как только до лагеря под Аккой донеслась весть о том, что короли уже отплыли в Святую землю, Гвидо начал собираться в путь: он должен был увидеть Ричарда раньше всех.

КТО БОИТСЯ КАРЛИКА

Отдав свое первое распоряжение в качестве короля — освободить мать, Ричард Львиное Сердце направился в Англию, потому что перед ним встала весьма непростая задача: найти деньги для крестового похода.

Король Ричард, хотя и принадлежал к породе воителей, не смог стать великим завоевателем. У него не было нужных для этого человеческих качеств. Главным недостатком Ричарда было неумение настойчиво стремиться к поставленной цели. Редко он вел себя как полководец, куда чаще — как отчаянный рыцарь. Он никогда не мог до конца понять, что важно, а чем можно пожертвовать. Не раз страсти и гордыня толкали его в предприятия, обреченные на провал. Ричард завоевал репутацию отважного рыцаря. Однако настойчивость он подменял упрямством, выдержку — физической выносливостью, стратегию — тактикой. Он ничего не добился, но разорил собственную страну, победил во множестве битв и поединков, но не выиграл ни одной войны.

Фридрих Барбаросса проиграл итальянскую кампанию, потому что поставил перед собой недостижимую цель. Но стремился он к этой цели с настойчивостью стратега. Ричард проигрывал кам-

пании, потому что не мог составить последовательного плана, подобно шахматисту, не способному заглянуть на несколько ходов вперед.

И все же в той своре королей, герцогов, графов и баронов, что устремились одним ударом освободить Святую землю от «неверных», достичь славы и богатства, он был, без сомнения, самым способным после Фридриха Барбароссы командиром. И так как Фридрих не дожил до решающих боев, тяжесть их упала на могучие, но не приспособленные для этого плечи Ричарда.

Может быть, даже его ограниченных способностей и силы воли хватило бы на победу, если бы не два фактора, которые обрекли крестоносцев на поражение. Первым фактором был их противник, выдающийся полководец Салах ад-Дин, руководимый высокой идеей — изгнать захватчиков, пришедших из-за моря убивать и грабить. Вторым фактором было само крестоносное войско, раздираемое враждой. Взаимная ненависть крестоносцев и их дразни совершенно заслонили первоначальную цель. Это была толпа способных и неспособных, отважных и трусливых, продажных и честных баронов, каждый из которых руководствовался лишь своей спесью, корыстью или тщеславием.

До начала похода никто в Европе не сомневался, что объединенные силы христианского мира сотрут сарацин с лица земли и христианское дело восторжествует. Поэтому Ричард даже не думал о том, победит ли он, дело шло лишь об одном — собрать самую сильную армию и быть первым среди крестоносцев. Салах ад-Дин был врагом абстрактным и оттого не самым опасным. Зато рядом собирались в поход соперники, не любившие Ричарда и желавшие отнять у него будущие лавры

великого героя. Это соперничество и определяло действия английского короля.

Вернувшись в Англию, Ричард приказал открыть сокровищницу. К его ужасу, оказалось, что она почти пуста. А где же деньги? Отец был прижимист и в конце жизни даже сэкономил на армии, что в конце концов его и погубило. В отчаянии Ричард обратился к матери. Та, поразмыслив, сообразила, что у Генриха наверняка должны были быть секретные кладовые, и даже сумела отыскать ключи от них. И тогда Ричард воспрянул духом: в тайных кладовых Генриха хранилось около миллиона фунтов стерлингов. С такими деньгами отец мог бы снарядить сильную армию и легко разбить и Ричарда, и Филиппа Французского. Так и осталось загадкой, почему в самый тяжелый момент Генрих не тронул этих денег.

И все же, хотя сумма была громадной, для крестового похода она была недостаточна. Одно дело — снарядить и вооружить армию наемников для боев в Нормандии, другое — сформировать войско и отправить его в Палестину. Сумму требовалось удвоить.

Казалось, что это невозможно. Но нашелся человек, который вызвался помочь.

Уильям де Лоншан, норманн, личность, обладавшая зловещим талантом, отрицательный герой истории, злодей, словно сошедший со страниц романов Дюма, начал свой путь в той же гулкой, холодной государственной канцелярии, что и Томас Бекет. Именно там Ричард когда-то увидел карлика с большой головой — простого клерка, который присоединил к своему имени частицу «де», чтобы претендовать на дворянское происхождение. Лоншан был ловок и умен, но Генрих-младший, который правил тогда в Лондоне, невзлюбил клерка

за то, что тот забрал слишком большую власть в канцелярии, и спровадил его с каким-то поручением в Руан. Там-то Ричард и встретился с Лоншаном. Ричард, у которого было чутье на нужных людей, пригрел карлика. И не ошибся, потому что тот стал оказывать ему немаловажные услуги. Но так как Ричард в те дни был лишь бунтующим принцем, Лоншана мало кто замечал. Взойдя на престол, Ричард привез полезного слугу в Лондон.

Хотя Лоншан и провел в лондонской канцелярии несколько лет, в Англии он все равно оставался совершенно чужим человеком, даже не удосужился выучить английский язык. Это также устраивало Ричарда — ему нужны были деньги, выкачать их можно было только из англичан, и сделать это обещал Лоншан, если ему дадут возможность управлять английскими делами. Однако, зная, что мать недолюбливает злого карлика, да и английская знать относится к нему с подозрением, Ричард поручил Лоншану управлять лишь южными графствами, север страны отдав своему двоюродному брату Хью де Пюсэ.

Как только Ричард отбыл из Англии собирать деньги и войска во французских провинциях, Лоншан принялся за дело.

Он начал торговать владениями короны. Причем в больших масштабах. К примеру, шотландскому королю, который считался вассалом Ричарда, он предложил купить независимость. Затем он объявил, что все должности в королевстве должны быть куплены. Не купивший должность лишался ее, она переходила к более богатому соискателю. Эту дань должны были заплатить не только все чиновники Англии, но и священники. Когда до короля докатилась волна возмущенных жалоб, он спокойно ответил, что вполне одобряет действия

управителя, так как деньги нужны на благое дело, и, будь он на месте истинных христиан, он отдал бы их добровольно. «Найдите мне покупателя, — закончил король, — и я продам ему Лондон». Затем Лоншан отправился в поездку по подчиненным ему графствам, где торговал должностями, а также продавал с аукциона королевские имения, замки, леса и уголья. А так как аукционы вел он сам, то значительная часть поступавших денег оседала в его карманах.

Кроме того, Лоншан был хорошим семьянином и не забывал о своих родственниках, которые съезжались в Лондон к нему под крыло. Низенькие, злющие, жадные, они гребли деньги. Братья Лоншана получили командные должности в войсках, оставленных в Англии для поддержания порядка, зять стал констеблем Дувра, то есть контролером всех таможенных доходов.

Так что в Руан, где Ричард собирал армию, Лоншан привез громадную добычу. Он приехал с надеждой на королевскую щедрость. Но в первый же день его ждало горькое разочарование. Когда он вошел в зал замка, где король ужинал с приближенными, ему указали место в самом конце стола, рядом с придворными низших рангов, тогда как Хью де Пюэз сидел рядом с королем. Лоншан рассчитывал на иной прием, и оскорбленная гордыня подсказала ему новую идею. Когда после ужина он был призван к королю и тот выразил ему благодарность за деньги, одновременно упрекнув, что денег мало, Лоншан заявил, что есть отличный способ умножить доходы. Ричард, зная, что страна ограблена, налоги увеличены и в городах начинается брожение, с недоверием выслушал Лоншана, однако его план показался королю многообещающим.

Для того чтобы оценить все хитроумие Лоншана, надо рассказать о коронации Ричарда. Вернее, трагедии, которая произошла во время нее.

В период подготовки и проведения крестовых походов всякий раз в Европе поднималась волна шовинистических настроений. И это понятно: рыцарь ехал в Святую землю освобождать гроб Господень, а обыватель хотел внести свой вклад в святое дело, не отходя от дома. Для этой цели всегда находились жертвы — еретики и евреи.

За спинами погромщиков, что рассчитывали нажиться на столь богоугодном деле, зачастую стояли рыцари, которые были по уши в долгах у ростовщиков и торговцев. И если в обычные времена короли и герцоги, зависевшие от еврейских банкиров, охраняли их соплеменников от нападений, то в годы крестовых походов, когда Европу охватывала массовая истерия, евреям приходилось несладко.

Антиеврейские настроения в Лондоне, конечно, существовали, но ничто не предвещало погромов — город был торговым, богатым, и еврейские негоцианты занимали в нем не последнее место.

Искру в горячий материал кинул сам Ричард, который государственным умом похвастаться не мог. Почему-то ему пришла в голову дурацкая мысль: объявить по всему городу, что евреям и ведьмам на коронации присутствовать запрещено. Это объявление, разнесенное герольдами, само по себе еще ничего не означало, но возбуждение городских низов, всего сброда, стекавшегося на коронацию в расчете на даровое угощение, было направлено в определенную сторону.

Коронация прошла благополучно, и ни одного еврея там не было, но после нее, когда начался пир в Вестминстерском дворце, несколько богатей-

*Пожар в Йорке во время еврейского погрома.
Рисунок XII века.*

ших еврейских негоциантов, желая проявить верноподданнические чувства, облачились в лучшие одежды и понесли королю дары. Кто-то из перепивших баронов поднял шум, крича, что этим христопродавцам здесь не место. Ричард расхохотался, подарки велел принять, а незваных гостей гнать в шею.

И вот когда из дворца выбросили изрядно помятых купцов, в толпе на площади разнесся слух, что евреи пробрались во дворец, чтобы убить христианского короля.

Толпа набросилась на несчастных и буквально разорвала их на куски. Кровь, пролившаяся на площади, лишь разожгла аппетиты черни. Тысячи людей носились по улицам, поджигая дома евреев, грабя, насилая и убивая.

Из Лондона погромы перекинулись на другие города. Особенно кровавыми они были в Йорке, богатом городе с большой еврейской общиной. Когда там начался погром, многие евреи, предупрежденные беглецами из Лондона, отчаянно сопротивлялись; более тысячи человек укрылись в пустовавшем королевском дворце и, забаррикадировавшись в нем, отражали атаки толпы. Может быть, несчастные и остались бы живы, если бы кто-то из нападавших не решил обратиться к местным баронам, которые почти все были в долгу у осажденных. Бароны сообразили, что им предстала замечательная возможность улучшить финансовое положение, и согласились ввести в бой свои отряды. Поняв, что все погибло, осажденные сначала зарезали своих жен и детей, а затем покончили с собой. Те несколько человек, которые сдались, были тут же замучены у ворот дворца. А затем, чтобы скрыть следы, а может быть, просто в пьяном безумии толпа сожгла и сам дворец.

Идея Лоншана была связана именно с этим погромом.

Лоншан попросил сделать его исполняющим обязанности архиепископа Кентерберийского, дабы сконцентрировать в своих руках контроль над церковью. Ричард согласился. Он не заметил или не захотел заметить, что этим отдает всю страну во власть карлика. Лоншан напомнил королю, что Йорк, где планировалась операция, находится под управлением Хью де Пюсэ и что тот будет возражать, если Лоншан начнет добывать деньги на чужой территории. Так что нужно под каким-то предлогом задержать де Пюсэ в Руане. На это Ричард также согласился.

Затем Лоншан вернулся в Англию и стал проводить в жизнь свой великолепный план. Он прибыл в Йорк с большим вооруженным отрядом и для начала наложил громадные штрафы на всех, кто участвовал в избиении евреев. Затем он конфисковал земли тех баронов, которые штурмовали королевский дворец. Меры были жестокие, но, когда церковные деятели попытались воспротивиться разорению баронов, с которыми были тесно связаны, Лоншан заявил, что исполняет обязанности архиепископа Кентерберийского и потому епископы должны ему подчиниться.

Самый неожиданный ход он прибег к концу карательной акции. Он объявил, что английское государство — наследник всех погибших евреев. Лоншан тщательно собрал не только все документы, которые касались имущества жертв, но и все долговые расписки и векселя. И тогда он востребовал неуплаченные долги с тех, кто, участвуя в погроме, надеялся, что теперь их некому будет взыскивать. Лоншан умудрился буквально пустить по миру большинство йоркширских рыцарей и

баронов. Когда же оставшиеся в живых родственники погибших евреев заявили, что долги вернули не тем, кому они причитались, Лоншан прогнал их со двора. Так что пострадали все, кроме Ричарда и его верного слуги. Заодно, как нетрудно понять, Лоншан под шумок грабил горожан, не принимавших участия в погроме. Его менее всего интересовала справедливость: ему нужны были деньги и власть. Он покинул Йорк, оставив там шерифом своего брата.

Когда вести о разорении Йорка достигли Нормандии, Хью де Пюсэ был взбешен и кинулся к королю с жалобами. Ричард разыграл полное неведение и, разумеется, отпустил Хью де Пюсэ домой, чтобы тот на месте разобрался в недоразумении. Хью де Пюсэ застал Лоншана в Йоркшире. Когда он потребовал объяснений, карлик предъявил ему письмо короля, в котором тот уполномочивал его управлять всей Англией. После этого Лоншан конфисковал все замки соперника, а ему самому приказал удалиться от дел. Вскоре подручные Лоншана схватили Хью де Пюсэ и заточили в монастырь. А Лоншан водрузил свое знамя над королевским дворцом в Виндзоре.

Безнаказанность вдохновляет мерзавцев. Лоншан начал вести себя как король. Все официальные документы вместо государственной печати он скреплял своим кольцом. Он создал специальный отряд стражи. Ни один человек не мог проникнуть к нему, пока не пройдет через три заслона стражи, где его обыскивали, не припрятал ли он оружие. Давая аудиенцию, карлик всегда сидел в кресле, по обеим сторонам которого стояли здоровенные телохранители.

В истории порой возникают люди одной породы — большеголовые карлики. В те дни, когда и

Виндзорском замке сидел Лоншан, в Японии воцарился карлик Ёритомо Минамото, победивший дом Тайра. Как и Лоншан, он был умен и жесток. Он ненавидел всех, кто был высок и красив. Он мстил человечеству за то, что судьба обделила его ростом.

Когда Лоншан выезжал из дворца, его сопровождал отряд из полутора тысяч рыцарей и солдат: он знал, как его ненавидят в королевстве, и пуше всего берег свою драгоценную жизнь.

Лоншан грабил баронов, купцов и ростовщиков. Те, чтобы компенсировать потери, с удвоенной силой набрасывались на крестьян и ремесленников. И если крестьяне, еще жившие натуральным хозяйством в маленьких деревнях, могли жаловаться лишь Богу, то горожане были неплохо организованы и могли сопротивляться. Ростки недовольства бурно развивались именно в городах, в первую очередь в Лондоне.

Хотя читатель без труда может представить себе образ средневекового города, образ этот будет неточным. То, что сохранилось до наших дней от этих городов, схоже с костями динозавров в палеонтологическом музее. Случайный посетитель музея без помощи специалиста не сумеет восстановить облик вымершего чудовища. Так и читателю необходим экскурсовод, ибо прошедшие века не тронули лишь наиболее крепкие, наиболее выдающиеся здания: собор, ратушу, некоторые богатые дома в центре, остатки крепостных стен...

Каков же был в действительности средневековый город, в котором неоднократно приходилось бывать, а то и жить героям нашего повествования?

Когда и как он возник? Может быть, он существовал с античных времен?

Последний вопрос не случаен. Некоторые историки утверждают, что основные города Европы — наследники городов Римской империи. Они захирели после падения Рима, но к концу I тысячелетия нашей эры воспрянули вновь.

Очевидно, это не совсем так.

Правда, после гибели Западной Римской империи некоторые города, несмотря на неприязнь к ним варваров, не были разрушены. В их числе были, например, Кельн и Трир; раскопки доказывают, что жизнь в них не прекращалась. Там трудились ремесленники, чеканилась монета, действовали рынки. Эти города даже сохраняли в течение столетий римскую планировку — прямые улицы, форум, стадионы. Однако бывшие античные города потеряли главное — свою функцию административно-религиозных центров. Христианская религия обособилась от города. Ее центрами в раннем средневековье были монастыри, и могущество церкви основывалось не на торгово-ремесленной деятельности, а на земельной собственности. Земля была и основой богатства феодала. Поэтому старые города, даже если и не исчезли полностью, потеряли былое значение, оказавшись в стороне от новых торговых путей и новых политических центров.

Но к концу I тысячелетия развитие ремесел и торговли вступило в конфликт с интересами церкви и феодалов, и возникавшие на торговых путях новые города стремились оградить свое право на прибыль, на самостоятельность и безопасность. И барону, и епископу желательно было своих подданных грабить, вот почему объединения купцов и ремесленников — гильдии и цехи, как только появляется возможность, обносят свое посе-

ление стеной, чтобы защититься от баронских отрядов. В борьбе за независимость города опираются на монархов, которых беспокоит усиление феодалов и церкви.

К концу XII века в Европе существует уже много десятков крупных независимых городов. Разработана внутренняя структура городов, сложившиеся на протяжении столетий права их оформлены юридически и признаны в пределах государств. Города становятся настолько могущественны, что легко переносят длительную осаду. Как уже рассказывалось, даже император Фридрих Барбаросса с лучшей в Европе армией не смог покорить Милан.

Разумеется, городам Франции, Германии, Англии пока не сравниться с итальянскими, вскормленными средиземноморской торговлей, ни роскошью зданий, ни богатством торгово-ростовщических домов, ни независимостью гильдий. Но и там было немало городов, значительных даже по сегодняшним меркам.

Прежде чем снова побывать в Лондоне, я предлагаю заглянуть в типичный средневековый город, пройти по его улицам, посетить его дома, увидеть, как жили горожане.

Город всегда окружен стеной. Иногда двумя рядами стен. Город не забывает, что вокруг него враги, алчущие его богатств. Город знает, что постоянные войны феодалов попросту уничтожат его упорядоченный мир, если он не сумеет сам себя защитить.

Когда приближаешься к городу, уже издали видны его высокие стены, многочисленные башни и крыши церквей. Вокруг города — поля. Принадлежат они горожанам. Город в значительной степени сам себя кормил, зачастую даже владел деревнями и угодьями. Но если на первом этапе его

существования поля и пастбища находились внутри стен, то постепенно дома вытеснили сельскохозяйственные угодья из города, и с годами город все более полагается на привоз продуктов извне: ремесло и торговля выгоднее, чем земледелие и скотоводство.

Через наполненный водой ров перекинут подъемный мост. Перед рвом есть дополнительные преграды — бревенчатый частокол и заросли колючих кустарников. Недалеко от моста часто воздвигался каменный помост с высокими столбами, соединенными поперечной перекладиной. Это лобное место, где совершались казни. Тела казненных подолгу не убирались, поэтому по ночам к лобному месту сбегались волки, а по соседству всегда гнездились вороны.

С восходом солнца ворота раскрываются. Сначала из города выгоняют стада коров и отары овец, чтобы они до заката паслись на окрестных пастбищах, затем в город начинают втягиваться крестьянские возы со снедью для рынка. После этого наступает очередь пилигримов, бродячих актеров, проповедников и всякого дорожного люда.

В воротах стража проверяет товары, чтобы не привезли лишнего, запрещенного либо некачественного. Там же собирают пошрины — за право въезда в город и за ввоз товаров.

Даже если когда-то на месте города находилось римское поселение, его уже не узнать. Городская стена диктует городу свои законы, она стискивает его и заставляет расти ввысь.

Если в VIII—X веках город еще мало отличался от деревни — он был застроен глиняными мазаками с каркасом из ивовых прутьев и между домами размещались участки пашни, — то к концу XII века демографическая ситуация привела к десятикратно

му увеличению населения городов, тогда как новые стены воздвигали редко: уж очень это было накладно.

Поэтому типичный европейский город того времени — лабиринт узких переулков, где верхние этажи домов выступают над нижними, так что свет проникает в переулок через узкую щель. Дома, как правило, деревянные, лишь в самых богатых из камня выкладывается нижний этаж либо ставятся каменные стены в одной комнате, куда на случай пожара складывают ценные вещи. А так как семья растет и требуются все новые комнаты, дом постоянно переделывается и надстраивается, соответствуя характеру самих улиц и переулков: внутри он — лабиринт комнат и комнатшек, узких лестниц и тесных коридоров. В городе живут тесно.

Улицы в XII веке немощеные. В Париже в то время была лишь одна мощеная улица. Поэтому в дождь или осенью улицы становились непроходимыми и непроезжими. В летописях отмечено предупреждение жителей немецкого города Рейтлингена, просивших императора повременить с визитом в их город. Император не послушался и чуть не утонул вместе с лошастью на одной из улиц.

Чтобы как-то передвигаться по грязи, горожане употребляли специальные деревянные «галоши» — высокие чурки, привязывая их к башмакам. Самых знатных носили по улицам в паланкинах и портшезах.

Бедой города были и нечистоты. Положено было помои и отбросы выливать в специальные клоаки, которые периодически опорожнялись. Но мало кто, несмотря на строжайшие указы, придерживался этих правил — проще было вылить содержимое ночного горшка на улицу. Неудивительно, что эпидемии в городах распространялись со ско-

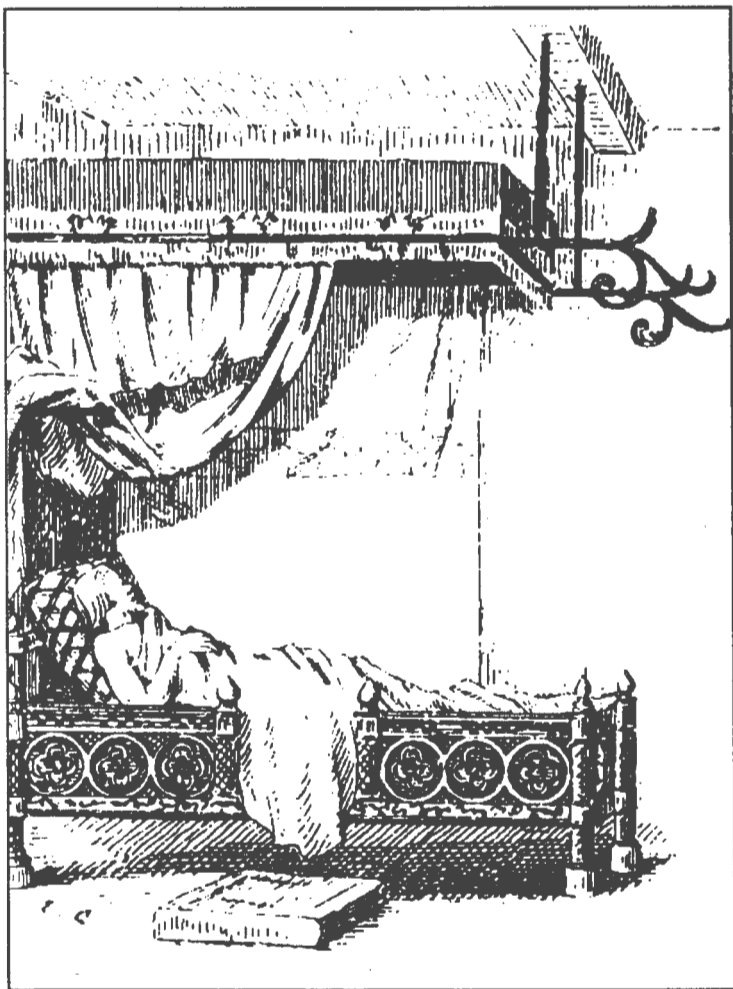
ростью молнии, и, когда по Европе в XIII веке прокатилась «черная смерть», многие города вымирал целиком.

Нередко города и выгорали. Огонь пожирал улицу за улицей, и люди оказывались в мышеловках тесных кварталов. Тут уж и речи не было, чтобы тушить пожар, — успеть бы, взяв самое ценное, убежать. Городские власти вели отчаянную, но неравную борьбу с пожарами. Смертная казнь полагалась не только поджигателю, но и человеку, пригрозившему в сердцах поджечь дом недруга.

Каждый дом был как бы городом в миниатюре. Таким же замкнутым, таким же отделенным от внешнего мира, укрытым от посторонних глаз. На нижнем этаже помещалась лавка или мастерская. Так как стекла стоили очень дорого (если в богатом доме и вставляли их, то только на верхних этажах, причем стекла были такими мутными, что сквозь них почти ничего нельзя было разглядеть), окна были закрыты ставнями, толстыми, крепкими, окованными железными полосами. В лавках ставни были двойными. Нижняя половина откидывалась, образуя прилавок, а верхняя поднималась, и получался навес.

За домом обычно находился небольшой двор, обнесенный высокой стеной. Там были сарай, каморки для подмастерьев, хлев и склад. Дома были настолько разобщены, что когда колодец оказывался между двумя усадьбами, его разгораживали, чтобы каждый мог черпать воду лишь на своей половине колодца и не видеть соседа.

Очаг в доме был открытым. Под был выложен каменными плитами, на нем располагалась железная решетка для дров. В домах бедняков очаг служил и источником света. Сальные свечи были дороги, а восковыми могли пользоваться лишь

*Кровать в богатом доме.
XII век.*

богачи. От свечей, масляных светильников и очага в комнатах всегда было смрадно, мебель покрывалась сажей.

Практически вся обстановка и утварь были деревянными. Гончарное дело было развито куда хуже, чем в античном мире или на Востоке. Так что бондари и бочары были заметными фигурами. Они изготовляли кадки, бочки, ковши. Плотник, строивший дом, обычно и столярничал, а потому мебель была простой и грубой.

Центром дома была спальня. В богатом доме там ставили большую, шириной до четырех метров, кровать с балдахином. Это был деревянный помост, лишь изредка — рама, перетянутая ремнями. На кровать клали тюфяки, набитые соломой или шерстью. В некоторых домах появились постельное белье, одеяла и даже пуховые перины.

Количество клопов и блох, обитавших в такой спальне, трудно вообразить.

Еще в спальне стояли сундуки с добром и табуреты.

Обеденный стол был широкой толстой доской на козлах. Возле него стояли скамьи. Чтобы скрыть грубое дерево и украсить быт, на стены вешали ковры, на скамьи клали ковры и подушки. На пол тогда ковры не стелили.

Питались горожане, как правило, скудно, и голод был привычным состоянием, особенно в неурожайные годы, во время осад и других бедствий. Мяса ели мало, масла почти не знали (лишь в Италии сравнительно широко употребляли оливковое масло, но для лондонца оно было привозной роскошью), сахар был почти неизвестен, его заменяли медом. Почти не ели овощей. Основной едой были ржаной хлеб и каша. Считается, что горожа-

нин в среднем съедал в день более килограмма хлеба.

Так как пряности были баснословно дороги, пищу обильно солили и приправляли чесноком и уксусом.

Ели из мисок, бедные — из деревянных, богатые — из серебряных. Часто была одна миска на семью. Вилки почти не знали, мясо, если было, клали на хлеб.

В Италии, Франции, Южной Германии пили много вина, в Англии и Северной Германии его заменяло пиво. Ячменное пиво было известно еще в античные времена, но применение хмеля — изобретение средневековья. А вот винный спирт, который аптекари уже научились получать, все еще был лишь составной частью лекарств.

Когда горожанин заболел, он мог позвать аптекаря или лекаря, но пользы от их прихода было мало. Европейская медицина переживала период варварства. Поэтому даже невинные по сегодняшним понятиям болезни часто заканчивались смертью.

И тогда горожанина везли на кладбище.

Кладбище располагалось чаще всего в центре города, рядом с собором. Постепенно его все более теснили дома, но так как могилы близких были ценностью, которую, как и дома живых, надо было оберегать от врагов, за пределами города хоронить не хотели. И по прошествии некоторого времени в старые могилы клали новых мертвецов — кладбища были многоэтажными.

Таков был город...

А теперь вернемся к нашему карлику.

Ричард игнорировал жалобы из Англии. Его

позиция была проста: до тех пор пока Лоншан присылает ему деньги, Лоншан хорош. И пускай недовольные брюзжат.

Возможно, эта ситуация завершилась бы взрывом, если бы в дело не вмешалась Элеонора Аквитанская.

В семьдесят лет она оставалась стройной и энергичной женщиной с ясным умом и удивительно здравым смыслом. Обожая Ричарда, она понимала, что сила его — в поддержке баронов и горожан. Лоншан же объективно отнимает у Ричарда страну. Крестовый поход — лишь эпизод в биографии короля. И не следует допустить, чтобы он был последним эпизодом. Элеонора словно предвидела, к чему может привести конфликт короля с его подданными. Ее счастье, что она не дожидается до того дня, когда ее младший сын Джон будет вынужден униженно подписать Великую хартию вольностей, чтобы сохранить трон. Но даже это не спасет его от бесславной доли беглеца, презираемого своим народом.

Элеонора вступила в борьбу за Ричарда, хотя тому казалось, что она без нужды вмешивается в его дела. В то время Ричард был в Марселе, где собирал флот. Каково же было его удивление, когда неожиданно в его военном лагере появилась мать! Она верхом проехала всю Францию, чтобы обсудить с сыном положение в Английском королевстве. Ричарду не очень хотелось заниматься всем этим: Англия была далека. Но мать умела с ним обращаться, к тому же в последние месяцы поток денег из Англии иссяк. Лоншан и его родственники обнаглели настолько, что большую часть добычи клали себе в карманы. Мать была непреклонна — Лоншан обидел ее, утверждая, что подчиняется только Ричарду. В конце концов Элеонора сломила

равнодушие сына, и тот согласился отправить в Англию комиссию из четырех баронов, которые проверят действия Лоншана. Но этот компромиссный вариант мать не устраивал. И она сделала иное предложение. «У тебя есть сводный брат Годфри, — сказала она, — бывший канцлер, которого ты после смерти отца отправил в ссылку. Это честный человек, непримиримый и сильный духом. Единственный достойный соперник хищнику, которому ты отдал Англию».

Ричард был поражен: он знал, что мать недолюбливала Годфри. Между тем Элеонора лишь отдавала пасынку должное, зная, что он единственный не покинул Генриха в его смертный час.

Переспорить мать Ричард не смог. И скрепя сердце подписал грамоты, которые давали Годфри полномочия действовать в качестве архиепископа Кентерберийского и представителя короля. И даже получил на то согласие папы.

Добившись своего, Элеонора занялась другим важным делом — женитьбой Ричарда. В свое время, когда он короновался, Элеонора настаивала на этом — недостатка в невестах не было. К ее удивлению, Ричард сказал, что если он и женится, то только на Беренгариин, дочери Санчо Мудрого, короля Наварры. Он видел Беренгарию лишь однажды, когда со своим другом Санчо-младшим, наследником наваррского престола, посетил маленькое горное королевство. Тогда Элеонора была категорически против этого брака, ибо он не давал никаких политических выгод. К тому же оставался нерешенным вопрос с Алисой, которая формально продолжала считаться невестой Ричарда. На этот раз Ричард попросил мать съездить от его имени на Пиренеи и уладить брачные дела. И Элеонора тут же согласилась. Почти не отдохнув после

долгого путешествия, она снова села в седло и поскакала в горы сватать сына.

Лоншан, разумеется, через своих шпионов прознал, что Годфри едет в Англию. Он полагал, что согласие на это было хитростью вырвано у Ричарда ненавистной королевой, и потому был уверен, что на самом деле Ричард полностью на его, Лоншана, стороне. Поэтому он приказал не пускать Годфри в Англию.

Исполнение этой операции было возложено на сестру Лоншана Риченду, жену констебля Дувра, такую же маленькую и большеголовую, как брат, столь же злобную и решительную.

Риченда послала в море военный корабль, чтобы перехватить Годфри в пути. Корабль Годфри был взят на абордаж, королевский уполномоченный прибыл в Англию пленником. Он молчал и не делал попыток сопротивляться.

На берегу ждала стража. Пленнику подвели коня. Годфри вскочил на него, дернул поводья, и конь послушно поскакал вперед. Годфри рассчитал правильно: неподалеку стоял монастырь святого Мартина и ворота его были открыты. Он влетел во двор монастыря, соскочил с коня и побежал в церковь. Он уже понял, что ни звание архиепископа Кентерберийского, ни высокое происхождение его не спасут.

Преследователи ворвались в монастырь, но в церковь, где спрятался Годфри, войти не посмели. Монастырь был окружен. Солдаты ждали дальнейших инструкций от Риченды. Та разразилась проклятиями и приказала любой ценой схватить принца.

Однако тут против нее сыграла память о судьбе Бекета. Ведь прошло менее двадцати лет со дня его

смерти, и солдаты не решились вытащить нового архиепископа из храма.

Риченда сама прискакала в монастырь руководить операцией, приведя с собой отряд не столь богобоязненных солдат. Расталкивая и избивая монахов, солдаты ворвались в церковь и увидели, что Годфри по примеру Бекета в полном облачении восседает в алтаре, держа в руке крест. И они оробели. Через сутки Риченда послала собственных слуг — те увидели, что за сутки Годфри не двинулся с места. Слуги тоже отступили. Так прошло четыре дня. Архиепископ все сидел в алтаре, в дверях церкви стояли стражники, которые ждали, что он сделает хотя бы шаг в сторону. На пятый день, подчиняясь грозным приказам брата, Риченда напоила до озверения нескольких солдат — отпетых висельников, пообещала каждому кучу денег и поклялась, что найдет епископа, который снимет с них проклятие, если случится грех. Солдаты, подбадривая друг друга, с воплями подбежали к алтарю и, раскидав монахов, принялись тащить архиепископа. Годфри был воином, а не монахом, поэтому он умело сопротивлялся и покалечил нескольких солдат крестом, которым действовал как топором. Но в конце концов, избитого и израненного, его вытащили из церкви, отвезли в Дувр и, заковав в цепи, бросили в подземелье замка.

Восемь дней принц-архиепископ просидел в подземелье. Лоншан полагал, что победил. На этот раз он ошибся. Расправа с Годфри вызвала у английской знати такую бурю негодования, а аналогия с судьбой Томаса Бекета напрашивалась настолько открыто, что Лоншану пришлось отступить. Последний удар Лоншану неожиданно нанес принц Джон, младший брат короля, который до

поры до времени занимал выжидательную позицию. Но он понял, какая разразится буря, когда вернется мать. Поэтому он присоединился к баронам и тоже потребовал освобождения Годфри.

Перед лицом негодующей знати Лоншан заявил, что виновата его сестра, которая выполняла функции таможенника и хотела лишь убедиться, не самозванец ли приплыл в Англию.

Годфри освободили.

Увидев, какую встречу устроили Годфри лондонцы, Лоншан струсил. Десятки тысяч людей вышли на улицы. Колокола звонили так, словно в город вошел освободитель. Той же ночью Лоншан заперся в Виндзорском замке.

Затем прибыла комиссия из четырех вельмож. Лоншан отказался ее принять. Тогда Годфри и Джон собрали ополчение баронов и подступили к Виндзорскому замку, требуя, чтобы Лоншан вышел на переговоры. Тот бежал в Лондон, где укрылся в Тауэре. Оттуда Лоншан обратился к лондонцам с речью, в которой утверждал, что он единственный верный слуга короля. Но так как английского языка он не знал, а французским не владели горожане, то его призывы ни к чему не привели. Лондонцы улюлюкали, и Лоншану пришлось спастись от камней и гнилых овощей, которыми его забросали горожане.

Тауэр был осажден. Годфри отправил Лоншану ультиматум, в котором ему предписывалось сдать в казну всю свою собственность, включая нечестно захваченные замки, и выдать в качестве заложников братьев и сестру.

Лоншан вынужден был согласиться на все условия.

Случилась удивительная вещь: еще вчера все бароны трепетали перед карликом, и вдруг оказа-

лось, что во всей Англии не нашлось никого, кто посмел бы его поддержать. Лоншан бежал в Дувр, надеясь затем уплыть во Францию, чтобы пожаловаться королю. Там, во Франции, он хранил часть награбленных сокровищ.

Лоншан переоделся уличной торговкой и нацепил шляпу с густой вуалью. Именно эта вуаль и привлекла внимание рыбачек, которые заметили странную торговку на берегу. Лоншана снова подвело незнание языка. Он пытался убежать, но женщины решили, что это переодетый разбойник. Когда же обнаружилось, что под женской одеждой прячется карлик, слишком хорошо известный в стране, они приволокли его в город.

В конце концов Лоншан был изгнан из Англии, его имущество было конфисковано.

Через некоторое время ему удалось вновь втереться в доверие к Ричарду, но править Англией ему больше не дали. И он, и его родственники мирно скончались и сохранили часть богатств.

Плоды его деятельности скажутся позже — он лишь толкнул Англию под уклон.

«ВЕЛИКИЙ МАЛЬЧИК»

Из трех государей Европы, возложивших на себя крест, меньше всех был заинтересован в походе Филипп Французский. Участие в нем было для него продолжением многолетней борьбы с Плантагенетами за господство во Франции. Он не мог позволить себе остаться дома, выйти из большой игры и отдать инициативу английскому и германскому владькам. В великом предприятии европейского религиозного духа ему надлежало быть на первом плане.

Филипп разительнo отличался от своих великих современников. В нем не было мощи Фридриха Барбароссы, не было и захватской решительности Ричарда, не было головоломного умения пробиться сквозь миллион смертей и опасностей, свойственного Андронику Комнину. Филипп и в зрелом возрасте остался тихим, серьезным мальчиком, который когда-то подошел к Генриху Анжуйскому и сказал, что, когда вырастет, отнимет у него все, что тот отобрал у его отца. Он и прожил всю жизнь, подсчитывая монеты и земли. Франции, слабой и разобщенной, был нужен именно такой государь — собиратель, скряга, заговорщик, интриган, с каждым днем добавлявший по монетке в сундучок. И пока соседи отчаянно рубились в

бесплодных битвах, он . умел затаиться, чтобы появиться в нужный момент с векселем в руке.

Вот портрет Филиппа, оставленный нам Мартином Турским: «Он обладал превосходным сложением, изящными формами и приятным лицом, был плешив и красен, великий мастер поестъ и выпить. Он был откровенен с друзьями и очень замкнут по отношению к тем, кто ему не нравился. Предусмотрительный, упорный в своих решениях и твердый в вере, он обнаруживал замечательную быстроту и прямоту в своих суждениях. Баловень судьбы, вечно опасаясь за свою жизнь, он быстро приходил в гнев и так же быстро успокаивался; он был суров по отношению к знатым, которые не оказывали ему повиновения, любил возбуждать между ними раздоры и охотно приближал к себе незнатных людей».

Портрет апологетический, он призван воспеть короля, но как проговаривается летописец! Между строк мы видим трусость, подозрительность и вечный страх, в котором живет Филипп, ненависть к князьям, полагавшим себя выше короля. А вот еще один его портрет, составленный в XIX веке французским историком Люшером: «Средние века видели мало таких оригинальных фигур: если по своему суеверию, жестокости, вероломству и совершенной неразборчивости в выборе средств он вполне сын своего времени, то, с другой стороны, он значительно отклоняется от типа феодального рыцаря. Он если не хладнокроен и терпелив, то по крайней мере настойчив и скрытен: он умеет выжидать и рассчитывать, редко выдает свои намерения и действует лишь наверняка. Он — политик».

Таким Филипп был сызмальства. Престол достался ему в 1180 году, когда он был подростком. Пользуясь молодостью короля, могущественные феодалы объединились, стараясь вообще избавиться

от власти династии Капетингов. Коалиция была грозной и казалась непобедимой. В нее входили герцог Бургундский, графы Фландрский, Намюр, Блуа, Шампань и другие — вместе они были втрое сильнее юного Филиппа. И тем не менее за пять лет, продолжая при том войну с Генрихом Английским, Филипп сумел победить эту коалицию, использовав ее внутренние противоречия. Порой казалось, что его дело безнадежно, но, играя на вражде соперников, привлекая на помощь сыновей английского короля, вступая в немыслимые союзы и предавая своих союзников, Филипп не только разгромил коалицию, но и смог ограбить одного из главных противников — графа Фландрского, включив в свой домен часть его владений.

Вот такого врага по наследству приобрел Ричард Львиное Сердце. И такого союзника по крестовому походу. Филипп не только согласился отправиться в Святую землю, но, более того, изъявил желание двигаться туда вместе с Ричардом, практически одним маршрутом. И не без расчета, потому что Филипп ничего не делал без расчета. Филипп был уверен, что Ричард, который вложил в организацию крестоносного войска колоссальные средства и собрал могучую армию, на пути к Иерусалиму ударится в авантюры. Филипп даже мог предугадать, в какие.

Очевидно, первый удар будет нанесен по Сицилии, так как Ричард не скрывал, что намерен защитить права своей овдовевшей сестры Иоанны, которые ущемил новый сицилийский король Танкред. Исход этого предприятия был неясен, но здесь можно было погреть руки или по крайней мере помешать Ричарду.

Французская и английская армии должны были достичь Палестины морем. Отряды тянулись по Франции к югу.

Филипп II Август, король Франции.

После нескольких недель похода армиям пришлось разъединиться. Во-первых, вместе им трудно было прокормиться. Во-вторых, зафрахтованные корабли ожидали в разных портах. Филипп намеревался плыть в Палестину на генуэзских судах и потому пошел к Генуе. Ричард собирался отплыть из Марселя — частично на английских, частично на французских кораблях.

К Марселю между тем спешила Беренгария, сопровождаемая Элеонорой. Будущая свекровь была довольна невестой сына, ее родственниками тоже. Разумеется, Ричард был достоин лучшей партии, но он совершенно не интересовался девушками, и хорошо еще, что согласился жениться на этой провинциалке.

Элеонора рассчитывала, что свадьбу сыграют тут же. Но, к сожалению, Ричарда они не застали. После нескольких месяцев неспешного путешествия по Европе он вдруг заторопился — словно испугался, что Иерусалим возьмут без него. Так что дамы увидели лишь растворяющиеся в морской синеве разноцветные паруса кораблей.

Королева Элеонора была не способна мириться с поражениями. Презрев возраст и усталость, она приказала подать лошадей, и на следующий же день они с Беренгарией поспешили сушей вслед за войском. Они проехали Южную Францию и всю Италию, но лишь в Неаполе настигли английский флот. Там их встретила дочь Элеоноры Иоанна, ради спасения вдовьей чести и возвращения приданого которой Ричард намеревался всерьез побеседовать с Танкредом.

Оказалось, что и тут Ричард не готов к свадьбе. К Неаполю уже подошел флот Филиппа, короли занимались погрузкой провианта и прочими хозяйственными и военными делами. Было очевидно,

что, пока Филипп рядом, Ричард не посмеет устраивать свадьбу: это было бы открытым вызовом французскому королю.

После трудного разговора с матерью и клятвенного обещания жениться на наваррской принцессе, как только позволят обстоятельства, Ричард, оставив невесту с Иоанной в Бриндизи, на юге Италии, отправился в Сицилию, к королю Танкреду. Филипп, которому в Сицилии делать было абсолютно нечего и которого ждали подвиги в Святой земле, узнав о решении Ричарда, тоже отплыл в Сицилию. А Элеонора отправилась в свои семьдесят лет в новое долгое путешествие — через всю Италию и Францию домой. Старший сын просил ее не упускать из поля зрения принца Джона, который остался править королевством. Ему Ричард с матерью не доверяли.

В сентябре 1190 года в Мессину прибыли крестоносцы.

Ричард занялся спорами с Танкредом по поводу невозвращенного приданого. В хрониках, рассказывающих об этих переговорах, фигурируют списки имущественных претензий английского короля: позолоченный стол длиной двенадцать футов, шелковый шатер, двадцать четыре золотые чаши, двадцать четыре золотых блюда и так далее. На самом же деле — и все это отлично понимали — Ричард искал предлог использовать свое войско для того, чтобы содрать с Танкреда больше, чем было дано за сестрой. Положение сицилийского короля было трудным: на его острове находились две сильные армии, а помощи ждать было неоткуда.

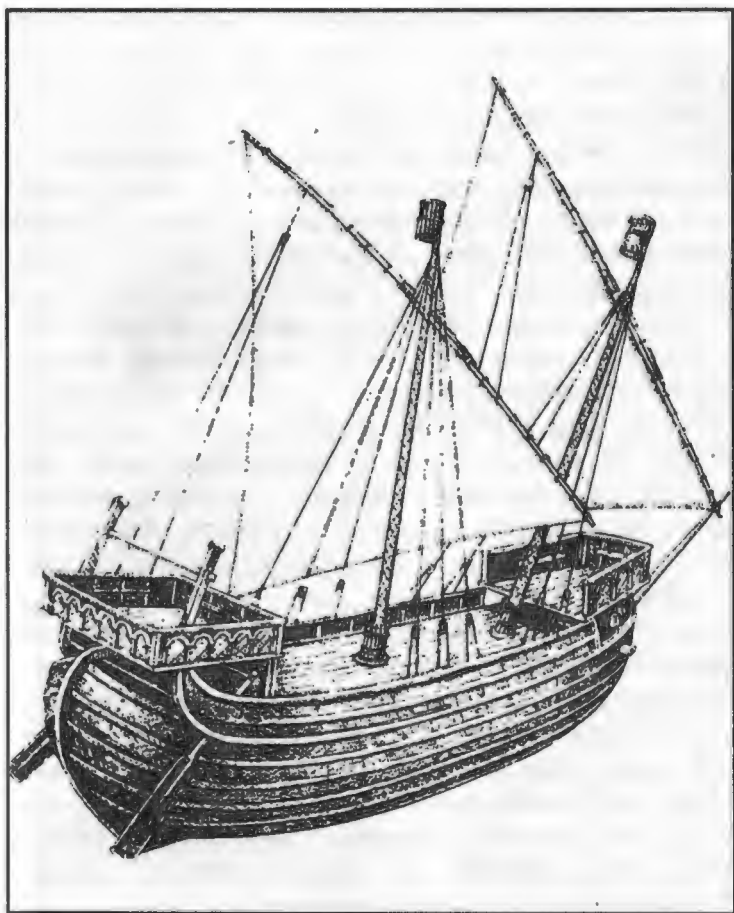
Танкред рассчитывал поссорить Ричарда с Филиппом. Он даже переслал Ричарду письмо французского монарха, в котором тот обещал ему помощь против англичан. Неизвестно, было письмо

настоящим или поддельным. На Ричарда письмо не произвело никакого впечатления, так как он и без того отлично знал, как в действительности отнесется к нему французский король.

И вот тут-то Ричард наконец нашел предлог, чтобы показать Танкреду силу своего войска. Один из его солдат затеял ссору с мессинской торговкой хлебом. Когда за торговку вступились горожане, англичане начали их избивать. И уже на следующий день Ричард начал штурм Мессины с моря и с суши.

Пока шли военные действия и Ричард, как всегда, отважно сражался впереди своих воинов, Филипп, соблюдавший нейтралитет, вступил в переговоры с Танкредом. Он убеждал его не падать духом и обещал, если станет плохо, военную помощь. Но дальше обещаний не пошел, если не считать того, что он развлекался, с палубы своего корабля стреляя из лука по английским гребцам. Нейтралитет Филиппа объяснялся просто: он раньше Ричарда узнал о том, что в Италию вступил новый германский император Генрих, который шел к Риму, чтобы папа возложил на него императорский венец. Филипп понимал, что, как только Генрих получит корону, он двинет свои войска на юг Италии и в Сицилию. Генрих был женат на дочери предыдущего сицилийского короля и потому рассматривал Танкреда как узурпатора и считал себя наследником сицилийского престола. А раз медведь двигался с севера, волкам следовало вести себя осторожнее.

Филипп предвидел, что авантюра Ричарда не даст никаких осязаемых результатов. Сицилии ему не получить. Оставаться там, чтобы воевать с германской армией, он не может — это означало бы отказ от крестового похода. Так что Филипп спокойно ждал.

Французский корабль XII—XIII веков.

А Ричард совершал подвиг за подвигом. Вместе с одним рыцарем он по подземному ходу пробрался в Мессину. Пройдя весь ночной город, он умудрился открыть ворота. Англичане ворвались в город. После того как Мессина была взята и разграблена, Ричард вернулся за стол переговоров с Танкредом. Вчерашние враги быстро уладили имущественные дела вдовы, и Танкред уплатил Ричарду двадцать тысяч унций золота.

Вот тогда-то на сцену вышел Филипп. Он напомнил своему соратнику по крестовому походу, что они договорились делить всю добычу пополам. Ричард был возмущен: вдовьи деньги не имели никакого отношения к походу. Но добыча есть добыча, и Филипп, цепкий в споре, призвал юристов, которые доказали, что деньги, полученные от Танкреда, подходят под соответствующий пункт договора. Ричард вынужден был смириться и отдал Филиппу треть денег, надеясь, что сможет компенсировать потери в Иерусалиме. Филипп же, получив меньше, чем рассчитывал, счел себя обманутым.

Покидая Сицилию, короли не скрывали взаимной неприязни. Ричард не подозревал, что Филипп через своих агентов начал склонять принца Джона, чтобы тот, пока старший брат занят своими подвигами, захватил власть в Англии. Уговоры Филиппа пали на благодатную почву: Джон и сам мечтал заполучить английскую корону, не предвидя, что в качестве платы за любовь и дружбу Филипп потребует французские провинции Плантагенетов. Но Джон был не способен смотреть в будущее. Он рвался к власти.

Повздорив из-за денег Танкреда, Филипп и Ричард временно расстались. Филипп поднял паруса своей эскадры 30 марта 1191 года, а Ричард оставался в Сицилии еще десять дней.

На этот раз Ричард все-таки обманул своего хитрого союзника. Отплыв на восток, он взял курс не прямо к палестинским берегам, а к Кипру. Почему бы не прибрать к рукам этот богатый остров?

Флот англичан растянулся длинной вереницей. На первом корабле находились невеста Ричарда Беренгария и его сестра Иоанна. Флагманский корабль следовал вторым. 12 апреля разбушевалась буря. Суда разметало по морю, и три из них, в том числе корабль с принцессами, нашли спасение у берегов Кипра, в гавани Лимасола.

Кипр, византийское владение, во время борьбы Андроника Комнина против норманнов попал в руки родственника императора Мануила — Исаака Комнина. Он укрепился на острове и объявил себя императором Кипра. Рассказывают, что он был человеком жестокого нрава, коварным и подозрительным. С крестоносцами он был в плохих отношениях. Причиной этой вражды был способ, которым Исаак Комнин пополнял свою казну: он обирал корабли, которые терпели крушение у берегов Кипра, и обращал в рабство их команды. В этом не было ничего удивительного — в эпоху средневековья существовало «береговое право», и жители многих прибрежных местностей промышляли этим старинным ремеслом, иногда даже заманивая ложными огнями корабли, чтобы те разбились о камни.

В те годы в восточной части Средиземноморья было оживленно: плыли подкрепления крестоносцам, двигались торговые суда, только что прошел флот французов, так что добыча на Кипре не переводилась.

Когда император Кипра узнал, что в гавани Лимасола находится корабль с сестрой и невестой Ричарда на борту, он возрадовался. Он тут же

пригласил принцессу и вдовствующую королеву к себе в гости. Но когда те были уже готовы воспользоваться любезным приглашением, на берегу показались несколько полураздетых людей. Они бросились в воду и поплыли к английским судам. Это оказались рыцари с корабля, который разбился о скалы пять дней назад. Рыцарей заточили в башню, и им лишь чудом удалось бежать. Возмущенные и испуганные, дамы отказались покидать свой корабль, который стерегли корабли Исаака, но взять на абордаж не смели. Исаак колебался. Он не знал, далеко ли Ричард с английским флотом, будет ли он разыскивать сестру и невесту, а если будет, то пойдет ли к Кипру? Несколько дней прошло в пустых переговорах, но выманить женщин с корабля Исааку так и не удалось.

Когда Исаак все же решился захватить корабль силой, на горизонте показались многочисленные паруса — приближался английский флот. Еще через несколько часов корабли Ричарда вошли в гавань Лимасола.

Ричард велел спустить шлюпку и отправился к невесте. И когда поднялся на борт, женщины, заливаясь слезами, поведали ему о том, какие ужасные дни они пережили.

Такова внешняя сторона событий. По ней выходит, что дальнейшими действиями Ричарда двигало желание проучить Исаака. Разумеется, Ричард был человеком импульсивным. Но скорее всего захват Кипра был задуман заранее.

В тот же день Ричард приказал своим рыцарям высадиться на берег и сам повел их в бой. Отряды, охранявшие порт, были рассеяны. Наутро Ричард повел свой отряд дальше. Император Исаак, спешно собрав войска, двинулся навстречу, надеясь разбить его, прежде чем с кораблей сгрузят коней.

Ричард, посадивший рыцарей на реквизированных крестьянских лошадок, бился впереди. Он сам захватил знамя Исаака и, отыскав императора в сутолоке боя, догнал его и сшиб с коня копьем. Но Исаак успел вскочить на другого коня и ускакал с поля боя.

Исаак укрылся в Никозии, а Ричард, удовлетворенный результатами первого сражения, вернулся в Лимасол. Там он наконец решил сыграть свадьбу с верной Беренгарией.

Филиппа Французского рядом не было, и до встречи с ним оставалось несколько дней. Так что лучше было поставить соперника перед свершившимся фактом.

Свадьбу назначили на 12 мая.

Погода стояла отличная, кончалась весна, но зелень еще не потеряла свежести. На шумном рынке торговали рыбой и сладким вином. Там же продавали рабов — пленных греков, которых взяли в бою. Их выкупали родственники и агенты императора Исаака.

11 мая, утром, когда над морем еще плыл голубой туман, из него, как крылья бабочек, поднялись косые паруса венецианских кораблей. Корабли шли с юга.

Ричард поспешил в порт. Он давно не имел вестей из Святой земли.

Когда корабли стали на якорь, от самого большого, на мачте которого развевался длинный вымпел с гербом Иерусалимского королевства, отвалила лодка. Вскоре на берег сошел невысокий стройный человек средних лет с приятным, но незначительным лицом.

Это был Гвидо Лузиньян, вознесенный счастливым стечением обстоятельств на трон, теперь неудачник, лишившийся короны и ищущий союзников.

Когда Гвидо узнал, что английский флот приближается к Палестине, он немедленно отплыл ему навстречу. Он понимал, что Филипп и немецкие князья хотят его изгнать и избрать королем Конрада Монферратского. Но раз Конрада поддерживает Филипп, рассудил Лузиньян, значит, у него есть шансы получить помощь от Ричарда.

Ричард тепло принял иерусалимского короля, обрадованный тем, что тот своим присутствием украсит свадьбу.

Сразу после свадьбы состоялся рыцарский турнир, на котором Ричарду удалось всех победить. Это еще более улучшило его настроение. Поражений он не выносил. Одной из причин его ненависти к Танкреду и мессинцам было то, что один из сицилийских рыцарей не дал свалить себя с коня и даже заставил Ричарда признать поражение.

Еще раз везение улыбнулось Ричарду, когда в плен к нему попала любимая дочь Исаака. Император Кипра был сломлен и смиренно приехал к Ричарду просить мира и возвращения дочери.

Два дня тянулись переговоры. Исаак соглашался не только оплатить Ричарду расходы на войну, но и дать ему отряд вспомогательных войск. Но неожиданно Исаак глубокой ночью бежал в Фамагусту. Хронисты глухо говорят, что он опасался покушения. Наверное, у него были основания не доверять Ричарду и Гвидо.

Ричард изобразил страшный гнев, обвинил Исаака в нарушении клятвы и погнался за ним. Гвидо Лузиньян не отставал от нового друга ни на шаг.

Последующие события дают основания утверждать, что к тому времени судьба Исаака была решена: Ричард и Гвидо договорились оставить Кипр за собой. Они разбили отряды Исаака, тот

*Император Кипра Исаак Комнин умоляет Ричарда
освободить его дочь.
Гравюра XIX века.*

бежал в замок святого Андрея на северо-востоке острова, на длинном и узком, как игла, полуострове.

Но тут Ричард заболел дизентерией. Пока он отлеживался в Никозии, его армию возглавил Гвидо Лузиньян. Он захватил последние крепости Исаака, и 31 мая тот был вынужден сдаться.

Пленного императора привезли в Никозию, где его принял Ричард. Император пожаловался, что ему тяжело таскать железные цепи, в которые его заковал Лузиньян. Ричард, склонный к красивым жестам, приказал тут же выковать серебряные цепи, достойные императора, а затем передал пленника Лузиньяну. Гвидо отвез Исаака в Палестину, и остаток жизни тот провел в одном из рыцарских замков.

Во всех городах и крепостях острова Ричард разместил гарнизоны, раздал часть земель в лен тем из своих рыцарей, которые изъявили желание поселиться на благодатном острове, и 5 июня отплыл в Сирию. Через три дня английский флот подошел к Акке. Ричарда встречал на берегу король Филипп. Он первым поздравил Беренгарию со счастливым браком. Об Алисе не было сказано ни слова*.

В перенаселенном лагере под Аккой собрались три короля, австрийский герцог и немалое число князей, графов и баронов, включая таких крупных феодалов, как Генрих Шампанский. Каждый преследовал свои цели, и освобождение Иерусалима постепенно отступало на второй план.

Все руководители похода в той или иной мере участвовали в драке за иерусалимский трон. Как и следовало ожидать, Леопольд Австрийский и Фи-

* Сестрам Филиппа не везло. Старшая, выйдя замуж за английского принца Генриха, рано овдовела, Алиса, не став женой Ричарда, оказалась любовницей его отца, а Агнесса (Анна) была обещана в Византию.

липп поддерживали Конрада Монферратского, Ричард — Гвидо Лузиньяна.

Первая ссора между Ричардом и Филиппом произошла буквально через несколько дней после прибытия английского короля. Филипп потребовал, чтобы во исполнение договора Ричард отдал ему половину Кипра и половину добычи, там захваченной. Ричард отвечал, что согласен на это, но раз уж делить все, то он желал бы получить половину земель только что умершего в лагере графа Фландрского. Разумеется, спор зашел в тупик.

К тому же Ричард восстановил против себя прижимистого Филиппа тем, что, когда французский король решил платить по тридцать золотых тем рыцарям, которые согласились перейти к нему на службу («бесхозных» рыцарей, сюзерены которых умерли или уехали, в лагере скопилось немало), англичанин объявил, что он заплатит им по сорок золотых.

Для рядовых крестоносцев Ричард стал, без сомнения, вождем похода. Он был славным рыцарем, известным всей Европе, он был великолепен, когда появлялся перед строем на белом коне, — золотые кудри развеваются под горячим ветром. Он всюду успевал, всех подбадривал, для каждого находил доброе слово, но был беспощаден к трусам и мародерам. Ричард был полон презрения к руководителям похода, которые умудрились просидеть под Аккой два года и ничего не добиться. И среди десятков тысяч солдат и рыцарей распространилась уверенность, что с приездом Ричарда все изменится, что конец мучениям близок и путь на Иерусалим будет наконец открыт.

Когда же через несколько дней после прибытия Ричард вновь свалился от дизентерии, слухи, один тревожнее другого, потекли по лагерю. Как по

мановению руки все приготовления к штурму прекратились. Словно рок довлел над походом. Как только у крестоносцев появлялся настоящий вождь, его тут же уносила смерть. Погиб Фридрих, умер герцог Швабский, и вот теперь умирает Ричард Львиное Сердце.

Искренне надеясь, что судьба скоро избавит их от Ричарда, Филипп и Конрад Монферратский вели себя так, словно он уже в могиле.

И вдруг через две недели из палатки вышел король Ричард, похудевший, осунувшийся, но здоровый. Когда он ехал по лагерю, воздух дрожал от приветственных криков. Из-за пологов шатров выглядывали кислые лица командиров крестоносного войска.

Вскоре, восстановив осадные башни и сделав несколько подкопов, крестоносцы снова пошли на штурм Акки. На этот раз положение изменилось в их пользу. И не только потому, что Ричард умел выигрывать битвы. Армия Салах ад-Дина была ослаблена и по сравнению с крестоносцами, в число которых влилось несколько тысяч новых бойцов, менее многочисленна. Гарнизон крепости был готов к сдаче, и лишь страх перед гибелью в плену удерживал людей.

Штурм продолжался непрерывно несколько дней. Ричард Львиное Сердце с утра до вечера находился в передних рядах. Он был словно заколдован: ни одна стрела не могла его поразить. Салах ад-Дин предпринимал отчаянные усилия, чтобы удержать Акку. Почти каждый день его отряды нападали на лагерь крестоносцев, но прорваться к крепости так и не смогли.

Осажденным удалось сжечь все осадные башни, подкопы же оказались эффективны, да и тараны крушили одряхлевшие за два года штурмов стены.

Схватка между французами и англичанами во время штурма палестинской крепости. Гравюра XIX века.

В крепости, уже несколько недель отрезанной от моря и армии Салах ад-Дина, начался голод.

Наконец комендант крепости вышел к крестоносцам и предложил сдать Акку на тех же условиях, на которых она сдалась мусульманам четыре года назад: ее защитники получают свободный выход.

Король Филипп, который председательствовал на этих переговорах, от имени крестоносцев заявил, что такие мягкие условия его не устраивают. Он пригрозил беспощадным истреблением гарнизона, если крестоносцам не будет возвращен Иерусалим и все пленные христиане не будут выпущены на свободу.

Переговоры были прерваны, и штурм возобновился. Уже пали основные башни города, и бой шел в проломах стен. Ричард по-прежнему сражался впереди. Это был его город. Он спешил захватить Акку до того, как французский король договорится с комендантом. Тогда он, Ричард, будет решать, что делать с городом.

Но Филипп понял, что, ставя слишком жесткие условия, он отдаст город в руки Ричарда. И пока на стенах шел бой, Филипп заключил с комендантом договор, по которому мусульмане возвращают Святой крест, тысячу шестьсот пленных рыцарей и платят двести тысяч золотых контрибуции в обмен на свободный выход гарнизона из крепости.

Этот договор застал врасплох и Ричарда, и Салах ад-Дина. Но Салах ад-Дин согласился с договором, выполнить условия которого ему было нелегко, особенно в отношении контрибуции и креста, уничтоженного, по-видимому, в Тивериадской битве.

Ричард же пришел в ярость. Он был так взбешен, что, увидев на стене знамя Леопольда

Австрийского, кинулся туда, сорвал его и сбросил в грязь. Это оскорбление, незаслуженно нанесенное австрийскому знамени на виду у всей армии, ему дорого обойдется.

День 11 июля 1191 года завершился пьяными песнями, грабежом города и ссорами королей, которые никак не могли поделить добычу.

Теперь следовало идти на Иерусалим.

Но сначала надо было решить спор между Конрадом и королем Гвидо. После отчаянной грызни было достигнуто соглашение: Гвидо до конца жизни останется королем Иерусалима, Конрад ему наследует. А пока Конраду отходят Тир, Бейрут и Сидон, тогда как Яффу получает брат Гвидо. Никому не нужный и никого не удовлетворивший раздел отражал неустойчивый баланс сил среди крестоносцев. Кстати, большинство этих городов находилось в руках Салах ад-Дина.

Ричард был героем войска. Это никак не устраивало французского короля. Он понимал, что Ричард, боготворимый воинами и купающийся в лучах славы, будет все более оттирать его от руководства походом. Дальнейшее пребывание Филиппа в лагере крестоносцев было чревато лишь унижениями. Изменить положение он был бессилен — на поле боя он не мог, да и не хотел тягаться с Ричардом. Он был королем, а не солдатом. Значит, отыграться он мог только в Европе. Пока Ричард занят в Палестине.

И через месяц после взятия Акки Филипп занемог.

Он не выходил из шатра, а его приближенные распространяли слухи, что король получает с родины письма, которые зовут его вернуться, но, верный христианскому долгу, Филипп предпочитает умереть в Палестине. Тем временем втайне от

Ричарда Филипп вел приготовления к отплытию. Говорят, что Ричард узнал о его отъезде в Европу, когда король уже взошел на корабль. Филипп взял с собой большую и лучшую часть армии, оставив в Палестине лишь десять тысяч человек. Командовавший ими герцог Бургундский саботировал все решения английского короля и сочинял о нем насмешливые стихи. Правда, Ричард, который был не лишен поэтического дара, отвечал тем же.

Отъезд Филиппа встревожил Ричарда, потому что он понимал: соперник нападет на французские владения Англии. Джону Ричард не доверял, мать была стара. Но великая миссия освободителя Иерусалима все еще вела его к новым подвигам. На это король Филипп и рассчитывал.

Правда, Ричард стал торопиться, нервничать: если в первое время он изображал из себя истинного рыцаря, то в раздраженном состоянии совершил поступок не только отвратительный, но и чреватый бедой для крестоносного дела.

Когда миновал срок выплаты контрибуции и возвращения пленных, а Салах ад-Дин все тянул время, Ричард созвал тайный совет и, сломив сопротивление баронов, провел решение — казнить всех пленных, захваченных в Акке. Их было около трех тысяч.

Наутро в долину перед воротами Акки вывели толпу связанных пленников. Их окружили солдаты, и началось побоище. Приказано было обезглавить всех мусульман, но задача оказалась палачам не по плечу — в массе человеческих тел мечи застревали, и пленники валялись на землю палачей. Тогда солдаты отошли назад и, опустив копья, бросились на толпу. Полдня продолжалось избиение, прежде чем был убит последний пленник. Громадная гора трупов осталась на пропитанной кровью земле.

*Повседневность крестовых походов. Рыцарь, раненный
в схватке с сарацинами.
Гравюра XIX века.*

Известие об этом злодеянии разнеслось по всем странам Востока.

Салах ад-Дин доказывал другим мусульманским государям, что крестоносцы — беспощадные звери, не знающие чести. Избиение пленных это доказало. Оно испугало тех эмиров, которые за два года уверились в том, что крестоносцы не опасны. По призыву багдадского халифа государи мусульманского мира начали присылать Салах ад-Дину подкрепления и деньги.

Вторым следствием избиения была гибель большинства христианских пленников, захваченных мусульманами. Произошли погромы среди христиан в мусульманских городах и деревнях.

Узнав о казни пленных, Филипп, который уже добрался до Италии, облегченно вздохнул. Его соперник делал все, чтобы проиграть войну. Филипп договорился с сыном Барбароссы — германским императором Генрихом, который покорял свои итальянские владения, о союзе против Ричарда.

Как утверждает хронист, «французский король добился от римского императора* обещания, что он возьмет в плен английского короля, если тот будет возвращаться из Палестины через подвластные императору земли».

Крестовый поход был еще в самом разгаре, но предусмотрительные политики принимали меры к тому, чтобы извлечь выгоду из его неизбежного провала.

Из Италии Филипп поспешил во Францию. Его гонцы мчались в Англию с письмами к принцу Джону. Король французский торопил Джона захватить престол.

В разгар лета 1191 года армия крестоносцев

* Имеется в виду император Священной Римской империи.

наконец двинулась в поход на Иерусалим. Путь к нему лежал по берегу моря, через горные перевалы. До Яффы, откуда можно было повернуть в глубь страны, к Иерусалиму, было около двухсот километров.

Днем люди страдали от жары и нехватки воды, ночью мерзли. То и дело налетали отряды сарацин, убивая отставших и грабя обозы.

Измученная армия перевалила через холмы и вышла в долину у городка Арсуф. Здесь Салах ад-Дин дал Ричарду битву. Об этой битве много и подробно пишут летописцы. Армия Салах ад-Дина превосходила крестоносную числом, зато у Ричарда было превосходство в тяжелой коннице. Сам он несколько часов не сходил с коня, рубясь в самых горячих точках, и, даже когда французы побежали, сумел удержать фронт. Салах ад-Дину пришлось отступить. Однако победа Ричарда, в сущности, ничего не решала. Салах ад-Дин сохранил армию, крестоносцы же понесли немалый урон. Подкрепления к ним перестали подходить — для Европы крестовый поход завершился, и тратить средства для вящей славы Ричарда никто не хотел.

Салах ад-Дин, понимая, что Яффа, к которой стремились теперь крестоносцы, вряд ли выдержит длительный штурм, перешел к тактике выжженной земли: стены Яффы были снесены, все, чем можно было поживиться, унесено из города. Никакой добычи крестоносцам не досталось. Они начали восстанавливать стены города, чтобы сделать его базой для похода на Иерусалим. На это ушло еще несколько недель.

Наступила зима, связь по морю стала ненадежной. Армия устала, и, когда Ричард все же повернул войско к Иерусалиму, все князья взбунтовались. Они считали, что идти в глубь вражеской

территории с усталой армией, которую некому снабжать, безумие.

В решении баронов был смысл. Войско могло погибнуть. Но главной целью местных владельцев было восстановить свою власть на побережье, вернуть порты. Иерусалим можно было взять, но куда труднее сохранить. Не сегодня завтра Ричард и последние европейские крестоносцы уйдут. Останется опустошенная войной земля. Сильно поредевшая армия сможет удерживать прибрежные города, но не земли вдали от моря.

Как ни сопротивлялся Ричард общему решению князей, его заставили идти дальше по берегу, к Аскалону.

Аскалон также был разрушен Салах ад-Дином. Всю весну восстанавливали его стены. Здесь произошла последняя ссора с Леопольдом Австрийским, который отказался участвовать в строительных работах. Некоторые хронисты утверждают, что Ричард ударил герцога. После этого Леопольд со своим отрядом отплыл в Европу, кипя желанием отомстить Ричарду.

Но Ричард не сдался. Когда наступило лето 1192 года, он все же уговорил баронов сделать еще одну попытку овладеть Иерусалимом. На этот раз армия дошла до Вифлеема. Но здесь удар Ричарду нанес герцог Бургундский, который командовал французским отрядом. Он отказался идти дальше и повернул обратно. Даже Ричарду было понятно, что взять Иерусалим с одним английским отрядом он не сумеет. И он в печали повернул назад. Рассказывают, что его догнал один молодой рыцарь и сказал, что, если взобраться на недалекую гору, можно увидеть Иерусалим. Ричард грустно ответил: «Недостойные отвоевать святой город недостойны смотреть на него».

Посвящение в рыцари на поле битвы во время крестового похода. Миниатюра из рукописи XIII века.

Дело жизни Ричарда рухнуло. В общей сложности он потратил на крестовый поход около трех лет и не извлек никаких политических выгод. Правда, завоевал репутацию самого отважного рыцаря в мире. В этом не сомневались ни крестоносцы, ни мусульмане. Даже Салах ад-Дин, который назвал как-то Ричарда «великим мальчиком», испытывал к нему уважение. После гибели в бою любимого коня Ричарда Салах ад-Дин прислал ему своего скакуна.

Раз уж эпопея подходила к концу, ее участники старались забыть об Иерусалиме и уладить собственные дела. Конрад Монферратский вступил в тайные переговоры с Салах ад-Дином. В обмен на прибрежные города он отказался от притязаний на Иерусалим.

В Яффе произошла кровавая резня между генуэзцами и пизанцами — конкуренты делили сферы влияния.

Сам Ричард начал переговоры с братом Салах ад-Дина, предложив ему в жены свою сестру Иоанну при условии, что Салах ад-Дин передаст им во владение Иерусалим — и тот станет своего рода мусульмано-христианским городом. Но этот план был встречен в штыки как христианами, так и мусульманами.

Наконец, когда уже все военные средства были исчерпаны, Ричард понял, что, оставаясь в Святой земле, он лишь рискует потерять трон.

Он отправил посольство к Салах ад-Дину, которое подписало перемирие. По договору за крестоносцами сохранялась прибрежная полоса от Тира до Яффы. Иерусалим оставался у мусульман. В течение трех лет, на которые было заключено перемирие, паломники могли посещать Иерусалим.

Во время переговоров сподвижник Ричарда Губерт Уолстер беседовал с Салах ад-Дином о

Ричарде. Султан сказал англичанину, что Ричард мог бы стать великим королем, если бы не бросался очертя голову вперед, вместо того чтобы обдумывать свои поступки.

Последним делом Ричарда на Ближнем Востоке был вопрос о иерусалимской короне. Иерусалима не было, но должен был остаться верховный правитель над городами побережья. Старое соглашение о том, что Гвидо сохранит корону до конца жизни, уже никого не удовлетворяло.

При обсуждении этого вопроса Ричард вел себя странно. Когда все члены совета высказались за кандидатуру Конрада Монферратского, он вдруг переменял свою позицию, согласился с баронами и сам отправил посла в Тир к Конраду, чтобы сообщить об избрании его королем.

Вернее всего, Ричард понимал, что с его отъездом Гвидо престол не удержит.

Гвидо уплыл на Кипр, который Ричард еще раньше продал тамплиерам. Но тамплиеры вели себя так неразумно и жестоко, что киприоты восстали. Чтобы как-то примирить врагов, Гвидо по настоянию Ричарда признали королем острова.

Через несколько дней после решения совета баронов, 28 апреля 1192 года, когда новый король Иерусалимский Конрад ехал по улице Тира, два бедно одетых человека бросились к нему с обнаженными кинжалами. Убийцы были исмаилитами.

Очевидно, Конрад был убит за то, что незадолго перед этим захватил принадлежавший исмаилитам корабль и перебил его команду.

Но молва испортила Ричарду последние месяцы жизни в Святой земле. Подозревали, что за убийством короля стоял он сам. В Европе эти слухи распространял Филипп. Он даже окружил себя стеной стражи, потому что, по его словам, Ричард

уже послал ассасинов в Париж, чтобы покончить с ним. Это был пропагандистский ход, направленный на то, чтобы дискредитировать английского короля. Желавшие верить в это верили.

В последние месяцы перед отъездом Ричард готовился к новому, так и не состоявшемуся походу на Иерусалим, отвоевывал Яффу, которую снова захватили сарацины, совершил массу рыцарских подвигов, и оставшиеся крестоносцы провожали его со слезами и стенаниями. Многие входили в воду, простирая руки вслед его кораблю. Ричард стоял на корме, подняв руки. Он тоже плакал.

Третий крестовый поход завершился неудачей, и, хотя христиане сохранили некоторые позиции в Палестине, их владычество в тех краях клонилось к закату.

Результатом этой неудачи было и обострение ситуации в Европе — к противоречиям политическим прибавилась еще и личная вражда государей, перегрызшихся за время похода. И особую ненависть вызывал Ричард Львиное Сердце. Все без исключения соратники Ричарда по походу молили Бога о его скорой гибели и вынашивали планы мести. Ричард, разумеется, знал об этом, но, как говорил Салах ад-Дин, у него был недостаток: он бросался в дело, не обдумав последствий. Так и случилось, когда он последним из королей покинул берега Палестины.

Возвращение через Францию было исключено: там его поджидал Филипп. Ричард решил ехать через Германию, полагая, что сможет обмануть германских властителей или воспользоваться междоусобицами.

В Палестине он расстался с женой, которая в

*Барельеф на могиле
крестоносца и его
любимой собачки.
Англия, XII век.*

сопровождении Иоанны отправилась в Италию, чтобы оттуда проехать во французские владения Плантагенетов. Ричард считал, что женщинам ничего не грозит.

Сам же он доплыл до берегов Истрии и, переодевшись пилигримом, в сопровождении одного лишь слуги отправился на родину через владения Леопольда Австрийского, который стал его злейшим врагом. План был безрассудным, так как принять громадного золотоволосого рыцаря за пилигрима можно было, лишь ослепнув.

Тем не менее Ричард добрался до Вены, миновал ее пригороды... и исчез.

Прошло несколько месяцев. Никаких слухов о том, где он, не доносилось до Англии. Принц Джон связался с французским королем и предложил ему любые деньги за то, чтобы его брата, если он попал в руки кого-то из немецких магнатов, прикончили. Филипп с радостью помог бы в этом деле, но судьба Ричарда оставалась тайной и для него.

Тем временем Беренгария и Иоанна добрались до Рима. Молодые женщины после долгих месяцев лишений очутились в городе, полном соблазнов. Неудивительно, что они задержались там, делая покупки. С утра к их дому съезжались торговцы тканями и украшениями, портные и ювелиры ждали в прихожей.

Молодые королевы побывали и на базарах Рима. И вот в одной лавке среди платьев, плащей и прочих вещей Беренгария увидела широкую синюю бархатную перевязь для меча, на которой золотом были вышиты инициалы Ричарда. Эту перевязь она тысячу раз видела на своем муже, он никогда с ней не расставался. Торговец ничего не мог рассказать испуганной королеве, и женщины

решили, что корабль, на котором плыл Ричард, утонул, а перевязь снята с тела, выброшенного на берег. В горе сестра и жена Ричарда покинули Рим и отправились дальше на запад.

...А Ричард в это время томился в тюремной башне.

Его схватили неподалеку от Вены. Несколько дней король сидел в венской тюрьме, а затем Леопольд Австрийский приказал отправить его в один из дальних замков и содержать так, чтобы никто на свете не знал, где находится Ричард.

Но, несмотря на все предосторожности, слух о том, что герой крестового похода заточен в темницу, распространился по всей Европе.

Императору Генриху, хотя и с опозданием, о пленении Ричарда доложил сам Леопольд. Тот через некоторое время поставил в известность Филиппа. Филипп — Джона. Наконец узнала об этом и Элеонора Аквитанская. Она начала действовать.

Элеонора засыпала всю Европу посланиями, требуя, чтобы сына отпустили. Она посылала письма и папе римскому, подписывая их своеобразно: не «Божьей милостью королева Англии», а «Божьей яростью королева». Буря кипела в Англии. Ричард был героем, Ричард был предательски схвачен.

Государственный совет заседал круглые сутки, англичане готовы были объявить Священной Римской империи войну. Даже Джон оробел и делал вид, что не менее прочих страдает за брата, в то же время тайно требуя от Филиппа, чтобы Ричарда скорее зарезали.

Но Леопольд не решался убить Ричарда, коли вина за это падет на него, надо было найти формальное оправдание убийству. Он передал Ри-

чарда германскому императору, чтобы тот провел над ним суд. Узнав об этом, но не будучи в отличие от Леопольда уверен в исходе суда, Филипп предложил императору громадную сумму за пленника, поклявшись, что, если Ричард попадет к нему, он уже никогда не увидит солнца. Император колебался. Он все еще официально не признавал, что Ричард его пленник, и не спешил назначить судей. Интересы германского императора и Филиппа далеко не во всем совпадали.

Филипп предложил Джону немедленно захватить престол, обещая за это свою дружбу и руку несчастной Алисы. Несмотря на то что Джон был уже женат на дочери графа Глостера, государственные мужи решили, что это не препятствие. Так как переписка между заговорщиками шла через тайных агентов, что было не очень удобно, Филипп предложил Джону приехать в Париж, рассчитывая, что там он убедит нерешительного принца. Но как только Джон собрался во Францию, утверждая, что хочет осмотреть свои владения, Элеонора, подозревавшая младшего сына в предательстве, собрала государственный совет, который постановил, чтобы Джон оставался дома. К тому же она закатила будущему королю грандиозный скандал, и тот, боявшийся мать больше всех королей земли, во Францию не поехал.

Филипп собрал армию и бросил ее на завоевание Нормандии. Замок за замком, город за городом сдавались ему. Если бы с таким же упорством он сражался в Палестине, он не только бы взял Иерусалим, но дошел бы до Багдада.

Когда весть о том, что Филипп в согласии с Джоном завоевывает Нормандию, донеслась до Ричарда, он сказал своему тюремщику: «Мой

Ричард Львиное Сердце попадает в плен к герцогу Леопольду Австрийскому — так эта сцена представлялась художнику XIX века.

братец Джон не создан для того, чтобы покорять королевства».

К тому времени в Англию возвратились ветераны крестового похода, верные сторонники Ричарда. Элеонора тут же послала их в Нормандию. Поэтому после первых успехов французов война в Нормандии приняла затяжной характер. В конце концов сопротивление нормандцев и английских крестоносцев заставило Филиппа отступить. Эта неудача срывала планы Джона, многие тайные союзники которого в Англии серьезно задумались, разумно ли они избрали себе сюзерена.

По мере того как шло время, становилось все труднее скрывать пребывание Ричарда в темнице. Существует история о том, что Ричарда отыскал известный трубадур Блондель де Нель. Он шел по Германии от замка к замку, повсюду распевая романс, который когда-то они по строфе сочинили вместе с Ричардом. Трубадур пел свою строфу и ждал, не откликнется ли Ричард своей. Наконец в горах Богемии он набрел на затерянный в лесу замок, из башни которого в ответ на песню раздался знакомый голос английского короля. Вероятнее всего, это легенда, но досконально известно, что Ричарду удалось переправить в Англию поэму собственного сочинения, в которой он оплакивал свою судьбу и рефрен которой звучал так: «Уж две зимы в оковах я». Эти строки повторяли все англичане.

Наконец германский император открыто признал, что два года держит Ричарда в заточении, и созвал верховный совет империи, на который был приведен бледный, исхудавший, но не сломленный король. Ему зачитали длинный список его преступлений, составленный лучшими законниками Германии. Ричарда обвиняли в союзе с ассасинами и

убийстве Конрада Монферратского, в соглашении с Салах ад-Дином, то есть в измене христианству, в трусости и так далее. Все неудачи крестоносцев были свалены на узника.

Германский император потребовал казни английского короля. Когда дали слово Ричарду, он, к удивлению присутствующих, не стал каяться и просить снисхождения. Он произнес страстную речь, обвинив германских баронов и короля Франции в трусости, неспособности воевать, бегстве с поля боя.

Это был единственно правильный ход. Ричард понимал, что в зале собрались не только сторонники императора, но и его соперники. Электоры империи, крупнейшие ее феодалы, зачастую восставали против императора. Речь Ричарда дала им возможность не только проявить самостоятельность, но и выглядеть благородно перед христианским миром, сочувствие которого, без сомнения, было на стороне несчастного героя, предательски захваченного в плен.

Поддавляющее большинство электоров империи проголосовали за оправдание Ричарда. Это был тяжелый удар не только для императора, но и для французского короля. Отныне и речи не могло быть о казни Ричарда.

Генрих, будучи разумным политиком, выразил готовность пойти на компромисс и тут же сообщил в Англию, что отпустит Ричарда за сто пятьдесят тысяч серебряных марок — невиданный выкуп.

Филипп Французский предложил императору удвоить сумму, если тот передаст Ричарда ему. Он-то устроит такой суд, который не посмеет оправдать Ричарда. Генрих не мог себе позволить пойти на это. Он был императором, а не торговцем. Тогда Филипп предложил платить двадцать

тысяч марок за каждый лишний месяц заточения Ричарда. Но и на это последовал отказ.

В Англии были введены дополнительные налоги — за возвращение короля заплатил народ. Впервые в истории страны был установлен налог на землю, даже монастырям и соборам пришлось раскошелиться.

Когда деньги были собраны, Элеонора, которая никому не доверяла, сама отправилась с ними на континент. Она передала императору выкуп, но из разговора с ним поняла, что тот находится в сомнении: ему хотелось оставить себе выкуп, но не освобождать Ричарда. Поэтому королева подготовила лошадей, и, когда Ричард вышел на свободу, оба они вскочили в седла и поскакали к Антверпену. Кстати, Элеоноре было тогда семьдесят три года. С дороги она послала вперед гонца, чтобы корабль ждал их в порту с поднятыми парусами.

Элеонора снова была права. Как только они уехали, император получил еще более выгодное предложение от Филиппа и приказал догнать и вернуть пленника. Однако, когда погоня достигла Антверпена, всадники увидели лишь парус на горизонте.

В Англии сидел Джон, которому было обещано, что Ричарда поймут в пути и убьют. Он ждал сигнала выступить.

Вместо этого к нему в ворота постучался гонец с короткой запиской от французского короля:

«Осторожно. Дьявол на свободе».

Версию дальнейших событий тех дней каждый из нас помнит с детства. О ней рассказал Вальтер Скотт в романе «Айвенго».

Львиное Сердце еще семь лет правил королевством, но в самой Англии почти не бывал. Всю

Надгробные скульптуры Ричарда Львиное Сердце и Элеоноры Аквитанской. Королева завещала положить ее рядом со старшим, любимым сыном в провинциальной французской церкви в Фонтевро, где он уже покоем.

свою энергию он потратил на бесконечную и безнадежную войну с Филиппом. Он штурмовал замки, сражался, наступал, терпел поражения. Расплачивался за все народ Англии, потому что чиновники Ричарда знали лишь одно — выкачивать как можно больше денег: король воюет. Страна обнищала, и в Лондоне зрело восстание во главе с Уильямом Длиннобородым. Его сторонники были разбиты на боевые группы и вооружены. Но, по несчастливой случайности, агентам канцлера удалось выследить Длиннобородого с его помощником. Когда те укрылись в церкви, королевские слуги сожгли их там живьем. А так как в город были уже стянуты войска и никто не имел права под угрозой смерти выйти на улицу, восстание было подавлено в зародыше. Впрочем, это не решило проблем, а лишь загнало их внутрь.

А Ричард погиб глупо. Он всегда умудрялся совершать необдуманные поступки — прав был мудрый султан Салах ад-Дин.

Ричард мучился от безденежья: доходов на бесконечную войну не хватало. Летом 1199 года он прослышал, что в одном из замков в Лимузене найден огромный клад. Ричард тут же потребовал, чтобы владелец замка передал ему как сюзерену половину клада. Тот ответил чистую правду: слухи о сокровище сильно преувеличены, найдено всего несколько старых монет.

Ричард не поверил и во главе отряда наемников кинулся к замку, чтобы расправиться с его обитателями. Он в страшном гневе поклялся, что повесит всех жителей замка, включая женщин и детей. Разумеется, обитатели замка решили защищаться до последней капли крови. И одному из лучников повезло: стрела, пущенная им, пробила кольчугу и засела в плече Ричарда.

Хирург, который вынимал стрелу, ничего не знал о сепсисе и микробах. Вскоре рана загноилась, и началась гангрена. Беренгария застала короля живым. Перед смертью он простил лучника, ранившего его. Правда, командир отряда наемников, после того как замок пал, приказал сжечь лучника живьем. Так что даже последняя воля короля не была выполнена.

Ричард Львиное Сердце сражался всю жизнь и ничего не добился. У него были многие качества великого человека, но куда больше недостатков и слабостей. Он был рыцарем и лишь затем королем. Он остался в истории Англии героем, хотя в действительности настолько подорвал ее экономику и нарушил систему социальных отношений, что его преемнику Джону пришлось пожинать плоды этих героических деяний.

Слабый и коварный, ничтожный и сластолюбивый, Джон вечно соревновался со старшим братом и вечно терпел поражения. В конце концов он умер — то ли от ожорства, то ли отравленный монахами — в тот самый день, когда, убегая от собственных баронов, утопил в реке все сокровища страны, которые таскал с собой в обозе, не доверяя никому.

Мать его к тому времени уже умерла. Элеонора скончалась в 1204 году в возрасте восьмидесяти двух лет, до последних дней сохранив острый ум и энергию. В восемьдесят лет она в течение нескольких дней руководила обороной небольшого замка против французской армии. Умерла она, утверждают хронисты, от глубокой тоски, видя, во что превращается Англия и как ничтожен ее младший сын.

Жена Ричарда Беренгария, горячо любившая своего легкомысленного супруга, после его смерти ушла в монастырь и дожила до 1230 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несколько слов о том, чего в книге нет.

Я подбирал материалы к ней несколько лет, до тех пор, пока не возникла опасность утонуть в бесчисленных фактах и легендах и никогда не начать собственную работу.

Уже приступая к ней, я был вынужден отказаться от многого ради более подробного рассказа о некоторых государствах, событиях, людях, книгах... Если бы я говорил обо всем, то книга либо стала бы сухим перечнем фактов, либо разрослась бы вдесятеро.

Поэтому я намерен лишь упомянуть о темах, не вошедших в книгу. Если читателю интересно, он может обратиться к специальным трудам и дополнить картину 1185 года.

Я не написал об обыденной жизни XII века, о цеховой организации городов, банковских операциях, нравах, положении крестьян и горожан, религиозных течениях, литературе, искусстве и архитектуре, об экономических отношениях, военном искусстве, манере одеваться, пище и т. д.

Небезынтересно было бы рассказать и о мировых религиях того времени: о буддизме, конфуцианстве и даосизме, а также поведать о ересь Лангедока и о кровавых войнах французских баро-

нов с лангедокскими городами, о борьбе язычества и христианства на Руси и в Прибалтике.

Если о Китае говорится скупо, то для Индии вообще в книге не нашлось места. Разделенная на царства и княжества, Индия стала жертвой мусульманского вторжения. После ряда кровавых войн войска царей Северной Индии в 1192 году были разбиты, и к рубежу XIII века возник Делийский султанат. Государства Южной Индии сохранили независимость, однако источников по истории этих мест почти не сохранилось. Выше уже говорилось, что Индия в отличие от Китая не имела традиции летописания и о некоторых государствах мы знаем лишь по архитектурным памятникам.

В книге не рассказано о государствах Средней Азии. Крупнейшее из них, Хорезм, лишь упомянуто. Деятельность самого известного из хорезмшахов, Джалал ад-Дина, падает уже на начало следующего века.

Нет в книге Киликийской Армении...

Мне приходилось выбирать. В Грузии в те годы творил Руставели, в Азербайджане — Низами. Им и было отдано предпочтение. Из русских княжеств избраны два, и жизнь Новгорода, столь великолепно воссозданная археологами, почти не освещена. Говорится о Польше, но нет Болгарии и Венгрии, обойдена Чехия. Есть Англия, но о Франции рассказано лишь отраженно, а Испания из повествования выпала совсем. Не упомянуты скандинавские страны, где завершилась эпоха викингов и создавались феодальные королевства. Все эти и подобные неизбежные упущения осознанны. При прочих равных условиях я старался вести речь о людях, которые либо известны многим, либо имели удивительную судьбу.

Меня можно упрекнуть в том, что, говоря о взлете мировой литературы в XII веке, я рассказал

только о восьми шедеврах: «Повести о доме Тайра», «Слове о полку Игореве», «Витязе в тигровой шкуре» и «Пятерице» Низами, упомянув монгольское «Сокровенное сказание» и японские повести. Но если обратиться лишь к знаменитым рукописям той эпохи, пришлось бы посвятить книгу только им. Задумайтесь: в Норвегии тогда создаются великие саги, громадный исторический труд «Земной круг». Саги пишутся и в Исландии. К этому периоду относится сложение «Песни о Нибелунгах», при дворе Элеоноры Аквитанской создается «Тристан и Изольда», южнее, в Испании, рождается величайшее произведение испанской средневековой литературы — «Повесть о Сиде». А арабская и персидская лирическая поэзия? А литература Китая, в которой соседствовали романы, краткие новеллы, изысканные поэтические миниатюры и строгие, подробные летописи? А французские рыцарские романы? А замечательные драматичные византийские хроники и плутовские романы?

Разумеется, неплохо было бы обо всем этом написать. Но тогда получилась бы совсем другая книга. Она не написана. О ней можно только мечтать.

Вместо того чтобы заглянуть, хотя бы мельком, во все окна незнакомого далекого города, я предпочел остановиться вместе с читателем у некоторых из них и не спеша взглядеться в протекавшую там восемьсот лет назад жизнь. Мне очень хочется верить, что это даст моим современникам некоторое представление о людях средневековья и их делах.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
Часть I. Русь	
Бурная молодость князей	13
Князь Игорь против хана Кончака	62
Неспокойный Галич	78
Часть II. Запад	
У берегов Балтики	101
Тщетные походы	129
Шуба для нищего	166
Осень короля	242
Часть III. Запад против Востока	
Последняя ошибка Барбароссы	263
Кто боится карлика	299
«Великий мальчик»	324
Заключение	364

**МОЖЕЙКО Игорь Всеволодович
(Кир Булычев)**

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Историческая серия**

**1185 ГОД
ЗАПАД**

Составитель *А.В. Алексеев*
Художник *К.А. Сошинская*
Технический редактор *А.Н. Аникеев*
Корректор *Л.М. Гусева*
Оригинал-макет *Л.И. Шмелева-Агинская,*
О.В. Новикова
Ответственный за выпуск *Е.А. Новиков*

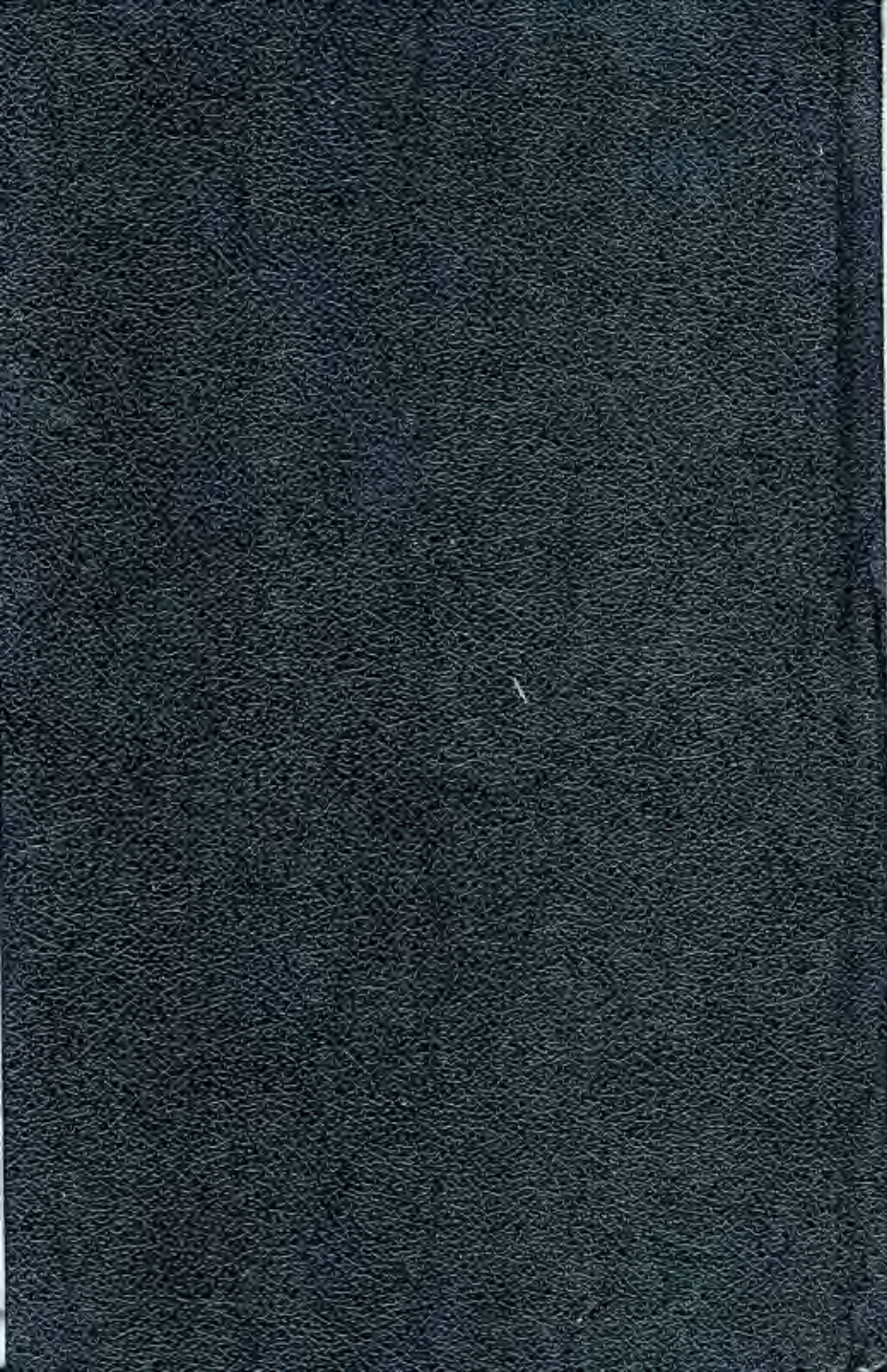
ЛР № 061490 от 30.07.92.

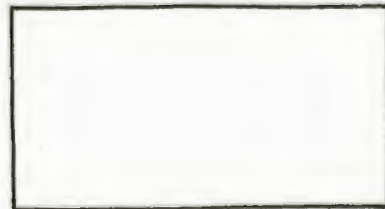
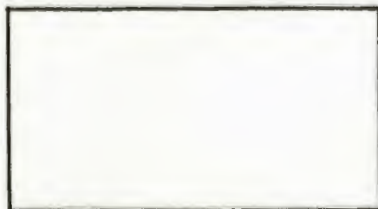
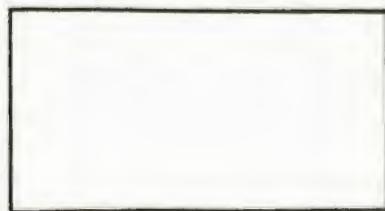
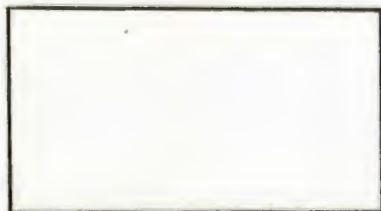
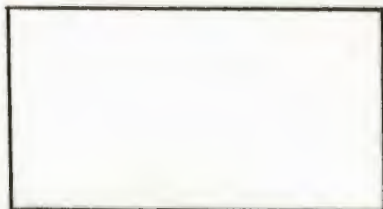
**Издательство «Хронос»
121099, Москва, а/я 880**

Подписано в печать 12.12.95. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Объем 19,32 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 16.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс . Тираж 5000.
Заказ 7500

При участии издательства «АРМЭ»

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Комитета РФ по печати.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

138488
PUB 77000